

ПОЛУКРОВКА

ДЕВЯТЬ ДОРОГ

RIVEN VOIDWALKER

Riven Voidwalker

Полукровка — девять дорог

«Автор»

2026

Voidwalker R.

Полукровка — девять дорог / R. Voidwalker — «Автор», 2026

Четыре месяца спустя после Осколка Эля и Аскар живут рядом, целуются, делят постель и дорогу — и всё ещё избегают назвать то, чем стали друг для друга. Новая чёрная бусина возвращает их к исчезнувшим караванам, долговым меткам и людям, наполненным чужой светлой маной. То, что начинается как расследование международного чёрного рынка, постепенно связывает Элирию, Ноктарию, дворфийские глубины, орочьи степи и Атлантские острова. За законными лечебницами и благотворительными поставками скрыта система, превращающая живых людей в сосуды. Чтобы разрушить её, Эле придётся учиться свету, не переставая быть клинковым бойцом, а Аскару — провести их по путям, которые не подчиняются одной карте. Девять дорог расходятся перед ними, но ни одна не избавляет от выбора.

© Voidwalker R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дом у Серого Брода	11
Глава 2. Чёрная нить	29
Глава 3. Книга меры	42
Глава 4. Живой сосуд	55
Глава 5. Свет в руках	69
Глава 6. Закон источника	83
Глава 7. Ложный порог	95
Глава 8. Чужая законность	107
Глава 9. Дар Сольвейнов	120
Глава 10. Северная застава	133
Глава 11. Перелив	145
Глава 12. Печать наместницы	159
Глава 13. Дорога в Элирию	171
Глава 14. Белые ворота	183
Глава 15. Отец Эльвиры	196
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Riven Voidwalker

Полукровка — девять дорог

Пролог

Место, где встречались Домены Света и Тени, не имело ни пола, ни стен, ни привычного человеческому глазу света. Оно существовало как складка между двумя реальностями — достаточно прочная, чтобы выдержать присутствие богов, и достаточно гибкая, чтобы они могли чувствовать друг друга без напряжения. Лиарис любила это место за его неопределённость. Ноктэр — за то, что здесь всегда можно было достать хороший чай.

— Ты опять принесла эти сладости, — заметил он, даже не поднимая взгляда от чашки. — Я всё ещё не понимаю, зачем смертным понадобилось смешивать мёд с орехами и называть это едой.

— Затем, что это вкусно, — Лиарис отправила в рот очередной шарик и блаженно прикрыла глаза. — Ты просто не умеешь наслаждаться простыми вещами, дорогой брат. Твоя жертвенность в отвержении удовольствий начинает меня тревожить.

— Я умею наслаждаться простыми вещами, — возразил Ноктэр. — Я наслаждаюсь тишиной. Я наслаждаюсь тем, что никто не пытается меня спасти, научить или объяснить мне мои же собственные законы. Я наслаждаюсь чаем без сахара, который, между прочим, гораздо лучше чувствует вкус листьев.

— Это потому, что у тебя нет вкуса, — парировала Лиарис, но протянула блюдце ему через невидимую границу. — Попробуй. Я знаю, тебе нравится, даже если ты изображаешь страдания.

Ноктэр взял один шарик, подержал в пальцах, рассматривая его с тем же вниманием, с каким смотрел на отпечатки минувших веков, и отправил в рот. Жевал долго, сосредоточенно. Лиарис терпеливо ждала, зная, что он никогда не признается вслух, но обязательно возьмёт ещё.

— Приемлемо, — сказал он наконец, что на языке божественного высокомерия означало «превосходно, но я скорее сдохну, чем скажу это прямо». — Хотя в них слишком много сладости. Смертные портят всё, что трогают.

— Смертные в этом месяце испортили только твоё настроение, — усмехнулась Лиарис, откидываясь в кресле, которого у неё не было мгновение назад, и которое теперь стояло на вполне осязаемой поверхности. — Говори уже, дорогой брат. Я вижу, у тебя чешутся пальцы. А когда ты так смотришь на чай, я начинаю подозревать, что тебя интересует вовсе не заварка.

Ноктэр не стал притворяться. Он щёлкнул пальцами — и между ними, на уровне груди, повис прозрачный шар, внутри которого закружились знакомые очертания. Лес. Ночь. Девушка с тёмными волосами и испуганными глазами, которая говорила с пустотой, и пустота отвечала.

— Она даже не знала, что такое мана, — произнёс Ноктэр с искренним, почти благоговейным изумлением. — Смотри. Вот она только что прокляла себя — совершенно случайно, надо сказать, из чистого незнания. И теперь сидит и ждёт, что перед ней появится её погибший возлюбленный.

Лиарис подалась вперёд, вглядываясь в отпечаток. Её губы дрогнули.

— Она разговаривает с ним, — тихо сказала она. — Полчаса. Вслух. Обсуждает их общее прошлое. И Тень... молчит.

— Тень не умеет говорить, — напомнил Ноктэр, и в его голосе прорезалась та самая нота, которая у смертных называлась бы «предвкушением». — Она вообще ничего не умеет. Это

просто сгусток силы, который она накачала собственной жизнью. Но она ждёт. Ты видишь? Она не реагирует на слова, но она слушает. Она не знает, что делать с этим потоком эмоций, но она его запоминает.

— И потом она начинает двигаться в ответ, — Лиарис хихикнула, закрывая рот ладонью. — О, бедняжка. Она думала, что это он. Каждое шевеление, каждый случайный отблеск она принимала за доказательство. «Рен бы так не сделал», «Рен бы так сказал», — она провела рукой, заставляя отпечаток ускориться. — Смотри, вот тут она обижается, что Тень слишком долго молчит. А вот тут — что Тень слишком быстро отвечает. У неё была целая система интерпретаций!

— Которая работала ровно до тех пор, пока Тень не проявила собственную волю, — Ноктэр позволил себе улыбку — ту самую, которую Лиарис знала тысячелетиями, но смертные никогда не видели. — Ты помнишь тот момент, когда она защитила Аскара?

Лиарис задохнулась от смеха.

— Помню ли я! Тень просто взяла и встала между ним и ударом, а Эля сидит и смотрит с таким лицом, будто у неё украли любимую игрушку. Она ревновала к собственной магии!

— Не просто ревновала, — поправил Ноктэр. — Она приказала Тени вернуться. Приказала. Своему же собственному проклятию, которое питалось её жизнью. Она стояла в лесу и кричала «Нет!» в пустоту, а потом обиженно топала ногой, когда Тень её не послушалась.

Лиарис вытерла выступившие слёзы.

— Знаешь, я ведь видела, как смертные впервые берут магию. Они осторожничают. Они учатся. Они молятся, чтобы не сделать ошибку. А эта... она даже не спросила, что делает. Она просто взяла отпечаток своего погибшего — не его душу, нет, просто воспоминание и форму — и влила туда себя.

— И получила личность, — Ноктэр покачал головой, и в его жесте не было осуждения, только восхищение мастерством, которого у автора не было и быть не могло. — Она не понимала магию, но она создала характер. Она создала собеседника. Она дала ему привычки, голос, интонации, — он прервался, взял ещё один шарик с блюда и отправил в рот, словно награждая себя за терпение. — Жрецы учатся столетиями, чтобы просто почувствовать поток маны. А она вырастила отпечаток, который мог принимать решения.

— Некоторые из которых её бесили, — добавила Лиарис, снова фыркая.

— Некоторые из которых она обсуждала с Лиссой, — хмыкнул Ноктэр. — Маленькой девочкой из того пограничного городка, которую она, по её собственным словам, не собиралась спасать. Которая была ей не нужна. Которая не была её заботой.

— Ради которой она отправилась по следу пропавшего каравана, — подхватила Лиарис, — влезла в чужую историю, расспрашивала торговцев, рыскала по северной дороге, а потом, когда нашла правду, вдруг заявила, что всё вышло случайно. «Я просто проходила мимо», — передразнила она, понижая голос до мрачного, драматичного шёпота. — «Мне нет дела до ваших проблем». И при этом после закрытия Осколка первым делом вернулась к этой девочке.

— Аскар, — напомнил Ноктэр, и богиня издала звук, похожий на подавленный смешок. — Аскар, который был всего лишь дорожным спутником. Просто попутчиком. Совершенно неважным человеком, которого она целовала.

— Целовала так, что я чуть не подавилась, когда увидела этот отпечаток в первый раз, — призналась Лиарис, прикрывая глаза ладонью. — И при этом они оба называли это «дорожным удобством». У них была общая ночёвка, общее тепло, общий котёл, и они всё ещё говорили друг другу «мы просто помогаем друг другу в пути». Дорогой брат, если это «просто помощь», то я начинаю подозревать, что ты неправильно меня учил языку смертных.

Ноктэр задумчиво посмотрел на чай.

— Я ставлю на то, что они признаются друг другу в течение года, — сказал он.

— Года? — Лиарис вскинула брови. — Ты слишком оптимистичен. Она будет отрицать до последнего, даже если он придёт к ней с кольцом и официальным прошением. Я ставлю на два года и одно почти смертельное ранение, после которого она в бреду скажет что-то решающее. Твоя самоуверенность в этом вопросе почти трогательна.

— Идёт, — Ноктэр хлопнул ладонью по невидимой поверхности, и где-то глубоко под Доменами звякнула магия, фиксируя спор. — Но вернёмся к ней. Ты видела, как она прощалась с бусиной?

Лиарис вздохнула, но улыбка не сходила с её лица.

— О, это было великолепно. Она сидела и смотрела на чёрную бусину, как на могилу. Она держала её на ладони и прощалась как с живым человеком. Ноктэр, она держала её, наверное, целую вечность! Я видела, как она мысленно подбирала слова. Она говорила ему, что отпускает. Что больше не будет держать.

— И при этом она положила бусину в такую позу, чтобы на неё падал свет, — добавил Ноктэр, и в его голосе послышалось откровенное удовольствие. — Я почти уверен, что она дважды поправляла её пальцем, чтобы бусина лежала «красиво». Она не могла отпустить даже тогда, когда уже приняла решение. Ей нужно было, чтобы прощание выглядело достойно.

— А потом она вышла, и Аскар стоял там, — Лиарис снова засмеялась, закрывая лицо руками. — И она сказала ему: «Всё кончено, я больше не связана». И он сказал: «Я знаю». И они оба стояли и молчали, и каждый из них думал о том, что сейчас не время говорить остальное.

— Они никогда не говорят остальное, — усмехнулся Ноктэр. — В этом их очарование. Они будут целоваться, сражаться, спасать друг друга, рисковать жизнью, но скажут «я тебя люблю» только когда один из них будет умирать. И то в полголоса, чтобы второй мог сделать вид, что не расслышал.

Лиарис покачала головой, вытирая глаза.

— Бедняжка, — сказала она, но в голосе не было жалости. Было тёплое, снисходительное умиление, которое она испытывала к особенно забавному котёнку, умудрившемуся запутаться в собственных лапах. — Она прошла через всё это, потеряла голос, смех, воспоминания, часть личности... и всё равно не сдалась. Ты заметил, она улыбнулась Аскару, когда поняла, что освободилась? Улыбнулась. После всего.

— Она улыбнулась, потому что наконец-то могла нормально дышать, — поправил Ноктэр. — Но да, я заметил. Я вообще многое заметил. Особенно сейчас, когда разрушение Осколка выбросило к нашим границам целый ворох обрывков её следов. Память, эмоции, случайные отпечатки — мы видим больше, чем обычно, но всё равно с пробелами. Приходится догадываться.

— И догадки у тебя всегда самые смешные, — поддела Лиарис. — Дорогой брат, ты называешь это «наблюдением за отпечатками памяти», но у смертных для этого есть гораздо более короткое слово: подглядывание. И ты наслаждаешься им, как мальчишка.

— Зато мои догадки верные, — парировал Ноктэр, невозмутимо поднимая чашку. — Кстати, о магии. Ты ведь уже открыла ей свою Нить?

Лиарис кивнула, и в её взгляде промелькнуло что-то вроде предвкушения.

— Совсем слабую, едва заметную. Она пока даже не знает, что это такое. Просто чувствует лёгкое тепло, которое списывает на усталость или остаточное влияние проклятия. Но мне интересно, когда она поймёт.

— И что она тогда сделает? — Ноктэр подался вперёд. — Будет молиться, чтобы повторить ошибку? Или попробует использовать магию правильно, как все смертные, — с молитвой, с осторожностью, с дрожащими руками?

— Ты же знаешь её, — Лиарис фыркнула. — Она сначала сделает, а потом спросит разрешения. И скорее всего, снова наделает глупостей. Но уже с настоящей магией. Я почти готова поспорить, что она умудрится использовать Свет так, как никто не додумался за тысячу лет.

Ноктэр усмехнулся.

— В этом-то и прелесть. Она не умеет делать что-то одно. Она всегда переусердствует.

Они помолчали, наслаждаясь чаем и общей тишиной, которая не требовала заполнения. Отпечаток погас, оставляя после себя лёгкое марево тепла. Где-то далеко, в мире смертных, шла своя жизнь, но здесь, на границе Доменов, время текло иначе — медленно, словно мёд по ложке, позволяя наслаждаться каждым мгновением.

— Покажи мне, что ты нашёл, — сказала Лиарис, ставя чашку на невидимый столик. — Я знаю, ты не просто так завёл этот разговор. Ты что-то заметил, и у тебя этот взгляд, который бывает только когда ты находишь новую игрушку.

Ноктэр не удивился. Он знал её тысячелетия, и она знала его так же хорошо. Он щёлкнул пальцами, и перед ними повисла другая картина — не цветная, не живая, почти схематичная. Она напоминала нити, но нити эти были перекручены странным образом, словно кто-то пытался вязать узел, которого не существовало в природе.

— Канал Света, — сказал Ноктэр. — Земной. Твой, но не твой. Ты видишь?

Лиарис нахмурилась, вглядываясь. Она провела рукой по воздуху, и нити отозвались, подтверждая её присутствие, но внутри себя она чувствовала странный холодок.

— Согласие, — тихо сказала она. — Здесь должно быть согласие. Добровольное решение живого человека принять магию. Но оно...

— Повторяется, — закончил Ноктэр. — Идеально одинаково. В одном и том же месте, с одной и той же интонацией, без вариаций. Как будто его скопировали и вставили.

Лиарис смотрела на это, и её обычная расслабленность начала таять, сменяясь чем-то более острым. Но вместо тревоги в глазах появился блеск.

— Этого не может быть, — сказала она, и в голосе послышалось неподдельное восхищение. — Согласие — это личное. Оно всегда уникально. Даже самый покорный человек не отдаёт своё согласие дважды одинаково. Кто бы это ни сделал — он либо гений, либо безумец. Или и то и другое.

— Вот именно, — Ноктэр повернулся к ней, и в его глазах появилась та самая искра, которую Лиарис видела только тогда, когда он находил что-то действительно необычное. — Я заметил этот след возле твоего канала. С виду — правильная форма, мана на неё отвечает, но внутри — пустота. Нет человека, который принимал бы это решение. Просто повторяющийся отпечаток, лишённый настоящего выбора.

Лиарис провела пальцами по нитям, пытаясь ощутить хоть что-то живое, но находила только механическую пустоту. Внезапно она улыбнулась — широко и почти озорно.

— Какое счастье, — сказала она, и в голосе зазвенело предвкушение. — Всего один невозможный узел, и ты снова выглядишь почти живым. А я сижу здесь уже тысячу лет и ждала, когда же случится что-то, что я не смогу объяснить за первую же минуту.

— Ты даже не пытаешься закрыть канал, — заметил Ноктэр, и в его голосе послышалось любопытство. — Могла бы оборвать поток в один миг.

— Могла бы, — легко согласилась Лиарис. — И что бы я получила? Чистый канал и ещё тысячу лет скуки в придачу. Дорогой брат, я всегда успею его закрыть. А такая загадка может больше не повториться за всю вечность. Кто-то сумел обмануть мою собственную магию, подделать согласие, провести его через мой поток. Это же восхитительно. Я хочу знать, кто это, как он это сделал и что будет дальше.

— Ты оставляешь его работать, — констатировал Ноктэр, и в его голосе не было осуждения, скорее узнавание старой знакомой черты. — Сознательно. Чтобы посмотреть, куда он приведёт.

— Именно, — Лиарис откинулась в кресле и потянулась за новой сладостью. — И не смотри так. Ты бы сделал то же самое.

Ноктэр покачал головой, но в глазах у него блеснула тёплая насмешка.

— Ты никогда не умела пройти мимо ловушки, не ткнув в неё пальцем, — сказал он. — Особенно если ловушка выглядит достаточно опасной.

— А ты? — парировала Лиарис. — Ты ведь уже построил дюжину теорий о том, кто это сделал, и мучаешься, что не можешь проверить ни одну. Не притворяйся, что ты лучше меня.

Ноктэр не ответил, но по тому, как он снова взял чашку и сделал глоток, Лиарис поняла — она попала в точку.

— Я не вижу, куда уходит мана, — призналась она, возвращаясь взглядом к нитям. — Она идёт по каналу, выполняет запрос, а потом... исчезает. Как будто её забирает кто-то, кто стоит вне моих потоков. Кто-то, кто научился заставлять канал выглядеть так, будто выбор каждый раз совершается добровольно.

— Я не знаю, смертный ли это, — сказал Ноктэр. — Или кто-то другой. Но ясно одно: это не вмешательство напрямую. Это подделка. Кто-то научился использовать магию, не спрашивая разрешения по-настоящему. Или заставляя платить другого.

— Но это же невозможно, — возразила Лиарис. — Магия всегда требует согласия. Без него каналы не открываются. А здесь... форма есть, а сути нет.

— Значит, кто-то нашёл способ обойти суть, — Ноктэр посмотрел на неё с выражением, которое у смертных называли бы «хитрым интересом». — И мне очень любопытно, как он это сделал. Особенно теперь, когда канал всё ещё поёт.

— Тем лучше, — Лиарис улыбнулась, и в этой улыбке было столько же игривости, сколько и беспечности. — Посмотрим, куда заведёт мелодия.

Они снова замолчали, но теперь тишина была другой — настороженной, заинтересованной, готовой к движению. Боги сидели на границе своих владений и смотрели на то, как мир смертных делает то, чего он не должен был уметь делать.

— Наконец-то, — сказал Ноктэр, и в его голосе не было тревоги, только удовольствие. — Я уже начал думать, что вечность будет скучной.

Лиарис хотела ответить, но в этот момент под Доменами прошла волна.

Она была слабой, почти неосязаемой — как дрожь земли за много миль от эпицентра, как звук, который слышишь не ушами, а костями. Девять божественных потоков, отдельных и независимых, на мгновение дрогнули в одном ритме. Одинаково. Словно кто-то дирижировал ими издалека.

Лиарис и Ноктэр переглянулись.

— Ты почувствовала? — спросил Ноктэр, и в голосе его послышалось нечто среднее между изумлением и восторгом.

— Я почувствовала, — ответила Лиарис, и в её голосе смешались удивление и предвкушение. — Дорогой брат, кажется, твоя скука наконец-то подошла к концу.

Они не знали, что это было. Они не знали, откуда пришёл этот ритм и кто заставил потоки отозваться. Но оба — и богиня Света, и бог Тени — ощутили одно и то же: мир, который стоял на месте тысячелетиями, наконец-то сдвинулся.

И это было интереснее любого чая.

Внизу, под Доменами, ритм повторился — далёкий, глубокий, почти музыкальный, и исчез так же внезапно, как появился.

Ноктэр взял чашку, отпил остывший чай и улыбнулся той улыбкой, которую Лиарис знала так хорошо. Улыбкой того, кто только что нашёл себе занятие на ближайшую тысячу лет.

— Значит, — сказал он, — посмотрим, что ещё умеет эта маленькая полукровка с её едва теплящейся Нитью Света, когда она наконец поймёт, что теперь у неё есть настоящая магия.

Лиарис фыркнула, качнула головой, но улыбка тоже тронула её губы.

— Ставлю на то, что она влезет в это раньше нас, — сказала она. — Потому что она не может пройти мимо ничего, что выглядит как проблема. И я начинаю подозревать, что эта вечность будет гораздо веселее предыдущей.

— Идёт, — согласился Ноктэр, и под Доменами снова звякнула магия, фиксируя ещё один спор.

А ритм под ними не повторялся — но они оба знали, что это только начало. И Лиарис, допивая чай, смотрела на свой открытый канал с выражением, в котором не было ни капли страха — только жадное любопытство.

Глава 1. Дом у Серого Брода

Серый Брод показался из-за холма к полудню: низкие стены, две сторожевые башни и река, разрезавшая равнину тусклой полосой. За четыре месяца город не стал красивее. Вода всё так же несла щепу, камыш и тёмную пену к южным протокам, крыши всё так же прижимались друг к другу, словно боялись ветра, а над северными воротами всё так же висел колокол с трещиной. Только теперь к его глухому голосу Эля прислушивалась иначе.

В прошлый раз она входила сюда с Тенью, которую принимала за мёртвого возлюбленного, и с уверенностью, что любая остановка существует лишь для того, чтобы переждать ночь. Теперь рядом с сапогом лежала обыкновенная тень. Она вытягивалась по сухой колее, ломалась о камни и послушно повторяла каждый шаг.

Эля всё равно старалась на неё не смотреть.

— Если продолжишь проверять, не убежала ли она, споткнёшься, — сказал Аскар.

Он шёл справа от последней телеги, придерживая за повод гнедую кобылу возчика. Две недели назад животное растянуло сухожилие, и с тех пор Аскар каждое утро обещал хозяину, что сегодня точно перестанет нянчиться с чужой лошадей. Кобыла обещания не слышала и доверчиво совала ему морду под локоть.

— Я смотрю на дорогу.

— Разумеется.

— Там камни.

— Впервые вижу дорогу с камнями.

Она толкнула его плечом, когда поравнялась. Аскар качнулся ровно настолько, чтобы признать удар, но повод не выпустил. Уголок его рта дрогнул. Четыре месяца назад Эля приняла бы это за насмешку и ответила резче. Теперь знала: он ждал, пока она сама заметит, что снова идёт, опустив голову.

Обоз, который они сопровождали от Ровеля, состоял из четырёх телег с сушёной рыбой, шерстью и двумя ящиками дешёвого стекла. Работа была короткой, безопасной и достаточно скучной, чтобы Аскар согласился на неё сразу. Последние месяцы они брались именно за такие поручения. Семь дней туда, десять обратно. Никаких обязательств длиннее дороги. Никакого места, где пришлось бы объяснять, почему две кружки стоят рядом каждое утро.

У ворот скопилась очередь. Весенние дожди отступили, северную дорогу открыли для тяжёлых колёс, и город пытался за один день принять всё, что застряло на заставах за две недели. Пахло мокрой шерстью, конским потом, дёгтем и луком из лопнувшего мешка. Писцы ходили между телегами с серыми дощечками, привязанными к запястьям, и ставили мелом знаки на бортах.

Первый стражник узнал Элю не сразу. Он посмотрел на мечи, на лицо, на светлую прядь у виска, которая после Осколка так и не потемнела, и только потом замер.

Его рука легла на рукоять короткого копья.

— Имя.

— Эля.

Писец рядом поднял голову.

— Полное.

Она почувствовала, как старое раздражение поднимается от живота к горлу. Полное имя всегда было требованием выбрать сторону. Элинализ звучало слишком Элирийски для Ноктарской крови и слишком чуждо для приюта, где её звали коротко, чтобы быстрее окликать за работой. Фамилии у неё прежде не было. Теперь где-то на западе жил человек, который мог бы дать ей одну, но Эля ещё ни разу не произносила её как свою.

— Элинализ, — сказала она. — Других имён городская мера от меня не получала.

Стражник переглянулся с писцом. За их спинами очередь перестала двигаться. Кто-то шепнул: «Осколок». Кто-то другой ответил слишком громко: «Та самая».

— Покажи руки, — потребовал стражник.

— Зачем?

— Проверка следов искажённой магии.

— У вас теперь и такая есть?

— После того, что случилось к северу, есть.

Аскар не вмешался. Он передал повод владельцу кобылы, отступил на полшага и остался там, где Эля могла видеть его боковым зрением. Не заслонил её, не начал торговаться, не произнёс за неё ни слова. Только расстегнул ремешок на собственном запястье, освобождая руку.

Это раздражало сильнее чужой грубости. Он оставлял решение ей, а решения требовали больше мужества, чем удар.

Эля сняла перчатки.

На её ладонях были мозоли от рукоятей, тонкие белые шрамы и свежая царапина от стеклянного ящика. Никакого чёрного узора. Никакой силы, ползущей под кожей. Стражник всё равно наклонился так близко, словно ожидал увидеть ложь между линиями ладони.

— Теперь тень.

Она не сразу поняла.

— Что?

— Встань к столбу. Руки в стороны. Мы должны увидеть, что тень повторяет движение.

По очереди прошёл тихий смехок. Эля нашла глазами того, кто смеялся, и мужчина в синей шапке мгновенно заинтересовался колесом своей телеги.

Четыре месяца назад она бы ушла. Или заставила бы стражника пожалеть, что он умеет держать копьё. Сейчас за её спиной стояли купцы, заплатившие за сопровождение, а за воротами ждала девочка, которой Эля обещала вернуться не тогда, когда станет удобно, а когда сможет.

Она встала у столба.

Солнце било сбоку. Тень легла на серую стену, длинная и немного искажённая выступом кладки.

— Подними правую руку.

Эля подняла.

— Левую.

— У меня их всего две. Если хочешь проверить остальные, придётся подождать.

Кто-то в очереди фыркнул. Стражник покраснел, но продолжил:

— Поверни голову.

Она повернула. Тень повернулась вместе с ней.

Обычная. Плоская. Собственная.

От облегчения стало стыдно. Будто за четыре месяца она всё ещё не поверила, что освобождение не передумает.

Стражник шагнул ближе и протянул руку к перевязи её короткого клинка.

Аскар оказался между ними прежде, чем Эля успела вдохнуть.

Он не схватился за оружие. Просто накрыл ладонью чужое запястье и остановил движение.

— Она согласилась показать тень, — сказал он спокойно. — Не отдай тебе нож.

— Оружие у ворот осматривают.

— Осматривают глазами. Если правила изменились, позови того, кто умеет их читать.

Стражник дёрнул руку, но Аскар отпустил раньше, чем движение стало борьбой. На его ладони вспыхнула светло-тёмная полоса, оставшаяся после Осколка. Ожог тянулся от основа-

ния большого пальца к запястью и временами становился почти прозрачным, словно под кожей лежал тонкий кусок дымчатого стекла.

Писец увидел его и отступил.

— Оба отмечены.

— Я ещё и плохо сплю, — сказал Аскар. — Записывай всё, пока место есть.

Эля услышала смехок уже не один. Напряжение в очереди распалось, хотя стражнику это не понравилось. Он сорвал с крючка серую бирку, поставил на ней угольный знак и сунул возчику.

— До вечернего колокола явиться в меру. Все пятеро.

— Нас двое, — сказала Эля.

— Купцы тоже.

— Тогда семеро.

Писец посмотрел на дощечку, пересчитал людей и сердито зачеркнул цифру.

Ворота открылись для них неохотно.

Когда телеги тронулись, Эля задержалась под аркой. Здесь пахло холодным камнем, старой золой и водой. В прошлый раз у канавы лежала Лисса, а Тень впервые выбрала защитить не свою хозяйку. Эля помнила рыжие косы, испуг на маленьком лице и странную ревность, которая тогда показалась ей оправданной.

Теперь в канаве росла крапива.

Аскар остановился рядом.

— Можешь сказать, что проверка была унижительной.

— Она была глупой.

— Одно другому не мешает.

— Я выдержала.

— Я заметил.

Ей хотелось услышать, что она поступила правильно. Он намеренно не говорил этого, будто знал: чужое одобрение слишком легко превращается для неё в новый приказ.

— А ты не выдержал, — сказала Эля. — Полез, когда тебя не просили.

— Он тронул бы нож.

— И лишился бы пальцев.

— Именно поэтому я вмешался. Городские ворота плохо смотрятся с пальцами на земле.

Она всё-таки улыбнулась. Совсем немного, чтобы он не решил, будто победил.

Серый Брод принял их шумом рынка, запахом речной тины и десятками взглядов. Слухи вошли раньше них и теперь оборачивались вслед.

Городская мера занимала длинное двухэтажное здание у переправы. Нижний этаж был каменным и пережил войну; верхний достраивали трижды, поэтому окна не совпадали ни размером, ни высотой. Перед входом стояли весы для телег. За ними тянулись навесы, столы писцов и двор, где спорили сразу на четырёх языках.

Эля нашла Лиссу у стола с дорожными жетонами.

За четыре месяца девочка вытянулась, хотя по-прежнему казалась слишком маленькой для серого передника меры. Рыжие волосы теперь были собраны не в две косы, а в одну, тугую и тяжёлую. За левым ухом торчал огрызок угля. Лисса держала в одной руке деревянный жетон, в другой — книгу, почти равную ей по ширине, и спорила с седым торговцем так уверенно, будто всю жизнь взидала пошрины.

— На вашем жетоне три зарубки, — сказала она. — В книге две.

— Девочка, я через эту переправу ездил, когда тебя ещё не было.

— Поэтому успели забыть, сколько у вас телег?

— Позови взрослого.

— Взрослый поставил две зарубки. Я нашла третью телегу во дворе.

Торговец раскрыл рот, увидел Элю за её спиной и решил, что спорить с детьми сегодня действительно опасно.

Лисса повернулась.

На одно мгновение её лицо стало прежним — открытым, детским, почти беззащитным. Потом она положила жетон на книгу, вытерла ладони о передник и строго сказала:

— Вы задержались на два дня.

Эля ожидала объятия. Возможно, потому и не знала, куда деть руки.

— У возчика заболела лошадь.

— У возчиков всегда болеют лошади, когда они не хотят платить за ночлег у заставы.

— Эта действительно хромала, — вступил Аскар. — Я могу привести её для допроса.

Лисса посмотрела на него ещё секунду, затем бросилась вперёд и обняла сразу обоих. Лбом она ударила Элю в ключицу, локтем — Аскару в рёбра. Книга грохнулась на стол.

— Вы всё-таки вернулись, — сказала девочка в ткань Элиного плаща.

Эля положила ладонь ей на затылок. Волосы пахли дымом, бумагой и речной водой.

— Мы обещали.

— Вы много чего обещаете.

— И кое-что выполняем, — сказал Аскар.

Лисса отступила, быстро провела рукавом по глазам и тут же нахмурилась:

— Почему вас держали у ворот?

— Хотели посмотреть, умеет ли моя тень поднимать руки.

— И умеет?

— Лучше некоторых стражников.

Лисса рассмеялась. Смех оборвался так резко, будто она захлопнула дверь. Девочка опустила взгляд к книге и поправила лежащий на ней жетон.

Эля заметила это, но не сказала, что смеяться можно. Такие разрешения звучали щедро только для того, кто их давал.

— Тебя взяли в меру? — спросила она.

— Пока только помощницей. Я сортирую жетоны, переписываю старые списки и ношу книги тем, кто не умеет вставать со стула.

— Последнее — важная городская служба, — заметил Аскар.

— Особенно после обеда. Тогда они совсем тяжёлые.

Лисса подняла книгу, и Эля увидела на обложке выжженный знак северных караванов. Кожа была новая, а углы уже успели обтрепаться.

— Это список пропавших? — спросила она.

Девочка кивнула.

— Уже не только пропавших. Красной чертой отмечают тех, чью смерть подтвердили. Зелёной — тех, кто вернулся. Серой — если нашли имя, но не человека.

— Мирт?

Лисса открыла книгу ближе к середине. Имя брата было написано аккуратным взрослым почерком. Под ним стояла серая черта и короткая запись: «Шарф найден у северного привала. Свидетельство двух выживших».

— Они говорят, этого достаточно, — сказала Лисса. — Два человека видели, как его увели из каравана после нападения. Один слышал потом выстрел из арбалета. Тела нет.

Эля присела рядом, чтобы не смотреть сверху.

— Мне жаль.

Слова были верными и потому почти бесполезными.

— Мне тоже, — ответила Лисса. — Но я хотя бы знаю, где перестать искать его шаги. Остальным не дали даже этого.

Она перевернула несколько страниц. В конце книги оставались семь имён без цветных линий. Три Эля помнила по старому караванному списку. Четырёх прежде не видела.

— Эти люди исчезли позже?

— Нет. Они были в том же караване. Просто в первой книге их не оказалось. Я нашла имена в долговых расписках, а потом они исчезли и оттуда.

— Как имя может исчезнуть из расписки?

— Ножом, водой и новым листом, — сказала Лисса. — В мере многое исчезает очень законно.

Аскар перестал улыбаться. Он взял книгу, но не стал касаться записей пальцами.

— Кто разрешил тебе сравнивать долговые списки?

— Никто.

— Хорошее начало.

— Я знала, что тебе понравится.

Эля посмотрела на девочку внимательнее. Под глазами лежали серые тени, на среднем пальце правой руки образовалась мозоль от пера. Лисса стала старше не за четыре месяца. Она стала старше в тот день, когда взрослые вернули ей имя брата без тела и ожидали благодарности за точность записи.

— Ты не должна разбираться с этим одна, — сказала Эля.

Лисса закрыла книгу.

— Я не одна. Здесь писцы, мера и стража.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю. Ты хочешь, чтобы я отдала тебе список и больше к нему не подходила.

— Я хочу, чтобы тебя не нашли в реке из-за чужих расписок.

— А я хочу, чтобы ты перестала говорить со мной так, будто я всё ещё лежу у канавы.

Во дворе продолжали кричать возчики. Скрипели весы, хлопали пломбы, кто-то ругался из-за мокрого зерна. Для Эли всё это стало далёким.

— Тебе тринадцать, — сказала она.

— А Мирту было семнадцать. Это ему не помогло.

Эля почувствовала, как ответ уже поднимается — резкий, защищающий, такой, после которого разговор можно считать выигранным. Она стиснула зубы и позволила ему исчезнуть.

Аскар стоял у стола и рассматривал жетоны. Он не спасал ни одну из них от молчания.

— Что ты хочешь от нас? — спросила Эля.

Лисса удивилась. Видимо, ожидала запрета и приготовилась с ним бороться.

— Помочь проверить старую книгу. Не забрать её. Не решить всё без меня. Просто посмотреть вместе.

— Хорошо.

— И не скрывать, если найдёте что-то страшное.

— Это зависит от того, насколько страшное.

— Эля.

— Хорошо. Не скрывать.

Лисса протянула ей руку, словно заключала сделку на рынке. Эля пожала её. Ладонь была маленькой, пальцы в чернилах, хватка серьёзная.

— На месяц, — добавила девочка.

— Что на месяц?

— Вы останетесь здесь на месяц. Иначе снова возьмёте короткий обоз, а список будет ездить у вас в сумке между рыбными бочками.

— Мы ещё не обсуждали, где будем жить.

— Я обсуждала.

— С кем?

— С собой. Я согласилась.

Аскар кашлянул, пряча улыбку.

— Не вмешивайся, — предупредила Эля.

— Даже не думал. Мне интересно, чем закончится ваш равный спор.

— Я работаю, — сказала Лисса и подняла книгу. — А вы должны явиться к старшему писцу до вечернего колокола. У него для вас очень длинная речь о городском спокойствии. Я слышала её дважды и оба раза почти уснула.

— Значит, задержание у ворот было только вступлением.

— Нет. Вступление короче.

Лисса ушла к навесам, прижимая книгу к груди. На полпути обернулась, чтобы убедиться, что они не исчезли.

Эля осталась у стола.

— Месяц, — сказал Аскар.

— Молчи.

— Я ничего не предложил.

— У тебя лицо предлагает.

— Удобно. Можно экономить слова.

Она взяла со стола забытый Лиссой уголь и сунула в карман. Мелочь, которую можно было вернуть вечером. Причина не уходить до вечернего колокола.

До старшего писца они не дошли.

Крик поднялся у больших весов, когда последнюю телегу их обоза уже разгружали в дальнем дворе. Купец в зелёном кафтане стоял на приступке и размахивал бумагой перед лицом служащего меры. За ним темнела крытая повозка с южным знаком соли на борту. Одно заднее колесо было новым, светлее остальных, а ось блестела свежим железом.

Лисса протиснулась между двумя грузчиками и встала у пломбы.

— Она не совпадает, — сказала девочка.

— Отойди от товара, — рявкнул купец.

— На бумаге печать Ровельской дороги. На двери — Кременёвской заставы.

— Пломбу заменили после ремонта.

— Тогда здесь должна быть отметка мастера.

— Ты кто такая, чтобы требовать отметку?

— Та, кто её не видит.

Служащий меры, молодой мужчина с редкой бородой, схватил Лиссу за плечо и оттянул назад.

Эля оказалась рядом прежде, чем успела решить, что вмешивается.

— Убери руку.

Мужчина отпустил девочку сразу. Потом узнал Элю и попытался сделать вид, будто сам собирался это сделать.

— Здесь служебная проверка.

— Тогда проверяй пломбу.

— Бумаги в порядке.

Купец быстро кивнул.

— Именно. Груз шёл с юга, через Далем и Ровель. Ось треснула у речной дамбы. Местный кузнец заменил, что мог, а пломбу поставил начальник дорожной стражи.

Аскар обошёл телегу. Он не коснулся колеса, только присел у колеи и провёл ладонью над засохшей грязью на ободе.

— На южной дамбе красная глина, — сказал он. — Здесь серый мел и хвойная смола.

— Грязь могла налипнуть где угодно.

— Могла. Но такой смолой пропитывают оси севернее Топей Старых Знамён. На юге используют дёготь: дешевле и не трескается от жары.

Купец смерил его взглядом.

— Ты колесник?

— Нет. Мне просто часто приходится замечать, по какой дороге люди на самом деле убегают.

Толпа вокруг стала плотнее. Споры у весов были для Серого Брода тем же, чем казнь для крупного города: бесплатным зрелищем с возможностью почувствовать себя знатоком закона.

Служащий меры расправил плечи.

— Устные догадки не отменяют заверенной бумаги.

Эля посмотрела на его серый передник, на связку ключей и на знак меры у воротника.

— Тогда не слушай нас. Сделай то, что обязан сделать по своему закону.

— Бумаги уже проверены.

— Пломбы две. Проверь обе.

— Вторая заменена.

— Вот и установи кем.

Мужчина оглянулся на купца. Этого короткого взгляда хватило, чтобы толпа зашептала.

Эля могла положить ладонь на рукоять. Могла назвать его лжецом и увидеть, как вокруг освободится место. Вместо этого она убрала руки за спину.

— Лисса сказала, что отметки мастера нет. Ты можешь доказать, что она ошиблась. Публично. Это ведь простая проверка.

Ловушка была грубой, но сработала. Если служащий откажется, признает страх перед собственными правилами. Если согласится, телегу придётся открыть.

Он потребовал кусачки для пломб.

Купец шагнул вперёд.

— Я протестую. Внутри лечебные травы. Воздух испортит половину товара.

— Тогда стоило везти их по дороге, указанной в бумагах, — сказала Лисса.

Эля бросила на неё взгляд. Девочка невинно прижала книгу к груди.

Первую пломбу сняли с двери. Она оказалась настоящей: мягкий свинец, знак Ровеля, номер партии. Только проволока проходила не через старое отверстие в скобе, а через новое, просверленное совсем недавно. Под замком нашли обрезанный конец второй проволоки. На нём сохранился сплюснутый свинцовый кружок со знаком Кремнёвой Заставы.

Лисса положила обе пломбы рядом на ладони служащего.

— Эта поставлена в Ровеле три дня назад, — сказала она. — А Кременёвская стоит севернее нас. Телега не могла сначала пройти Ровель, потом северную заставу и вернуться сюда за три дня.

— Старую проволоку не сняли после предыдущего рейса, — возразил купец.

— Тогда она была бы снаружи новой, а не спрятана под замком.

Служащий меры нахмурился. На этот раз не на Лиссу.

— Кто вёл телегу до Ровеля?

Купец повернулся к возчику, стоявшему у передка.

Тот был худым мужчиной лет сорока, с обветренным лицом и тёмным шнурком на шее. До этого он не произнёс ни слова. Теперь снял шапку и смял её в руках.

— Я принял её уже с товаром, господин. У постоялого двора за дамбой. Бумаги отдали вместе с поводьями.

— Кто отдал?

— Старший возчик. Имени не сказал.

Купец побагровел.

— Ты говорил, что грузил травы лично.

— Вы спрашивали, целы ли тюки. Они были целы.

— Телегу задержать, — решил служащий. Решение далось ему тяжело, зато произнёс он его достаточно громко для всей толпы. — До сверки номеров с Кременёвской Заставой и Ровелем. Возчик и владелец останутся в городе.

Купец немедленно потребовал старшего писца, возмещения за травы и имя каждого свидетеля. Служащий повторил собственное решение уже увереннее.

Лисса улынулась так, будто победила лично его, но тут же спрятала выражение за раскрытой книгой.

Аскар провёл пальцем по новой оси и показал Эле тёмную крупинку смолы.

— Она пришла с севера, — сказал он тихо. — Потом её провели южными бумагами.

Эля наклонилась к колесу. Между доской борта и железным обручем застряло тонкое чёрное волокно. Она потянулась, но нить ушла глубже в щель и оборвалась, оставив на пальце масляный след.

— Что там? — спросила Лисса.

— Пакля. Или грязь.

Эля вытерла палец о ткань. За четыре месяца любой тёмный обрывок успел стать для неё подозрительным. Она не собиралась позволять памяти превращать мусор в знамение.

Телегу откатали в запираемый двор меры. Возчик пошёл следом, всё ещё мял шапку и оглядывался на северные ворота. Аскар проводил его взглядом.

— Он боится не закона, — сказал он.

— Купец его разорит.

— Возможно.

Лисса прижала книгу к груди.

— Я проверю номер Кременёвской пломбы.

— Вместе, — напомнила Эля.

Девочка вздохнула так, будто уступала из уважения к чужой слабости.

— Вместе.

Они вернулись в Серый Брод, чтобы провести здесь месяц без большой дороги. До вечера город уже положил перед ними телегу, которая сумела приехать с двух противоположных сторон.

Канат лопнул, когда телегу разгружали.

Звук был коротким, почти безобидным. Потом один из тюков сорвался с настила, грузчик попытался удержать его плечом, и металлическая скоба распоролa ему предплечье от локтя до запястья.

Кровь хлынула сразу.

Эля успела подхватить мужчину прежде, чем он ударился головой о камень. Уложила на спину, прижала ладонью рану и крикнула, чтобы принесли чистую ткань. Вокруг мгновенно вырос круг из людей, каждый из которых знал, что делать, но ни один не двинулся.

— Лекаря! — повторила она.

Лисса сорвалась с места. Аскар уже стягивал ремень.

Раненый был молод, широкоплеч и слишком испуган, чтобы кричать. Он смотрел на собственную кровь с немим удивлением, словно тело нарушило уговор.

Эля обернула ремень выше локтя и затянула деревянной рукоятью ножа.

— Смотри на меня.

— Я руку потеряю?

— Если будешь дёргаться, я сама её отрежу. Лежи спокойно.

Он замер. Угроза оказалась полезнее утешения.

Женщина в синем платке протолкнулась через толпу и опустилась возле него на колени.
— Гален! Боги милостивые... Исцели его.

Последние слова предназначались Эле.

— Я останавливаю кровь.

— Нет, светом. Ты вернулась из Осколка. Все знают.

Эля продолжала прижимать сложенную ткань к ране. Под пальцами кровь становилась горячей и скользкой.

— Все знают неправду.

— Ты носишь знак Света.

Женщина указала на светлую прядь у её виска. Другие зашептались. За четыре месяца история успела пройти через столько ртов, что Эля в ней научилась воскрешать мёртвых, запечатывать разломы прикосновением и разговаривать с Лиарис во сне. От неё требовали только подтвердить удобную часть.

Где-то глубоко под грудиной действительно жило тепло. Слабое, едва различимое, похожее на солнечный луч, случайно задержавшийся под кожей. Иногда оно отзывалось, когда Эля держала новорождённого ягнёнка, промывала чужую рану или просыпалась рядом с Аскаром. Она не знала, магия ли это. Не знала, как к ней обратиться. После Тени незнание перестало казаться разрешением попробовать.

— Я не умею, — сказала она.

Женщина уставилась на неё с обидой.

— Но ты даже не попыталась.

— Именно поэтому у него останется рука.

Аскар встал между толпой и раненым, освобождая воздух. Он не защищал Элю от обвинений. Просто не позволял чужим ногам занести грязь на ткань.

— Воды, — сказал он ближайшему мальчишке. — Не из реки. Из колодца. И кипячёной, если здесь кто-нибудь знает значение этого слова.

— Я знаю, — огрызнулась женщина.

— Тогда у нас уже больше чудес, чем ожидалось.

Эля бросила на него предупреждающий взгляд. Аскар поднял обе руки и больше не говорил.

Лекарь прибежал вместе с Лиссой. Это была сухая пожилая женщина с коротко стриженными волосами и кожаным ящиком. Она не спросила, кто совершил чудо, а сразу проверила жгут, заставила Элю ослабить давление и осмотрела края раны.

— Сухожилие цело. Сосуд задет, но не главный. Держи здесь.

Она вложила пальцы Эли точно в нужное место. Они работали молча: промыли порез, вытащили металлическую крошку, стянули края грубой нитью. Гален дважды терял сознание и возвращался, ругаясь всё изобретательнее. Когда повязка наконец скрыла рану, лекарь велела перенести его в прохладное помещение.

Женщина в синем платке пошла рядом, не глядя на Элю.

— Она думает, ты отказалась спасти его, — сказала Лисса.

— Я спасла.

— Знаю. Но она хотела красиво.

Эля вымыла руки в тазу. Вода стала розовой, затем красной. Тепло под грудиной не исчезло. Наоборот, сделалось немного яснее, словно кто-то наблюдал за её работой и одобрял.

Ей это не понравилось.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросил Аскар.

Он замечал слишком многое, особенно когда делал вид, что смотрит в другую сторону.

— Усталость.

— У тебя лицо не усталое.

— А какое?

— Такое, будто внутри тебя кто-то зажжёт свечу, а ты решаешь, залить её водой или ударить ножом.

Лисса перевела взгляд с него на Элю.

— Это про магию?

— Это про его желание получить по голове.

Эля вытерла руки и поднялась. Тепло осталось с ней, но она не потянулась к нему. Не сегодня. Возможно, никогда. Это решение успокоило ровно до следующего вдоха.

Старший писец оказался человеком, который умел превращать благодарность в обязанность быстрее, чем купец превращал воду в цену вина.

Он выслушал рассказ о телеге, похвалил меру за бдительность, Лиссу — за усердие, Элю с Аскарком — за «неожиданную умеренность», а затем сообщил, что город не располагает средствами заплатить за помощь.

— Мы и не просили, — сказала Эля.

— Тем лучше. Зато располагаем жильём.

На стол лёг большой железный ключ.

— Нет, — ответила она.

— Ты ещё не знаешь, от чего отказываешься.

— От дома, который город не смог сдать за деньги.

Старший писец вздохнул.

— Пустующий дом старшего весовщика. В двух минутах от переправы, крепкий фундамент, собственный очаг.

— Почему пустует?

— Старший весовщик умер.

— В доме?

— В реке. Дом здесь ни при чём.

Аскар взял ключ и взвесил на ладони.

— Крыша?

— Требуется внимания.

— Окна?

— В основном присутствуют.

— Крысы?

— Платят исправно.

Эля посмотрела на него.

— Верни.

— Я только проверяю качество железа.

Лисса стояла у двери и слишком старательно изучала трещину в стене.

— Это ты устроила? — спросила Эля.

— Дом пустой.

— Это не ответ.

— Я сказала мере, что вам негде жить. Мера сказала, что у неё негде хранить старые книги. В доме есть книги. Получается, если вы там живёте и помогаете их разбирать, все довольны.

— Кроме нас.

— Вы ещё не видели кухню.

Дом стоял в переулке между складом соли и мастерской лодочных вёсел. Он был узким, двухэтажным и наклонялся к реке так заметно, что Эля сперва решила: старший весовщик не утонул, а просто однажды выкатился из постели.

Дверь открылась с третьего толчка. Изнутри пахло сыростью, старой бумагой и мышами, исправно платившими меру последние годы.

— Крепкий фундамент, — напомнила Эля.

— Возможно, он где-то под домом, — сказал Аскар.

Лисса распахнула ставни. Одна удержалась. Вторая сорвалась с верхней петли, ударила Аскара по плечу и повисла у него в руках.

— Окна в основном присутствуют, — произнесла Эля.

— Я начинаю уважать старшего писца. Он ни разу не солгал полностью.

Несмотря на внешний вид, комнаты оказались сухими у дальней стены. На первом этаже помещались очаг, длинный стол и кладовая. Второй занимали спальня и бывший рабочий кабинет, заваленный книгами мер, свёрнутыми картами и мешками деревянных жетонов. Крыша текла в трёх местах. Пол скрипел в семи. Эля проверила оба выхода, высоту подоконников и расстояние до соседней крыши прежде, чем заметила, что делает это.

Аскар заметил раньше.

— Нападение ожидается с реки или через дымоход?

— Если дом наклонится ещё немного, река сама войдёт через дверь.

— Удобно. Не придётся носить воду.

В спальне стояла одна кровать. Широкая, тяжёлая, с резными столбиками и тюфяком, который лучше было не тревожить после смерти.

Лисса заглянула через плечо Эли.

— Я могу попросить вторую.

— Не нужно, — одновременно сказали Эля и Аскар.

Девочка посмотрела на них. Эля посмотрела на Аскара. Он самым серьёзным образом изучал трещину в потолке.

— Потому что внизу есть лавка, — добавила Эля.

— Очень короткая, — сказала Лисса.

— Я умею сворачиваться.

— Кто из вас?

— Лисса.

— Я просто составляю список имущества.

Аскар вынес тюфяк во двор. Из него поднялось облако пыли, и проходящая на другой стороне переулка перекрестилась знаком неизвестного Эле бога. Они открыли все окна, вымели мышиный помёт, нашли в кладовой три целые миски и четыре крышки без горшков. Лисса принесла ведро. Эля отскребала стол, пока не обнаружила под слоем воска вырезанные имена прежних жильцов. Аскар поднялся на крышу и исчез за краем.

Через минуту сверху посыпалась труха.

— Ты жив? — крикнула Эля.

— Пока дом не решил иначе.

— Это не ответ.

— Тогда да. Но одна балка считает по-другому.

Она вышла во двор и задрала голову. Аскар сидел верхом на коньке, придерживая сломанную черепицу. Весенний ветер трепал его волосы. На фоне бледного неба он выглядел слишком привычно, будто Эля уже много лет находила его на крышах домов, в которых не собиралась жить.

— Нужны доски, гвозди и смола, — сказал он. — До дождя продержится, если дождь будет вежливым.

— В Сером Броде?

— Тогда нужны ещё доски.

К вечеру дом перестал пахнуть заброшенностью и начал пахнуть мокрым деревом, золой и людьми. Это оказалось опаснее.

Эля стояла у стола с ключом на ладони. Он был тяжёлым, с бородкой в форме трёх зубцов. Ключ предполагал дверь. Дверь — вещи, которые останутся за ней утром. Место, куда можно вернуться и обнаружить всё там же.

— Мы можем жить на постоялом дворе, — сказала она.

Аскар чинил ставню. Он не поднял головы.

— Можем.

— Там сухо.

— Иногда.

— И не нужно чинить крышу.

— Нужно только платить человеку, который её не чинит.

— Через неделю можем взять новый обоз.

Молоток замер.

Лисса была в кладовой, достаточно далеко, чтобы сделать вид, будто не слышит.

— Можем, — повторил Аскар.

Эля ждала продолжения. Он вернулся к гвоздю.

— Скажи уже.

— Ты разрешила мне экономить слова лицом.

— Сейчас оно ничего не предлагает.

— Предлагает. Ты просто не согласна.

Она положила ключ на стол.

— Дорога — это работа.

— Иногда.

— Нам нужны деньги.

— У нас достаточно на месяц.

— Я не хочу зависеть от меры.

— Поэтому мы поможем с книгами и заплатим работой.

Он говорил спокойно, и от этого спорить было труднее. Эля подошла ближе.

— Ты хочешь остаться?

Аскар забил гвоздь до конца. Проверил ставню и только потом посмотрел на неё.

— Я хочу однажды проснуться и не собирать сумку раньше, чем пойму, где нахожусь.

Ответ был слишком честным для разговора о крыше.

— Мы всегда жили в дороге.

— Нет. Мы всегда выживали в дороге. Это не одно и то же.

— Ты говорил, что тебе не нужен дом.

— Мне не нужен дом, из которого нельзя уйти. Но бесконечно уходить — тоже способ позволить месту решать за тебя.

Эля почувствовала желание отступить к двери. Не уйти. Просто поставить между ними стол, стену, любую вещь, которая вернула бы разговору безопасный размер.

— Месяц ничего не изменит, — сказала она.

— Тогда бояться нечего.

Лисса появилась из кладовой с медным горшком.

— Нашла один с дном.

Она посмотрела на них и осторожно поставила горшок на стол.

— Сделка всё ещё действует. Месяц жилья за помощь с реестром. Потом можете уйти.

Я не запру дверь.

Эля взяла ключ.

— Один месяц.

— Конечно, — сказала Лисса слишком быстро.

— И этот дом не наш.

— Он принадлежит мере.

— Мы здесь временно.

— Я запишу именно так.

Аскар снова поднял молоток. Эля поймала его взгляд.

— Ни слова.

— Мне нужны гвозди.

— И второе одеяло, — добавила Лисса.

— У нас есть два.

— Одно вы отдали возчику с больной лошастью.

Аскар задумался.

— Тогда гвозди и одеяло.

Эля сжала ключ в ладони. Железные зубцы впились в кожу, оставляя три красные точки.

Дверь у неё за спиной всё ещё стояла открытой.

Она не закрыла её. Но и ключ не вернула.

Аскар вернулся с рынка перед закатом. Гвозди он принёс россыпью в кожаном мешочке, смолу — в старом горшке, а второе одеяло выбрал плотное, серое, без единой заплаты. Кроме этого в его руках оказались две глиняные кружки.

— Кружки зачем? — спросила Эля.

— Пить.

— В доме есть миски.

— Из мисок едят.

— На дороге мы пили из одной кружки.

— На дороге мы иногда ели холодную крупу ножом. Не всё заслуживает превращения в обычай.

Он поставил кружки на полку. Одну ближе к очагу, другую у края, где Эля уже сложила точильный камень и масло для клинков. Не спросил, какая кому. Просто запомнил, с какой стороны она садилась последние четыре месяца.

Лисса принесла из кладовой обломок мела и написала на внутренней стороне двери: «один месяц». Ниже поставила дату.

— Чтобы никто не забыл условия, — объяснила она.

— Сотри, — сказала Эля.

— Зачем? Через месяц запись докажет, что ты права.

— А если дом раньше упадёт в реку?

— Тогда дверь поплывёт отдельно, и условия всё равно сохранятся.

Аскар повесил ключ на гвоздь у косяка. Эля хотела снять его и убрать в сумку, где лежали деньги, запасной нож и всё необходимое для быстрого ухода. Вместо этого проверила, крепко ли вошёл гвоздь.

Впервые за последние месяцы мысль о доступной двери не заставила её немедленно выбрать путь наружу.

Ключ остался у двери.

Ужин готовили из того, что пережило дорогу: половины копчёной рыбы, двух луковиц, горсти крупы и кореньев, которые Лисса принесла с рынка. Аскар нарезал их слишком крупно. Лисса отобрала нож и показала, как надо. Эля сидела у окна, точила короткий клинок и слушала их спор о толщине моркови так внимательно, словно от него зависела оборона города.

— Крупные куски не развариваются, — сказал Аскар.

— Они не успевают свариться.

- Нужно дольше держать горшок на огне.
- Тогда крупа превращается в клей.
- Клей тоже полезен. У нас ставня сломана.
- Ты всегда так готовишь?
- До сих пор никто не умер.
- Эля провела камнем по лезвию.
- Это потому, что ты кормишь людей после боя. Они не отличают ужин от ранения.
- Аскар указал на неё деревянной ложкой.
- Человек, который однажды сварил ременную кожу, лишён права голоса.
- Это был запасной ремень.
- Это был мой ремень.
- Значит, ты проявил вклад в общий котёл.

Лисса прыснула. На этот раз смех продержался дольше. Она отвернулась к очагу, но не оборвала его сама.

Когда похлёбка была готова, они ели за отмытым столом. Снаружи шумела река, в мастерской через переулок кто-то ровно стучал молотком по заготовке весла. Дом отзывался на каждый порыв ветра скрипом, словно ещё не решил, согласен ли терпеть жильцов.

Лисса рассказывала о мере. О писце, который дважды записал козу как вдову, потому что хозяйка и животное носили одно имя. О купце, пытавшемся взвесить телегу без колёс, чтобы снизить пошлину. О старшем весовщике, прежнем хозяине дома, который мог определить недостачу муки по звуку мешка, но однажды перепутал собственный сапог с гирей.

— Мирт говорил, что он жульничает, — сказала она. — Однажды спрятал камень в мешок с солью, чтобы проверить. Старший весовщик сразу нашёл камень и заставил Мирта три дня мести двор.

Лисса улыбнулась воспоминанию. Потом замерла с ложкой у губ.

— Я не должна была смеяться.

Эля положила нож для хлеба на стол.

— Почему?

— Потому что он умер.

— Он не был мёртвым, когда спрятал камень.

Лисса посмотрела на неё.

Эля медленно подбирала слова. Любое утешение рисковало превратить Мирта в урок, а Лиссину боль — в задачу, которую взрослые красиво решили за ужином.

— Если помнить только последний день, — сказала она, — человеку достаётся слишком мало жизни. Мирт был не только тем, кого увели из каравана. Он ещё портил соль, получал наказания и, судя по всему, плохо выбирал камни.

— Камень был хороший. Просто мешок оказался маленьким.

— Тем более.

Лисса снова улыбнулась. Глаза блестели, но слёзы не пролились.

— А Рен? — спросила она. — Ты можешь вспоминать смешное о нём?

Вопрос вошёл тихо и потому глубже.

Эля посмотрела на миску. Она помнила руки Рена, кровь на снегу, его голос в лесу, которого никогда не было. Смешные вещи сохранились хуже. Не потому, что их было мало. Тень питалась яркими воспоминаниями, и смерть всегда кричала громче обычного дня.

— Не всё, — ответила она. — Иногда знаю, что смеялась, но не помню почему.

Аскар не коснулся её. Не отвёл разговор. Он сидел напротив и оставлял ей право закончить самой.

— Это страшно? — спросила Лисса.

— Да.

- Ты злишься?
 - Иногда. Но уже не знаю, на кого.
 - Можно злиться без имени.
 - Ты научилась этому в мере?
 - Нет. В мере каждому злу дают номер, чтобы положить в нужный шкаф.
- Аскар отложил ложку.
- Поэтому зло там так хорошо хранится.

После ужина Лисса развернула на столе копию списка пропавших. Они разделили страницы: Эле достались имена и приметы, Аскару — маршруты, Лиссе — долговые отметки и печати. Работали при двух свечах. Воск стекал на дерево, ветер трогал пламя через щель в ставне.

Ничего нового они не нашли. Семь имён оставались без людей, тела и объяснения. Две расписки ссылались на архив Морвея, одна — на несуществующую контору в Далене. Эля почувствовала знакомое раздражение: мир умел прятать жестокость в таком количестве бумаги, что мечу негде было развернуться.

- Завтра запросим черновые книги, — сказала Лисса.
 - Тебе их дадут?
 - Нет.
 - Тогда зачем спрашивать?
 - Чтобы отказ записали. Потом отказ можно показать старшему писцу.
- Аскар одобритительно кивнул.
- Она опаснее тебя.
 - Я заметила.

Лисса собрала листы. У двери остановилась.

— Я останусь у тётки Равы. Она живёт над пекарней. Если телегу начнут разбирать ночью, мне пришлют гонца.

- Ночью ты никуда не пойдёшь одна, — сказала Эля.
- Я приду за вами.
- Сначала за стражей.
- Стража спит ближе к мере.
- Значит, тем более.

Лисса закатила глаза, но кивнула. Эля вернула ей огрызок угля, который весь день носила в кармане.

- Ты украла его, — сказала девочка.
- Сохранила.
- В мере за это дают номер.
- Запиши на мой счёт.

Когда дверь закрылась, дом стал тише. На столе осталось три миски. Аскар взял две и понёс к тазу. Эля собрала третью, вытерла крошки и вдруг поняла, что они делят работу без единого слова. Как на стоянке: он приносил воду, она проверяла оружие; он разводил огонь, она выбирала место. Только здесь не нужно было сворачивать одеяла до рассвета.

- Не привыкай, — сказала она.
- Аскар опустил миску в воду.
- К чему?
 - К дому.
 - Я стараюсь не привязываться к ставне. Она ненадёжная.
 - Ты понимаешь.

Он повернулся. Между ними были стол, две свечи и всё, чего они не называли.

- Понимаю, — сказал Аскар. — Один месяц.

Эля ждала подколки, но её не было. От этого стало легче и почему-то больнее.

Ожог на ладони Аскара открылся после полуночи.

Он не разбудил Элю. Просто встал с кровати и ушёл вниз, стараясь не задеть скрипучую половицу. Она проснулась от отсутствия тепла рядом и нашла его у очага. Аскар сидел на лавке, держа руку над тазом. В воде расходились тонкие серые полосы.

— Ты собирался утром сказать, что всё прошло? — спросила Эля.

— Я рассчитывал, что к утру пройдёт.

— Значит, да.

Она зажгла вторую свечу, достала из сумки чистую ткань и мазь. Ожог не кровоточил, но кожа по краям стала прозрачной. Внутри пульсировал слабый тёмный свет, отзываясь на биение сердца.

— После телеги? — спросила она.

— После ворот. Усилилось у весов.

— Почему молчал?

— Ты была занята спасением человека без чуда.

— Это не ответ.

— Я учусь у тебя.

Эля посмотрела на него. Аскар выдержал взгляд несколько мгновений и сдался первым.

— Не хотел, чтобы город снова стал причиной уйти.

Она промыла ладонь и наложила мазь. Её пальцы двигались уверенно. Простая работа: ткань, лекарство, правильное давление. Никакой просьбы к теплу под грудиной.

— Мы не обязаны оставаться из-за ключа.

— Знаю.

— И из-за Лиссы.

— Знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто я уже решила сбежать?

— Потому что ты проверила оба выхода раньше, чем увидела кровать.

Эля затянула узел сильнее необходимого. Он поморщился.

— Это за наблюдательность.

— Справедливо.

Она не отпустила его руку. Большой палец лежал у основания повязки, чувствуя пульс.

— Я не знаю, как оставаться, — сказала Эля.

Аскар ответил не сразу.

— Я тоже.

— Ты выглядишь уверенно.

— Я вырос в Кассаре. Там уверенно выглядит каждый, кто хочет сохранить сапоги до вечера.

— Очень полезный навык для дома.

— Особенно если крыша продолжит течь.

Он наклонился и коснулся губами её виска. Поцелуй был коротким, привычным и настолько тихим, что Эля могла бы сделать вид, будто его не было. Она повернула голову и поцеловала его в губы сама.

Никакого обещания. Никакого названия. Только тепло, знакомый вкус горькой мази на его пальцах и ладонь Аскара у неё на затылке.

В дверь забарабанили.

Эля отстранилась мгновенно, уже доставая нож.

— Это я! — крикнула Лисса снаружи. — Не убивайте дверь, она и так плохо закрывается.

Аскар посмотрел на Элю.

— Очень временный дом.

— Молчи.

Лисса вошла запыхавшаяся, без плаща, с растрёпанной косой. В одной руке держала фонарь, другую сжимала в кулак.

— Я сначала позвала стражника, — сообщила она. — Он идёт. Медленно. Потому что застёгивает сапоги.

— Что случилось?

— Телегу начали разгружать по приказу старшего писца. Травы действительно сверху. Но под ними пустое отделение. Почти пустое.

Она раскрыла ладонь.

На коже лежала чёрная бусина. Маленькая, матовая, с тонким угловатым знаком Ноктарского дома. Один край был сколот, а в отверстии застрял обрывок той же маслянистой нити, которую Эля приняла за паклю у колеса.

Комната словно стала холоднее, хотя огонь не изменился.

Эля не потянулась к бусине сразу. Четыре месяца назад такие вещи вели её по следу Тени, Барахура и Рена. Теперь на ладони Лиссы лежала не часть прошлого. Кто-то использовал старый знак сегодня.

— Ты уверена, что она из телеги? — спросил Аскар.

— Я видела, как она выпала из щели под доской. Писец хотел бросить обратно. Я забрала.

— Нарушив приказ не трогать груз, — сказала Эля.

— Я знала, что ты оценишь.

Аскар взял фонарь и поднёс ближе. Знак был похож на прежний, но одна линия уходила в сторону, образуя незнакомый крючок.

— Не Кхар-Рах, — сказал он. — Или не только они.

Эля достала со стола копию списка и развернула карту маршрутов. Телега по чистовым бумагам вышла из Далема, прошла Ровель и вошла в Серый Брод с юга. Кременёвская пломба принадлежала северной заставе. Бусина была спрятана под грузом до того, как новую ось смазали северной смолой.

— Покажи номер пломбы, — попросила она.

Лисса назвала.

Эля нашла нужную строку в книге застав. Пусто. Следующий номер стоял на партии железа месячной давности, предыдущий — на шерстяном обозе. Пломбы между ними по документам не существовало.

— Она не проходила северную заставу, — сказала Лисса.

— И всё же получила её печать, — ответил Аскар.

За дверью послышались шаги наконец прибывшего стражника. Эля закрыла пальцы Лиссы вокруг бусины, не позволяя ему увидеть находку с порога.

— Никому не отдавай её без записи и двух свидетелей.

— Я думала, ты скажешь спрятать.

— Если спрячем, это снова будет только наша правда.

Эля посмотрела на ключ, лежавший у очага, на три миски у таза и на раскрытые книги. Месяц назад она бы взяла бусину, оружие и ушла по следу до рассвета. Теперь след начинался не за воротами, а здесь: в пломбах, именах и людях, которых можно было заставить отвечать публично.

— Утром потребуем оба варианта реестра, — сказала она. — Чистовой и черновой. И найдём того, кто выдал несуществующую пломбу.

— А возчик? — спросила Лисса.

Аскар посмотрел в тёмное окно.

— До утра его нужно оставить под охраной. Он знает, где получил телегу, даже если пока не понимает, что знает.

Эля открыла дверь стражнику.

За её спиной Лисса держала бусину, Аскар — фонарь, а дом старшего весовщика впервые выглядел не пустым.

Телега приехала с юга, несла северную пломбу и знак Ноктарского дома, которого не было ни в одном реестре. Значит, кто-то не просто прятал дорогу.

Кто-то научился вписывать её туда, где дороги никогда не существовало.

Глава 2. Чёрная нить

Утро началось с дождя, протёкшей крыши и спора о том, кто должен был догадаться поставить таз под третью дыру.

— Ты её нашёл, — сказала Эля.

— Я нашёл две.

— Значит, плохо искал.

Аскар стоял на кровати босиком и прижимал к потолку сложенный кусок промасленной ткани. Вода всё равно находила край и капала ему на плечо. Лисса сидела на полу, обхватив миску с горячей кашей, и наблюдала за ремонтом с выражением человека, который заранее знал исход.

— Дом принадлежит мере, — напомнила она. — По закону течь должна устранять мера.

— Когда?

— После письменной жалобы, осмотра и решения старшего писца.

Новая капля попала Аскару в волосы.

— К лету?

— К какому именно, в законе не сказано.

Эля передвинула таз. Вода ударила в его дно ровным звоном. Дом ещё не успел стать привычным, но уже требовал от них решений, которые невозможно было свернуть и привязать к седлу.

На столе лежала чёрная бусина. Лисса завернула её в чистую ткань, запечатала воском меры и заставила ночного стражника поставить знак свидетеля. Рядом находились копия номера несуществующей пломбы и обрывок маслянистой нити.

— Возчика допрашивают после первого колокола, — сказала Лисса. — Старший писец разрешил мне присутствовать.

— Разрешил? — переспросила Эля.

— Я принесла ему завтрак и стояла рядом, пока он не разрешил.

— Это называется осадой, — сказал Аскар.

— В мере это называется ожиданием решения.

Он спрыгнул с кровати. Повязка на ладони намокла. Эля поймала его за запястье прежде, чем он успел спрятать руку.

— Сменить.

— После допроса.

— Сейчас.

— Возчик может заговорить до первого колокола.

— Значит, пусть упражняется без нас.

Аскар посмотрел на Лиссу, явно рассчитывая на поддержку.

— Я не вмешиваюсь в семейные решения, — сказала она и зачерпнула кашу.

В комнате стало тихо.

Эля медленно повернула голову.

— Какие решения?

— Домовые. Я сказала домовые.

— Ты сказала другое.

— Дождь громкий.

Аскар протянул Эле руку.

— Повязка, — напомнил он с безупречно серьёзным лицом.

Она развязала ткань чуть резче, чем требовалось. Ожог побледнел, тёмное мерцание исчезло. Хороший знак, если не считать того, что Эля уже начала различать его хорошие и плохие дни.

— Сегодня мы не разделяемся, — сказала она, накладывая мазь. — Лисса остаётся при писцах. Ты проверяешь показания возчика по дороге. Я говорю с теми, кто открывал груз.

— Это называется разделить, — заметил Аскар.

— В одном здании.

— Очень маленькие отдельные дороги.

Эля затянула узел.

— Ещё замечания?

— Ни одного.

Лисса доела кашу и поставила миску в таз под протечку. Капля разбилась о остатки еды.

— Теперь у нас две проблемы, — сказала она. — Крыша и каша.

— Три, — ответила Эля, забирая со стола бусину. — Кто-то знает, что мы нашли телегу. До вчерашнего вечера возчик был просто человеком с чужими бумагами. Сегодня он свидетель.

Аскар надел перчатку поверх свежей повязки.

— Тогда пойдём раньше колокола.

Возчика звали Реван Тосс. Имя было записано в дорожной книге дважды: один раз как погонщика из Далена, второй — как временного служащего Ровельской торговой конторы. Почерки различались, даты пересекались, а сам Реван утверждал, что никогда не бывал в Далене.

Его посадили не в камеру, а в комнату для спорящих купцов. Стол прикрутили к полу, окно закрывала деревянная решётка, зато на двери отсутствовал замок. Мера хотела сохранить его рядом, не признавая арестованным.

Реван выглядел так, будто не спал. Он всё ещё мял вчерашнюю шапку, хотя край уже начал распускаться.

За столом сидели два писца. Лисса устроилась между ними с чистым листом и запасным пером. Эля заняла место напротив возчика. Аскар остался у окна.

— Расскажи с момента, когда получил телегу, — сказала Эля.

— Я уже рассказывал.

— Вчера вокруг кричали двадцать человек. Сегодня только мы.

Реван посмотрел на писцов.

— Они тоже кричат.

— Только если испортить поля, — сказала Лисса. — Не ставьте локоть на лист.

Он убрал локоть.

— Я нанялся в Ровеле. На площади у старой дамбы стоит двор «Три сети». Там всегда нужны возчики. Мне дали задаток, сказали прийти к рассвету. Телега уже ждала за городом.

— Кто дал деньги?

— Мужчина в коричневом плаще.

— Очень редкий цвет.

— Я не разглядел лица.

— Голос?

— Обычный.

— Руки?

Реван нахмурился.

— Что руки?

— Мозоли, кольца, отсутствующие пальцы. Люди забывают лицо, но замечают, как им считают монеты.

Он перестал мять шапку.

— На правой руке была белая монета. Сначала решил, что прилипла к ладони. Потом увидел: её держит кожаная петля между пальцами.

Аскар повернулся от окна.

— Монета настоящая?

— Не знаю. Белая, без чеканки. Он постучал ею по борту и сказал, что в Сером Броде меня встретит человек с такой же.

Лисса записала каждое слово.

— Где именно стояла телега? — спросил Аскар.

— За дамбой.

— С какой стороны дороги?

— Слева.

— Если смотреть на север или на юг?

Реван замешкался.

— На север.

— Что было за ней?

— Поле.

— Какое?

— Обычное поле.

— Посев, стерня, вода?

— Камыш. И старый столб с железным кольцом.

Аскар подошёл к столу.

— Это не Ровельская дамба. Там нет камыша западнее дороги. Есть постоянный двор у северного привала, возле старого водосброса. До Ровеля оттуда почти два дня.

Реван побледнел.

— Мне сказали, что это Ровель.

— И ты поверил?

— Я пришёл ночью. Меня привезли в закрытой повозке с другими работниками. Откуда мне знать?

Эля услышала важное слово.

— С другими?

— Пятеро. Может, шестеро. Нас высаживали по одному. Никого не видел после.

— И тебя не удивило, что работникам нельзя видеть дорогу?

Реван сжал шапку.

— Когда три дня не ел, удивляешься после задатка.

Эля промолчала. Мир предлагал бедным достаточно подозрительных работ, чтобы осторожность стала роскошью.

— Что ты должен был сделать в городе?

— Поставить телегу у весов. Не открывать. Дождаться человека с белой монетой и отдать поводья.

— А если груз задержат?

Он посмотрел на дверь.

— Уйти.

— Только?

— Только уйти.

Ложь была маленькой. Она пряталась не в голосе, а в том, как его большой палец нашёл край шапки и начал тереть одно место.

— Реван, — сказала Эля. — Вчера ты смотрел на ворота до того, как телегу задержали. Ты уже знал, что будешь уходить.

— Я боялся купца.

— Купец хотел пошлину вернуть. Ты боялся кого-то, кто не стоял во дворе.

Он молчал.

Аскар положил на стол обрывок чёрной нити. Не бусину — только нить.

— Это было на грузе?

Реван отшатнулся так резко, что стул скрипнул.

— Нет.

— Теперь верю, — сказал Аскар.

— Я не знаю, что это.

— Но знаешь, чего от неё ждать.

Реван закрыл лицо руками. Писцы перестали двигать перьями.

— Мне велели сжечь бумаги, — произнёс он наконец. — Если пломбу снимут до передачи. Под сиденьем был пузырёк с маслом и кремён. Я выбросил их, когда вошёл в очередь. Не смог. Там вокруг люди, лошади. Я думал, сгорит телега, а загорится весь двор.

— Кто велел?

— Мужчина с монетой.

— Что он сказал про нить?

— Что человек на рынке узнает её. Лавка возле красильщиков. На вывеске три иглы. Он даст мне ещё деньги и выведет из города.

Эля посмотрела на писцов.

— Записали?

Оба кивнули.

— Теперь запишите отдельно: Реван Тосс добровольно согласился показать лавку и дать свидетельство при городской мере.

— Я не соглашался идти, — сказал возчик.

— Тогда останешься здесь, а лавку найдём без тебя. Но человек с белой монетой решит, что ты уже всё рассказал.

Он посмотрел на деревянную решётку. За ней дождь полосовал двор.

— Здесь меня защитят?

Старший писец отсутствовал, стража менялась каждые четыре часа, а на двери не было замка. Эля не стала обещать удобную ложь.

— Здесь твоё имя записано у трёх людей. Это лучше, чем быть неизвестным телом за дамбой. Но защитить тебя получится, только если мы поймём, от кого.

Реван долго смотрел на неё.

— Я покажу лавку.

Лисса закончила запись и посыпала чернила песком.

— Поставьте знак здесь и здесь.

— Я не умею писать.

— Поэтому знак. Любой, которым сможете подтвердить своё решение ещё раз.

Он нарисовал кривой треугольник.

Эля смотрела, как писцы добавляют свои подписи. Нить на столе оставалась просто вещью. Но вокруг неё впервые появились имена, время и добровольно данное свидетельство.

Прошлое больше не было единственным доказательством.

Лавка трёх игл стояла там, где обещал Реван: в красильном ряду, между чанами с синей корой и навесом, под которым сушилась ткань цвета старой крови. Дождь делал краски ярче.

Вода стекала с полотнищ синими, жёлтыми и багровыми нитями, смешивалась в канаве и уходила к реке мутной радугой.

Ревана переодели в плащ без знаков и оставили в крытой повозке напротив. С ним сидели Лисса и один из писцов. Эля сперва возражала против присутствия девочки, но Лисса напомнила, что именно её почерк подтверждает добровольное свидетельство. Аскар добавил, что повозка безопаснее открытого ряда. После этого Эля возражала уже молча.

На вывеске лавки действительно были три иглы, вбитые в деревянный круг. Хозяин торговал шнурами, нитями для парусов, тонкими ремешками и крашеными лентами. Он был круглым мужчиной с тщательно подстриженной бородой и пальцами, испещрёнными уколами.

— Чёрная промасленная нить? — переспросил он. — Для обуви берут льняную, для тетивы конопляную. Промасленную можно положить в шов лодки, но чёрная краска там ни к чему.

Эля положила обрывок на прилавок.

Торговец не коснулся его. Взгляд метнулся к двери, потом к задней занавеси.

— Не моя.

— Я не спрашивала, твоя ли.

— Тогда зачем пришла?

— Реван сказал, что человек с белой монетой велел показать её здесь.

При упоминании имени торговец побледнел. Он убрал с прилавка руки и вытер ладони о передник.

— Не знаю никакого Ревана.

Аскар рассматривал мотки на стене. Не вмешиваясь, снял один, провёл нить между пальцами и вернул точно на прежнее место.

— У тебя на нижней полке такой же масляный состав, — сказал он. — Только нити светлые.

— Состав обычный.

— Значит, чёрную делал кто-то, кто знает твою работу.

— Полгорода знает мою работу.

— И много людей велят возчикам приходить к твоей вывеске?

Торговец посмотрел на Элю.

— Уходите.

— Дай имя, и уйдём.

— У меня семья.

— У Ревана тоже может быть. Пока мы не спрашивали.

— Вы не понимаете.

— Поэтому и пришли.

Задняя занавесь дрогнула. Эля заметила движение и положила ладонь на нож, но из прохода выглянула девочка лет восьми с катушкой в руках. Торговец резко велел ей вернуться наверх.

Страх получил лицо.

Эля убрала руку с оружия.

— Мы можем записать показания без твоего имени, — сказала она.

— Тогда они всё равно поймут.

— Кто?

Он молчал. За дверью дождь барабанил по навесу. По ряду прошёл продавец горячего молока, выкрикивая цену. Мир продолжал торговать, пока один человек решал, достаточно ли опасна правда.

— Нить не для шитья, — произнёс хозяин лавки. — Ею перевязывают грузовые мешки. Один оборот означает не вскрывать на обычной заставе. Два — не ставить рядом с храмовым товаром. Узел с бусиной...

Он сглотнул.

— Что означает бусина?

— Я не знаю точно. Такие мешки всегда принимали отдельно. Иногда они двигались.

Эля почувствовала холод в животе.

— Внутри были люди?

— Я не вскрывал.

— Но знал.

— Я догадывался.

— Удобная разница.

Аскар повернул голову к улице.

Эля услышала только хлопок.

Стрела прошла через мокрое полотно навеса и ударила торговца ниже ключицы. Его отбросило на полки. Мотки посыпались следом.

Эля рванулась к двери. На другом конце ряда человек в сером плаще уже отступал между чанами. До него было шагов сорок. Один быстрый бросок ножа мог достать, если дождь не изменит траекторию.

За спиной захрипел раненый.

Выбор занял меньше вдоха и всё равно успел причинить боль.

Эля захлопнула дверь лавки и опустилась рядом с торговцем.

— Аскар!

— Вижу.

Он не побежал за стрелком. Перевернул стол набок, закрывая окно и дверной проём, затем оттащил упавшие мотки. Стрела вошла под углом, наконечник остался внутри. Кровь шла тёмная, с пузырями воздуха.

— Лёгкое, — сказал Аскар.

— Возможно.

— Ты всегда так утешаешь?

Торговец попытался вдохнуть и закашлялся кровью.

— Молчи, — приказала Эля. — Трать воздух только на дыхание.

Она прижала ткань вокруг дровяка, не позволяя ему двигаться. Дочь торговца плакала за занавесью. Сверху закричала женщина.

— Лекаря из меры! — крикнула Эля в сторону улицы. — И стражу не к нам, а к северному выходу ряда!

Лисса выскочила из повозки. Писец пытался удержать её за плащ, но ухватил только капюшон.

— Я приведу Эрону.

— Не одна.

— Писец со мной.

— Я не соглашался, — запыхавшись, сказал тот.

— Теперь согласился, — ответила Лисса и потащила его за рукав.

Аскар выглянул из-за перевёрнутого стола. Стрелок исчез. В синей воде между чанами остались следы сапог, затем их размыва толпа.

— Мог догнать, — тихо сказал он.

— Знаю.

Он посмотрел на её руки, удерживающие ткань у раны.

— Я не обвиняю.

— Это хуже.

— Знаю.

Эля ощутила тепло под грудиной. Теперь оно отзывалось не свечой, а тонким натяжением, будто где-то далеко нить Света ждала прикосновения. Она могла попробовать. Возможно, остановить кровь быстрее. Возможно, повторить вчерашнюю ошибку уже внутри грудной клетки.

Она не прикоснулась к магии.

Эрена прибежала с Лиссой и писцом. Осмотрела рану, велела укоротить древко и перенести торговца на широкую доску.

— Вытащим в лечебнице. Здесь проткнёте вторую половину того, что первая стрела не задела.

— Он выживет? — спросила женщина сверху.

— Если боги, грязь и любопытные соседи не станут помогать одновременно.

Торговца унесли под дождь. Его дочь шла рядом, сжимая катушку так крепко, что нить врезалась в пальцы.

Эля подняла стрелу, пробившую навес. На древке не было знака мастера. Оперение обрезано коротко для стрельбы в тесном городе. Стрелок готовился не к бою с ними. Он пришёл за одним человеком и ушёл, когда тот перестал говорить.

У повозки Реван смотрел на окровавленные доски лавки.

— Я говорил, — прошептал он. — Они найдут.

— Теперь ты скажешь всё остальное, — ответила Эля.

Реван не двинулся. Дождь стекал с края повозки за его воротник, но он словно не чувствовал холода.

— Вы использовали меня, — сказал он. — Привели сюда, чтобы он заговорил. Теперь человек умирает, а тот, кто стрелял, видел моё лицо.

Эля могла возразить, что Реван сам согласился. Подпись лежала в книге, рядом стояли два писца, каждое слово было оформлено правильно. Но согласие не отменяло того, что опасность стала настоящей только после их вопросов.

— Да, — сказала она. — Мы привели тебя, потому что без тебя он не стал бы говорить.

Реван поднял голову, удивлённый отсутствием оправдания.

— И что теперь?

— Теперь ты не возвращаешься в комнату без замка. Писцы сделают копии показаний. Твоё имя услышит столько людей, чтобы убрать тебя тихо стало невозможно.

— От известного имени стрела не остановится.

— Нет. Но после неё останется дело, которое нельзя закрыть вместе с могилой.

— Очень утешает.

— Я не умею утешать.

Аскар подошёл с улицы. На сером плаще темнела вода, в руке он держал комок грязной ткани.

— Стрелок сбросил верхний плащ за красильней. Под ним был синий курьерский кафтан. Стража пропустила его через переулок, потому что решила, будто он несёт срочное письмо.

— Лицо?

— Закрывается воротником. Хромал на правую ногу, но след после плаща стал ровным. Хромота для свидетелей.

Реван коротко рассмеялся, без веселья.

— У них всё не настоящее.

— Стрела настоящая, — сказала Эля. — Поэтому идём в меру вместе.

Она посадила его между двумя писцами, а сама пошла рядом с открытой стороны повозки. Это была плохая защита от второго стрелка, зато Реван видел: его не отправили вперёд одного проверять следующую ловушку.

Торговца звали Севен Лорр. Стрелу извлекли к вечеру. Она прошла между рёбрами, распорола край лёгкого и застряла в лопатке. Эрена назвала его выживание «приемлемой вероятностью», что на её языке означало: ночь решит больше, чем лекарь.

Эля сидела у двери лечебницы, пока Севен не пришёл в себя. Аскар дважды уходил проверять ряд и возвращался с новыми мелочами: кусочком серого воска на водостоке, следом подошвы с вырезанным каблуком, свидетельством молочника, который видел белую монету на руке стрелка. Ни одна деталь не давала имени.

Лисса принесла Реваново показание и три чистых листа.

— Старший писец требует вернуть их до темноты.

— Вернём.

— Чистыми?

— Нет.

— Хорошо. Он всё равно не уточнил.

Севен очнулся после вечернего колокола. Говорить мог только короткими фразами, и Эрена разрешила задать три вопроса.

— Кто приносил тебе чёрную нить? — спросила Эля.

— Морвейский человек. Звался Элден. Может, лгал.

— Белая монета?

— Пропуск. Не деньги. Показывал — и мешки не считали.

— Куда уходили мешки с бусиной?

Он закрыл глаза. Эля решила, что потерял сознание, но Севен прошептал:

— На север. Потом назад без людей. Телеги те же. Вес другой.

Эрена подняла три пальца и загнула последний.

— Всё.

— Ещё одно, — попросила Эля.

— Нет.

— В него снова могут стрелять.

— Именно поэтому ему нужен воздух, а не твоё расследование.

Севен открыл глаза.

— Архив, — выдохнул он. — Они платили за номера до прохода. Ищите два счёта.

Эрена вытолкнула Элю из комнаты.

В коридоре Лисса уже записывала последние слова.

— Два счёта, — повторила она. — Черновой и чистой?

— Или две платы за один груз, — сказал Аскар. — Одна законная, другая за то, чтобы закон ничего не заметил.

Эля посмотрела на дверь палаты. Она отпустила стрелка ради жизни Севена. Теперь у них было имя, назначение нити и направление. Но нападавший оставался в городе, а человек с белой монетой уже знал, где лежит свидетель.

— Его нельзя оставлять здесь без открытого решения меры, — сказала она. — Тайная охрана просто даст кому-то тайно убрать охранника.

— Старший писец не захочет объявлять, что в городе стреляют в свидетелей, — заметила Лисса.

— Поэтому объявит при всех.

Слушание устроили перед вечерними весами. Старший писец надеялся провести его в зале, но Эля попросила Лиссу прочитать Реваново свидетельство прямо во дворе. К третьему абзацу вокруг собрались купцы, грузчики, родственники пропавших и половина стражи. Закрывать двери стало невозможно.

Лисса стояла на приступке. Голос сначала дрожал, потом окреп. Она прочитала про белую монету, чёрную нить и приказ сжечь бумаги. После неё второй писец подтвердил знак Ревана. Третий зачитал слова Севена, записанные при лекаре.

Старший писец слушал с лицом человека, у которого публично отнимают право назвать беду недоразумением.

— Мера признаёт Ревана Тосса и Севена Лорра свидетелями по делу о подмене караванных пломб, — объявил он. — Их показания и жизни находятся под городской защитой. Телега, груз, бусина и нить остаются опечатаны до завершения сверки.

— За чей счёт? — выкрикнул купец из первого ряда.

Вопрос подхватили сразу. Кто заплатит страже, кто возместит испорченные травы, кто отвечает за задержанные телеги, почему рынок должен терпеть досмотр из-за одного перепуганного возчика. В Сером Броде сочувствие всегда заканчивалось там, где начиналась пошлина.

Старший писец поднял ладонь, но толпа не умолкла.

— Если теперь каждую неправильную пломбу объявлять заговором, торговля встанет! — кричал хозяин зернового склада. — Северная дорога только открылась. Половина бумаг перепутана после дождей.

— В перепутанных бумагах не стреляют из лука, — ответила Эля.

— А ты откуда знаешь, что стреляли из-за нитки? Может, торговец должен кому-то деньги.

— Тогда должник удивительно вовремя решил взыскать их между первым и вторым вопросом.

— Это не доказательство.

— Верно. Поэтому свидетеля сохраняют живым, чтобы получить доказательства.

Мужчина хотел ответить, но из задних рядов протиснулась женщина с мокрым платком на плечах. Эля узнала её по старому караванному списку: мать одного из семи людей, чьи имена исчезли из долговых книг.

— Моего сына тоже объявили путаницей, — сказала она. Голос был негромким, и толпа замолчала, чтобы услышать. — Сначала обещали проверить заставу. Потом оказалось, что он не проходил. Потом его имя вообще пропало. Если бы тогда охраняли человека, а не торговлю, может, сегодня он стоял бы здесь и мешал вашим телегам.

Хозяин склада отвёл взгляд.

Старший писец медленно выпрямился. Эля увидела момент, когда для него дело перестало быть спором между приезжей полукровкой и городским удобством. Перед ним стояла женщина, которая платила пошлины, хоронила пустое место и всё ещё имела право спросить, куда исчезло имя.

— Расходы на охрану принимает мера, — объявил он. — Возмещение владельцу груза рассматривается после установления маршрута. Ни одна задержанная партия не будет вскрыта без двух свидетелей и записи. Это решение действует до окончания дела.

Купцы загудели, но теперь спорили уже о размере будущих потерь, а не о том, существует ли преступление.

— Двое стражников у лечебницы, — сказала Эля.

— Это решает мера.

— Реши.

Толпа ждала. Старший писец сжал губы.

— Двое стражников. Смена каждые три часа. Ревана перевести в комнату с внутренним замком.

— И копии показаний, — добавила Лисса. — Одна в главной книге, одна у лекаря, одна...

— Достаточно, помощница.

— Если главная книга сгорит, будет недостаточно.

Кто-то в толпе одобрительно загудел.

Старший писец посмотрел на Элю, явно подозревая её в воспитании девочки. Эля не стала присваивать чужую заслугу.

— Сделать три копии, — процедил он. — Одну хранить в каменной весовой, вторую у начальника стражи, третью у лекаря.

Публичное решение не делало свидетелей неуязвимыми. Зато теперь их смерть нельзя было тихо переписать как дорожную случайность.

Реван стоял у стены рядом с двумя стражниками. Услышав собственное имя во дворе, он вздрогнул. Потом расправил смятый край шапки и впервые перестал искать глазами ближайšie ворота.

— Я вспомнил ещё кое-что, — сказал он Эле, когда люди начали расходиться. — На привале мужчина с монетой назвал телегу «второй северной». Я думал, это направление. Но если была вторая, значит, была и первая.

Лисса мгновенно раскрыла книгу.

— Когда?

— Не знаю. Он ругался, что первая задержалась и придётся менять номера.

— Нарисуй монету, — попросил Аскар.

Реван взял уголь. Круг получился неровным, затем он добавил по краю четыре маленьких выреза и прямую черту посередине.

— Ты говорил, на ней не было чеканки, — заметила Эля.

— Не было лица и букв. Только прорези. Я решил, их сделали, чтобы петля не скользила.

Аскар повернул рисунок боком.

— Это не монета. Похоже на дорожный жетон без названия заставы. Вырезы позволяют проверить его пальцами в темноте.

— Значит, белый металл — просто материал? — спросила Лисса.

— Или цвет обозначает право прохода. Если такой жетон показывали вместо бумаг, человек мог провести груз, не оставляя имени.

Реван коснулся рисунка.

— Тот мужчина не отдавал его. Только показывал. Даже когда платил, держал руку отдельно от денег.

— Севен сказал то же самое, — напомнила Эля. — Монета открывала мешкам дорогу.

Лисса перелистнула собственные записи и нашла показание торговца.

— Тогда человек, который должен был встретить Ревана, не покупатель. Он проводник между двумя частями маршрута.

— А стрелок знал, что Севен может это объяснить, — сказал Аскар.

Эля посмотрела на кривой белый круг, нарисованный углём. Они ещё не держали жетон в руках и не знали, сколько таких существует. Но теперь «белая монета» перестала быть цветом из испуганного рассказа. У неё появилась форма, четыре выреза и назначение, которое можно было проверить у других застав.

Лисса оторвала лист с рисунком и заставила Ревана поставить под ним треугольный знак.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы завтра никто не сказал, что монету придумала я.

— Ты всем не доверяешь?

— Только тем, кто умеет писать сразу в двух книгах.

Эля посмотрела на архивную пристройку. Там хранились старые сменные листы, выданные номера пломб и записи о грузах, которые не вошли в чистовые книги.

— Нужны обе версии реестра за последний месяц, — сказала она.

— Я принесу утром, — ответила Лисса.

— Почему утром?

Девочка указала на закрытые ставни архива.

— Хранитель ушёл ужинать. Ключ у него.

Аскар задержал взгляд на тёмной двери.

— Тогда пусть кто-нибудь останется рядом до его возвращения.

Старший писец услышал и раздражённо махнул ближайшему стражнику. Тот поплёлся к пристройке с видом человека, которому поручили охранять пыль.

Когда двор опустел, Лисса присела на край весов и устало свесила ноги.

— Я ошиблась в одном слове.

— Никто не заметил, — сказал Аскар.

— Я заметила.

— Тогда в следующий раз не ошибёшься.

— Будет следующий раз?

Эля посмотрела на тёмные окна архивной пристройки.

— Уже есть.

Запах дыма пришёл раньше крика.

Огонь вспыхнул внутри архива сразу в трёх местах.

Масло разлили под полками с дорожными книгами. К моменту, когда выбили дверь, пламя поднялось до потолка и побежало по сухим корешкам. Люди бросились за водой, но ближайшие бочки стояли у реки, а дождь к несчастью почти прекратился.

Эля обмотала лицо мокрой тканью и вошла внутрь.

— Стой! — крикнул Аскар.

Она остановилась на пороге, обернулась и протянула ему вторую ткань.

— Вместе.

Он выругался, но завязал её на лице.

Внутри дым превратил комнату в узкий чёрный коридор. Эля различала полки только по оранжевым краям. Они не могли спасти всё. Пришлось выбирать книги так же, как днём она выбирала между стрелком и Севеном.

— Северные проходы! — крикнула Лисса снаружи. — Третий шкаф от окна, нижние две полки!

Аскар опрокинул горящую стойку сапогом. Эля схватила первую книгу, вторую, прижала к груди. Кожа обложек обжигала даже через плащ. С потолка посыпались искры.

В дальнем углу что-то треснуло.

— Выходим, — сказал Аскар.

— Ещё одна.

— Эля.

Она увидела на полу обугленный том без корешка. На раскрытой странице темнел номер Кременёвской пломбы. Эля шагнула к нему, но балка над головой застонала.

Аскар схватил её за пояс и рванул назад. Балка рухнула между ними и книгой, выбросив облако искр.

— Нет!

— Она уже горит.

— Там номер.

— А здесь ты.

Он вытолкнул её наружу. Следом рухнула часть потолка.

Во дворе книги заливали водой и раскладывали на камнях. Лисса кашляла, сидя рядом с тремя спасёнными томами. Половина её косы была в саже. Увидев Элю, она вскочила.

— Вы нашли?

— Видела страницу. Не вынесла.

— Какой шкаф?

— Дальний, у стены.

Лисса побежала не к огню, а к столу писцов. Вытащила из-под навеса серую доску учёта и провела пальцем по списку мест хранения.

— Это не основная книга. Там старые сменные листы. Их переписывают в чистовой том в конце недели.

Пожар тушили до рассвета. Архивная пристройка выгорела почти полностью, но каменные стены удержали огонь. Погибли семь лет дорожных записей. Спасли книги северных проходов за текущий год, часть долговых дел и три ящика plombовых оттисков.

Когда дым рассеялся, Эля, Аскар и Лисса вошли в мокрые руины. Обгоревший том лежал под балкой. Страницы слиплись, края превратились в чёрные лепестки. Номер пломбы уцелел только потому, что его закрыла упавшая металлическая скоба.

Лисса осторожно отделила лист.

Запись подтверждала проход телеги через Кременёвскую Заставу. Дата совпадала с тем днём, когда Реван получил груз. Время стояло после вечернего колокола.

Аскар раскрыл спасённую чистовую книгу. Та же пломба была внесена туда как уничтоженная утром того же дня из-за трещины в свинце.

— Два времени, — сказала Лисса. — Одна пломба.

— И оба заверены мерой, — добавила Эля.

Они нашли стражника за пристройкой. Он был жив, но на затылке темнела рассечённая кожа. Нападавший не убил его: оглушил, забрал ключ и положил тело под навес так, чтобы дождь не попал на лицо. Это странное подобие заботы делало поступок только неприятнее. Поджигатель знал устройство меры, время смены и то, где искать нужную книгу. Возможно, каждый день проходил через тот же двор.

Аскар осмотрел замок. Царапин не было.

— Открыли ключом, — сказал он. — Потом вернули в карман стражника.

— Чтобы мы решили, что он сам впустил?

— Или чтобы ключ не искали у того, кто уходил отсюда.

Лисса перелистнула спасённый чистовой том. На внутренних полях стояли маленькие отметки хранителя: треугольники, кружки, короткие черты. Такие знаки писцы ставили, когда переносили строку со сменного листа.

У записи о сломанной пломбе треугольника не было.

— Её внесли сразу в чистовую книгу, — сказала Лисса. — Минута черновик.

— А проход записали только на сменном листе, — ответила Эля. — Два человека могли не знать друг о друге.

— Или один человек специально разделил ложь, — заметил Аскар. — Чтобы ни в одной книге не осталось всей дороги.

Старший писец приказал вынести уцелевшие книги в каменную весовую. На этот раз никто не спорил о трёх копиях. Лисса сама составила список спасённых страниц, писец проверил, а мать пропавшего парня поставила знак независимого свидетеля.

Пожар уничтожил годы чужих маршрутов. Но одна дорога, которую пытались стереть особенно тщательно, теперь лежала перед ними в двух несовместимых половинах.

Лисса сидела на пороге весовой и смотрела, как пар поднимается от мокрых книг. На её ладонях чернели следы сажи, несколько волос у виска опалило.

— Если бы я забрала сменные листы вечером, они бы не сгорели, — сказала она.

— Если бы ты попыталась забрать их без хранителя, тебя бы выгнали из меры, — ответила Эля.

— Но листы были бы целы.

— Или поджигатель пришёл бы к тебе.

Лисса сжала пальцы.

— Я сказала, что утром принесу книги. Кто-то услышал.

Эля присела рядом. Ей хотелось сказать, что девочка не виновата. Слишком лёгкие слова: они отменяли бы и ответственность, и право Лиссы участвовать в деле. Взрослые часто называли ребёнка невиновным только затем, чтобы снова сделать его беспомощным.

— Тот, кто поджёт архив, выбрал огонь, — сказала Эля. — Но теперь мы знаем, что рядом с мерой есть человек, который слушает решения и имеет доступ к ключам. Это последствие твоей работы. Не твоя вина. Разница важна.

— А если из-за следующей записи снова пострадают люди?

— Тогда заранее решим, как её защитить. Не перестанем писать.

Лисса посмотрела на спасённый лист в руках матери пропавшего парня. Потом вытерла ладони о серый передник, оставив на нём две чёрные полосы.

— Хорошо, — сказала она. — Но следующую копию я спрячу там, где старший писец её не найдёт.

— Это против правил.

— Значит, место подходящее.

На сменном листе стояло имя дежурного писца. В чистовой книге — другое.

Огонь должен был уничтожить противоречие. Вместо этого оставил его единственной полностью читаемой записью на странице.

Аскар посмотрел на почерневший проём двери.

— Теперь они знают, что свидетельство не остановило нас.

Эля взяла мокрый лист за целый угол.

— А мы знаем, что им недостаточно убивать людей. Им приходится исправлять книги.

Лисса прижала спасённый чистовой том к груди. На рассвете её лицо казалось старше тринадцати, но голос оставался твёрдым.

— Значит, начнём с тех, кто умеет писать сразу в двух местах.

Глава 3. Книга меры

К полудню двор меры превратился в сушильную для чужой памяти.

Мокрые листы лежали на верёвках, каменных плитах и перевёрнутых весовых чашах. Между ними ходили писцы с угольными номерами, боясь прикоснуться к бумаге сильнее, чем к раненому человеку. Запах гари смешался с клеем, кожей и речной сыростью. Иногда ветер подхватывал обугленный край, и тогда кто-нибудь бросался спасать страницу, на которой могло не остаться ни одного читаемого слова.

Эля носила ящики из выгоревшей пристройки в каменную весовую. Работа была простой и тяжёлой. Она не требовала понимать, почему люди стреляют в торговцев и переписывают дороги. Нужно было только не уронить очередной кусок прошлого.

На третьем ящике к ней присоединился Аскар. После дыма он говорил хрипло, хотя делал вид, что просто не расположен к беседе.

— Ты должна поспать.

— Ты тоже.

— Я предлагал первым.

— Значит, начинай.

Они подняли ящик вместе. Внутри перекатились металлические пластины с оттисками пломб.

— Лисса где? — спросила Эля.

— Пытается попасть в комнату сверки.

— Её не пустили?

— После пожара старший писец решил, что дети не должны работать с опасными документами.

Эля остановилась.

— После того как ребёнок спас ему половину текущего года?

— Именно это я спросил. Он ответил, что её смелость подтверждает недостаток осторожности.

— А ты?

— Сказал, что взрослые проявили осторожность, позволив архиву сгореть.

— Помогло?

— Мне тоже запретили входить.

Эля поставила ящик на землю.

— Подержи.

— Я думал, ты хочешь решить конфликт без угроз.

— Хочу.

— Тогда почему идёшь так, будто уже выбрала, кому сломать стол?

Она заставила себя разжать пальцы.

— Потому что стол ближе писца.

Комната сверки находилась на втором этаже главного здания. У двери стоял стражник с перевязанным затылком — тот самый, которого оглушили перед пожаром. Он увидел Элю и заранее поднял руку.

— Приказ старшего писца.

— Я пришла не в архив.

— Комната временно считается архивом.

— Тогда где старший писец?

— Внутри.

— Прекрасно. Позови его наружу.

Стражник поколебался. Из-за двери донёлся голос Лиссы:

— И попроси вернуть мою книгу!

— Она тоже внутри? — спросила Эля.

— Снаружи другого входа.

Аскар поднялся следом и выглянул в окно коридора. Лисса стояла на навесе под ним, прижимаясь спиной к стене. Видимо, добралась туда с соседней лестницы и пыталась проникнуть через ставню.

— Я почти вошла, — сообщила она.

— Спускайся.

— Тогда книгу перепишут без меня.

— Лисса.

— Эля.

Аскар опёрся о подоконник.

— Равный спор продолжается.

Дверь распахнулась. Старший писец держал под мышкой Лиссину книгу пропавших и выглядел так, будто не спал на десять лет больше всех остальных.

— Уберите её с крыши.

— Верните книгу, — сказала Эля.

— Книга принадлежит мере.

— И записи в ней сделаны Лиссой.

— Именно поэтому их должен проверить взрослый служащий.

Лисса попыталась открыть ставню. Та ударила старшего писца в спину.

— Я проверяла их четыре месяца!

— Ты больше не участвуешь в деле, — рявкнул он через плечо. — Вчера в тебя едва не попала стрела, ночью ты полезла в горящий архив. Я отвечаю за людей меры.

— Тогда отвечайте и за тех, кто исчез из ваших книг.

— Достаточно.

Эля понимала его страх. Это раздражало сильнее, чем если бы старший писец просто защищал власть. Он видел обожжённые волосы девочки и пытался спасти её единственным способом, который знал: отнять право находиться рядом с опасностью.

— Она не будет входить в сгоревшее здание и ходить одна, — сказала Эля. — Но останется при сверке.

— Ты не можешь этого решать.

— Верно. Поэтому реши ты и запиши причину. «Помощница отстранена после того, как обнаружила улики, спасла реестр и обеспечила три копии показаний». Пусть это останется в книге рядом с твоим именем.

Старший писец прижал том крепче.

— Ты используешь мои же правила.

— Они плохо лежали без дела.

Он перевёл взгляд на Лиссу. Девочка стояла на навесе, мокрая после дождя, в сером переднике с чёрными отпечатками ладоней.

— Только в присутствии двух взрослых писцов, — сказал он. — Никаких самостоятельных вылазок. Ни одного документа из комнаты без записи. Если начинается опасность, она выходит первой.

— Второй, — возразила Лисса. — Сначала выносят оригинал текущего реестра.

— Первой.

— Вместе с реестром.

Старший писец закрыл глаза.

— Вместе с реестром.

Он вернул ей книгу. Лисса слезла с навеса только после того, как получила её в руки. Эля ждала благодарности. Девочка прошла мимо и сказала:

— Я сама почти договорилась.

— Видела.

— Он бы уступил.

— Когда состарился бы ещё на десять лет.

Лисса улыбнулась и тут же стала серьёзной.

— Внутри нашли чистовую книгу застав за весь месяц. Черновые листы сгорели, кроме того одного.

— Значит, сравнивать нечего?

— Есть копии сборщика пошлин. После Серого мира каждую недельную сумму переписывают отдельно для трёх сторон: города, северного гарнизона и речной стражи. Они не доверяли друг другу после войны, поэтому случайно сделали полезную вещь.

Так в дело вошла история, которой было двадцать лет и которая до сих пор заставляла живых вести лишние книги.

Серый мир занимал половину стены в виде каменной плиты с коротким текстом. Подписи представителей Элирии, Ноктарии и человеческих земель давно стёрлись от прикосновений. Каждый новый служащий меры клялся у плиты не менять вес, имя и дорогу после того, как их подтвердили две стороны.

Лисса поставила под ней три стола.

На первом лежал чистовой реестр застав. На втором — уцелевший сменный лист. На третьем развернули копии сборщика пошлин, принесённые из речной башни. Два взрослых писца заняли места по краям и сперва следили за девочкой внимательнее, чем за записями.

Эля не умела читать быстро. Буквы знала, короткие записи разбирала, но плотные столбцы имён и чисел утомляли сильнее долгой дороги. Она сосредоточилась на повторениях: номерах, знаках, пустых местах.

Аскар изучал карту остановок. Рядом он выложил щепку с новой оси, крупинку северной смолы и рисунок белого жетона.

— Начинаем с пломбы, — сказала Лисса. — Кременёвская Застава, ряд двести шестой, номер сорок один.

В чистовой книге пломба значилась уничтоженной утром девятого дня Зелёной Кроны. Причина: трещина при отливке. Под записью стояла подпись писца Овера Тейна.

На обгоревшем сменном листе тот же номер отмечал проход крытой телеги вечером девятого дня. Груз: лечебные травы. Направление: юг. Подпись: Марр Довен.

В копии сборщика пошлин номера не было вообще. Зато между сороковым и сорок вторым оставалась сумма, не совпадавшая с количеством телег.

— Здесь заплатили за дополнительный груз, — сказала Лисса. — Но строку не перенесли. Первый писец наклонился.

— Или сборщик ошибся в сложении.

— Он трижды вывел итог. Ошибка повторяется во всех трёх суммах.

— Значит, не ошибка, — сказал Аскар. — Плата существовала, телега существовала, номер существовал. В каждой книге убрали только одну часть.

Эля провела пальцем вдоль чистового столбца.

— Кто переносит записи?

— Дежурный писец заставы пишет сменный лист, — объяснила Лисса. — В конце дня старший смены проверяет. Раз в неделю листы привозят сюда, и городской писец переносит их в чистовой реестр. Сборщик считает деньги отдельно.

— Три человека.

— Минимум.

— Или один получает доступ к книгам после всех троих, — заметил второй писец.

Они посмотрели на старшего писца. Тот стоял у плиты Серого мира и слушал.

— Доступ имеют хранитель архива, я и двое моих заместителей, — сказал он. — Один из заместителей сейчас в Морвее, второй лежит с лихорадкой.

— А хранитель вчера ушёл с ключом, — напомнила Эля.

— Его допрашивает стража.

Лисса перевернула страницу чистового реестра.

— Это не единственный номер.

Через шесть строк обнаружился ещё один пропуск. Пломба шестьдесят три была уничтожена из-за неверного знака. В копии сборщика стояла лишняя пошлина. Сменного листа не сохранилось.

Дальше — номер восемьдесят два. Затем сто девятый.

Всего за месяц четыре пломбы официально уничтожили, но за грузы с такими номерами получили деньги. Все суммы проходили вечером. Все телеги были крытыми. В чистовой книге рядом с каждой записью стоял один почерк.

Овер Тейн.

— Где он? — спросила Эля.

Первый писец побледнел.

— Сегодня на северной заставе.

— А девятого дня?

— Дежурил здесь.

Лисса уже листала журнал присутствия. Нашла дату и замерла.

— Нет. Девятого он был за городом. Сопровождал похоронную повозку до старого военного кладбища.

— Может, вернулся к вечеру, — сказал второй писец.

— Подпись об уничтожении поставлена утром.

Старший писец подошёл к столу.

— Похороны были общие. Пять тел после весеннего размыва старого рва. С ним шли жрец Морейна, шестеро стражников и родственники. Если Овер покинул процессию, это видели десятки людей.

— Тогда кто подписал его именем? — спросила Эля.

Никто не ответил.

Аскар взял чистовой том и повернул к свету. Чернила в подписи Овера блестели иначе, чем основная строка.

— Имя добавили позже.

Лисса поднесла лист ближе к окну.

— И другим пером. В строке наконечник тонкий, в подписи раздвоенный.

Эля посмотрела на четыре уничтоженные пломбы. Если все подписи подделаны одним способом, дело уже не помещалось в одного продажного служащего у заставы. Кто-то регулярно пользовался чужими именами и рассчитывал, что чистовая книга убедительнее памяти живых.

— Найдём Овера до того, как ему сообщат, в чём он виноват, — сказала она.

— Северная застава в двух часах верхом, — ответил Аскар.

— Возьмём лошадей меры.

Старший писец нахмурился.

— Они предназначены для служебных поездок.

Эля указала на плиту Серого мира.

— Хочешь записать, что подделка государственных реестров не считается служебным делом?

— Я начинаю жалеть, что показал тебе правила.

— Ты не показывал. Лисса показала.

Девочка закрыла чистовой том.

— Я еду с вами.

— Нет, — одновременно ответили трое взрослых.

Лисса посмотрела на каждого по очереди.

— Овер знает меня. Если увидит Элю с оружием и Аскара с лицом, на котором написан допрос, испугается.

— Что написано на моём лице? — спросил Аскар.

— Что ты уже знаешь ответ и хочешь проверить, насколько плохо человек соврёт.

Он задумался.

— Довольно точное лицо.

Эля хотела отказать снова. Потом вспомнила собственное условие: не отнимать участие только под видом заботы.

— Поедешь в закрытой повозке с двумя стражниками. На заставе останешься в общей комнате, пока мы не убедимся, что безопасно.

— И возьму книгу.

— Копию нужной страницы.

— Две копии.

— Одну.

— Одну при мне, вторую у стражника.

Старший писец устало махнул рукой.

— Пишите обе. И принесите мне Овера живым, прежде чем кто-нибудь решит сжечь ещё одно здание.

Лошади меры были сытыми, медленными и убеждёнными, что служебная поездка не должна нарушать их распорядок. Эле досталась серая кобыла, которая останавливалась у каждого куста с белыми цветами. Аскар дважды пытался уговорить её идти быстрее, затем признал поражение и поменялся с Элей седлом.

— Она чувствует твою мягкость, — сказала Эля, когда кобыла послушно пошла под ним.

— Она чувствует, что у меня есть яблоко.

— Это подкуп.

— В мере называется дорожным поощрением.

Закрытая повозка шла позади. Лисса сидела внутри с двумя стражниками и копиями страницы. Каждые несколько минут из-за занавеси доносился её голос: она требовала ехать осторожнее, потому что чернила ещё не высохли, или спрашивала, не видят ли они заставу.

Дорога тянулась по северному берегу Серой Реки. Весеннее половодье оставило на стволах тёмные полосы, в низинах ещё стояла вода. Через каждые полмили попадались каменные столбы Серого мира: одна сторона несла Элирийский знак, другая Ноктарский, третья оставалась гладкой для человеческих городов. Ни одна держава не доверяла двум другим настолько, чтобы позволить им поставить общий символ.

Кремнёвая Застава выросла из равнины серым зубом. Низкая крепость охраняла развилку на Пепельные Поля и старую военную дорогу. Под стенами стояли телеги, ожидавшие досмотра; на ветру щёлкали связки пломбовых проволок.

Овера Тейна нашли во дворе за подсчётом мешков с известью.

Это был молодой мужчина с узким лицом и рыжеватой бородой, слишком редкой, чтобы скрыть шрам на подбородке. Увидев Элю, двух стражников и Лиссу с книгой, он уронил счётную палочку.

— Я ничего не брал.

— Мы ещё не спросили, — заметил Аскар.

— Когда приезжают с городской мерой, обычно спрашивают после того, как решат.

Начальник заставы предложил провести разговор в кабинете. Эля отказалась. Они остались у открытых весов, где служащие и возчики могли видеть, что Овера не увели за стену.

Лисса развернула копию.

— Это ваша подпись?

Овер взглянул и сразу покачал головой.

— Моё имя. Не моя рука.

— Докажите, — сказал старший стражник.

Овер потребовал перо. Написал имя трижды: медленно, быстро и так, как ставил подпись в конце тяжёлой смены. Во всех вариантах буква «Т» уходила вниз длинной петлёй. В чистовом реестре она была прямой.

— Девятого дня вы сопровождали похоронную повозку, — сказала Эля.

Его лицо изменилось.

— Да.

— От рассвета до какого времени?

— До второго ночного колокола. Ров размыло у старого кладбища. Нашли пять тел времён войны, трое в Элирийских пластинах, один Ноктар, один без знаков. Жрец Морейна отказался хоронить, пока каждому не выделят отдельное место. Мы ждали каменщика.

— Вы возвращались в город?

— Нет.

— Кто подтвердит?

Овер перечислил имена: жрец, шестеро стражников, двое каменщиков, родственники и хозяйка повозки. Лисса записывала. На четвёртом имени начальник заставы начал выглядеть раздражённым: алиби становилось слишком крепким для удобного ареста.

— Где хранилась ваша печать? — спросил Аскар.

— Личная — при мне. Сменная матрица оставалась здесь в запёртом ящике.

— Кто имел ключ?

— Начальник смены.

Все посмотрели на начальника заставы.

— Ящик не вскрывали, — сказал тот.

— Покажите, — попросила Эля.

В кабинете стоял тяжёлый шкаф. Нижний ящик открыли двумя ключами: один начальника, второй дежурного писца. Внутри лежали матрицы с номерами. Место сорок первой было пустым.

— Её уничтожили из-за трещины, — сказал начальник.

— Где обломки?

— Отправили в городскую меру для переплавки.

— Кто отвозил?

— Не помню.

Лисса нашла журнал передачи. Строка о сорок первой матрице была написана тем же тонким пером, что и поддельная подпись Овера. Вместо имени перевозчика стояла черта.

— Так нельзя, — сказала она. — Должны быть имя, жетон телеги и знак принявшего.

— После открытия дороги было слишком много работы, — ответил начальник. — Кто-то пропустил.

— Четыре раза? — спросила Эля.

Лисса показала номера остальных уничтоженных пломб. В ящике отсутствовали все четыре матрицы. Каждую якобы отправили на переплавку. Ни у одной не было перевозчика.

Овер прислонился к стене.

— Поэтому выбрали меня. Я подписывал утреннюю выбраковку. Кто-то дописал моё имя в городе, потому что оно уже стояло здесь.

— Кто знал, что вас не будет девятого? — спросил Аскар.

— Ползаставы. Похороны назначили за три дня.

— А в городской мере?

— Туда отправляли список сопровождающих. По Серому миру нельзя вывозить найденные военные тела без записи трёх сторон.

Эля представила путь бумаги. Список ушёл в город. Кто-то увидел свободное имя, выбрал пломбу, которую уже объявили сломанной, и вписал телегу в сменный лист. Ложь не требовала одного человека повсюду. Достаточно было, чтобы каждый участник видел маленькую безопасную часть.

Овер попросил показать остальные поддельные подписи. Лисса разложила копии на крышке ящика. Он долго сравнивал нажим и расстояние между буквами.

— Тот, кто писал, видел мою подпись каждый день, — сказал он. — Петлю не повторил, зато знает, что я сокращаю имя в конце недели. Смотрите: здесь «Ов. Тейн», здесь тоже. Посторонний переписал бы полное имя с печати.

— Кто работает с вашими недельными листами? — спросила Эля.

— Два сменных писца, начальник, городской хранитель. Иногда курьер меры забирает бумаги сам.

— Как выглядит курьер?

— Каждый раз другой. Серый кафтан, медный жетон.

Аскар достал рисунок белой монеты.

— Такой видел?

Овер нахмурился.

— Один курьер держал похожий между пальцами. Только я решил, что это жетон речной почты. Он не показывал медный знак, сказал, что потерял.

— Когда?

— Перед первой уничтоженной пломбой. Может, месяц назад.

Лисса добавила имя Овера под рисунком как второго свидетеля формы жетона. Белый пропуск появился в деле раньше Ревана и связывал человека в коричневом плаще не только с грузом, но и с переносом записей.

— Вы поедете с нами, — сказала она Оверу.

— Я арестован?

— Нет. Ты свидетель собственной подписи. В городе попробуют сделать из тебя виновного. Лучше услышать это лично.

Начальник заставы открыл рот.

— Он нужен на смене.

— Тогда дайте письменный отказ, — сказала Лисса. — С причиной, почему служащему запрещено опровергнуть подделку его имени.

Овер посмотрел на неё с уважением.

— Она всегда такая?

— Становится хуже, — ответил Аскар.

На обратной дороге они остановились у старого военного кладбища.

Овер сам попросил. Хотел показать место похорон и свежие могилы, пока город не решил, что свидетели выдуманы. Пять камней стояли у размываемого рва. На трёх вырезали Элирийские знаки, на одном — Ноктарский дом, последний оставили без имени и символа.

Лисса подошла к безымянному камню.

— Почему ему ничего не написали?

— Не нашли знаков, — ответил Овер.

— Но он был человеком.

— Для похорон достаточно. Для имени — нет.

Эля смотрела на серый камень и думала о семи строках в книге пропавших. Закон умел сохранять то, что мог назвать. Всё остальное превращал в пустое место, даже если у пустого места были кости.

Жрец Морейна жил в сторожке рядом. Он вышел на шум, выслушал вопрос и подтвердил: Овер не покидал кладбище до ночи. Затем достал собственную книгу переходов. В ней стояли часы прибытия и ухода каждого участника похорон.

— Почему у вас точнее, чем в мере? — спросила Лисса.

— Смерть не любит, когда живые меняют время, — сказал жрец.

— Живые тоже не любят.

— Но им приходится напоминать.

Он поставил печать на копии алиби. Это стало вторым независимым подтверждением после списка сопровождающих.

Когда они вернулись к лошадям, Аскар стоял у края дороги и смотрел на следы.

— Что? — спросила Эля.

— Похоронная повозка пришла из города и вернулась туда же. Но девятого вечером по этой дороге прошла тяжёлая телега на север.

— Следы сохранились две недели?

— Не сами следы. Каменщики подкладывали щебень в яму. Вот здесь колёса выдавили его наружу, а потом дождь закрепил края. Ось была широкая, как у задержанной телеги.

Овер присел рядом.

— После заката по военной дороге нельзя вести груз без фонаря заставы.

— Кто выдаёт фонарь?

— Дежурный на кладбищенском посту.

Жрец проверил журнал. Девятого дня фонарь получили на пломбу сорок один. Имя возчика отсутствовало. Возврат не отмечен.

— Телега действительно шла на север, — сказала Лисса. — Не только в книге.

— И кто-то подготовил ей дорогу заранее, — ответил Аскар.

Эля посмотрела на старую колею. Физический след не называл виновного, но не умел подделывать время чернилами.

Кормовая станция находилась дальше по дороге, у развилки на известковые ямы. Её держали две сестры, пережившие войну и с тех пор не доверявшие ни одной бумаге без оплаты вперёд. Старшая, Рава, узнала Овера и подтвердила, что вечером девятого дня продавала корм тяжёлой крытой телеге.

— Две гнедые, одна с белым чулком, — сказала она. — Возчик молодой, лицо закрывал шарфом. Купил овса на путь туда и обратно, но спросил, где можно набрать воды у ям.

— На обратный путь корма хватало? — спросил Аскар.

— Если телега вернётся пустой. С грузом пришлось бы докупать.

— Вернулась?

— Не через нас.

Рава принесла мерную корзину. На внутреннем ободе осталась белая крошка.

— Он расплатился обычным серебром, но перед этим показал вот это. Сказал, за специальный груз положена скидка. Я скидку не дала, жетон в руки не взяла.

— Почему запомнили?

— Потому что человек, который просит скидку, обычно суёт бумагу под нос. А этот держал белый кружок так, будто боялся, что я украду.

Лисса записала показание и попросила Раву повторить форму вырезов. Та нарисовала четыре насечки и прямую линию — так же, как Реван.

В журнале станции нашли и вчерашнюю запись о Тарене Воссе. Он купил корм на тех же двух гнедых. Одна была с белым чулком.

— Та же упряжка, — сказал Аскар. — Телега могла смениться, лошадей оставили.

— Тарен был один? — спросила Эля.

Младшая сестра покачала головой.

— У повозки сидел человек под брезентом. Тарен сказал, больной родственник. Я видела сапог. Слишком хороший для дорожного работника.

— Он двигался?

— Один раз. Когда Тарен упомянул заставу, сапог исчез под тканью.

В книге Тарен значился один. Второй человек предпочёл не получить даже вымышленного имени.

Эля посмотрела на дорогу к ямам. Теперь её подтверждали след колёс, фонарь, корм, две лошади и независимые женщины, которые не имели причины защищать меру. Бумажную ложь окружали вещи, слишком обычные, чтобы договориться между собой.

К открытому слушанию городской двор заполнился ещё до их возвращения. Весть о поддельной подписи успела обогнать повозку. Овера встретили не как свидетеля, а как человека, чью вину уже удобно обсудили без него.

Старший писец положил перед ним чистовой реестр.

— Ваше имя стоит под четырьмя уничтоженными пломбами.

— Подпись не моя.

— Матрицы исчезли с вашей заставы.

— После того как я признал их негодными по правилам.

— И каждый раз их использовали для неучтённого груза.

Начальник городской стражи предложил задержать Овера до выяснения. Несколько купцов поддержали: один виновный служащий позволял вернуть рынку спокойствие и не проверять остальные телеги.

Эля слушала и чувствовала, насколько простым было бы согласиться. Овер мог быть частью сети. Алиби на один день не оправдывало остальные. Его арест дал бы городу лицо виновника, стражникам — выполненную работу, а героям — возможность двигаться дальше.

Лисса положила на стол образцы подписи и печать жреца.

— Девятого дня Овер находился на кладбище от рассвета до второго ночного колокола. Это подтверждают список меры, книга Морейна и двенадцать свидетелей.

— Он мог заранее передать имя сообщнику, — сказал начальник стражи.

— Мог, — ответила Эля. — Поэтому проверим деньги, другие дни и доступ к матрицам. Но вы хотите арестовать его не потому, что доказали участие. Вам нужен человек, которого можно поставить вместо сгоревших книг.

— А ты предлагаешь отпустить возможного преступника.

— Я предлагаю не называть расследованием выбор самой удобной лжи.

Во дворе стало тихо.

Овер смотрел на неё настороженно. Он не благодарил: понимал, что Эля не объявила его невиновным.

— Тогда проверим деньги сейчас, — предложил начальник стражи. — Если его подпись использовали за плату, часть могла остаться при нём.

Овер снял поясной кошель и бросил на стол. Внутри оказалось двенадцать медяков, три малые серебряные монеты и одна сложенная полоска ткани. Стражник ощупал подкладку дорожной сумки и нашёл во внутреннем шве ещё семь серебряных.

Толпа загудела.

— Жалованье заставы? — спросил старший писец.

— Нет, — ответил Овер.

— Почему спрятаны?

Он посмотрел на плиту Серого мира.

— На похоронах родственники Элирийских солдат собрали деньги для каменщика. Ноктарское тело тоже хотели отметить, но его родных не нашли. Жрец сказал разделить плату: общий камень сейчас, имя позже. Серебро осталось у меня, потому что мастер отказался вырезать Ноктарский знак без подтверждения дома.

— Удобная история, — сказал начальник стражи.

— Поэтому я её и спрятал. Если начальник заставы узнает, что я собирал деньги без разрешения, снимет со смены.

— Значит, ты всё же нарушил правило, — заметила Эля.

— Да. Только не то, за которое меня хотят повесить.

Жрец Морейна присутствовал во дворе. Он подтвердил сбор и назвал точную сумму. Мать одного из Элирийских солдат вышла из толпы и узнала полоску ткани: такую отрывали от погребального полотна каждому, кто внёс деньги.

Семь серебряных перестали быть доказательством платы за пломбы, но остались доказательством того, что Овер способен скрывать поступки от начальства. Эля видела, как город цепляется за эту двусмысленность.

— Его всё равно нужно задержать, — настаивал начальник стражи. — Он нарушил порядок хранения денег и не сообщил о курьере без медного жетона.

— Тогда запиши оба проступка отдельно, — сказала Эля. — И назначь меру за них. Но не используй малую вину как доказательство большой только потому, что она нашлась в нужный час.

— Ты защищаешь человека, которого знаешь меньше дня.

— Я защищаю разницу между «мог» и «сделал». Если её убрать, ваши книги больше не нужны. Можно просто записывать того, кто первым испугался.

Старший писец забрал семь монет на хранение, выдал Оверу расписку и обязал явиться после расследования для разбора нарушения. Начальник стражи всё равно поставил рядом с ним человека.

— Охрана или надзор? — спросил Овер.

— Пока не решу, будет и тем и другим, — ответил тот.

Эля не возражала. Отказ от удобного виновника не означал слепого доверия. Овер получил возможность говорить и обязанность оставаться доступным. Впервые за слушание решение оказалось неприятным всем сторонам, а значит, хотя бы не было создано ради чьего-то спокойствия.

Аскар разложил на столе карту и три журнала: кладбищенского поста, речных пошлин и кормовой станции у северной дороги.

— Пломба сорок один прошла здесь после вечернего колокола, — сказал он. — Телега получила фонарь и купила корм на две тяжёлые лошади. На речной переправе её нет. Значит, она не вернулась в город и не ушла на восток. Остаётся старая военная дорога.

— Она заканчивается у Топей Старых Знамён, — сказал старший писец.

— Нет. От неё отходит заброшенная ветка к известковым ямам. По сухой погоде там может пройти телега.

Овер кивнул.

— Ямы закрыли после войны. Но весной туда ездят собирать камень для дорог.

Лисса открыла кормовой журнал.

— Здесь ещё одна телега. Вчера утром. Без номера пломбы, но корм на две лошади и тот же широкий обод. Возчик записан как Тарен Восс.

Старший писец посмотрел на начальника стражи.

— Такой человек проходил ворота?

Ответ принесли через четверть часа. Тарен Восс вошёл в Серый Брод два дня назад с пустой повозкой, переночевал у северной стены и утром выехал к известковым ямам. До вечера должен был вернуться.

Не вернулся.

— Его ищут? — спросила Эля.

— Никто не заявлял о пропаже.

— Потому что по бумагам он работал один, — сказала Лисса.

Аскар провёл пальцем по карте от города к кладбищу, затем к старой дороге.

— Если первая северная телега задержалась, о чём слышал Реван, это могла быть она. Кто-то отправил Тарена проверить маршрут или забрать то, что осталось у ям.

Эля посмотрела на Овера.

— Ты знаешь дорогу?

— До развилки.

— Поедешь с нами?

Он помедлил.

— Если останусь, меня арестуют, как только вы выйдете за ворота.

Начальник стражи не возразил.

— Тогда поедешь, — решила Эля. — Не как обвиняемый. Как служащий, чьим именем открыли дорогу.

Лисса закрыла чистовой реестр.

— А я?

— Останешься здесь и найдёшь все записи о Тарене.

Она приготовилась спорить, но Эля продолжила:

— Если мы найдём телегу, нужно будет доказать, откуда она вышла. Без книги останется только наш рассказ.

Лисса посмотрела на карту, потом на мокрые страницы у весовой.

— Возьмите две копии маршрута.

— Возьмём.

— И вернитесь до ночи.

— Не обещаю.

— Тогда хотя бы вернитесь.

Эля кивнула.

До выезда оставалось меньше часа. Они вернулись в дом только за оружием, плащами и сухой едой. Ключ всё ещё висел у двери. После ночного пожара простоя сохранность этой мелочи показалась Эле почти вызывающей.

Аскар проверял ремни на сумках. Эля наполняла колчан метательными ножами и отбирала только те, которые могла использовать в тесной повозке.

— Мы снова уходим через день после того, как получили дом, — сказала она.

— Мы едем до известковых ям.

— Дороги любят начинаться с «до ближайшей развилки».

— Тогда оставим здесь вещи, которые не нужны на один день.

Он положил на полку новую кружку. Обычно всё, чем они не пользовались в пути, отправлялось в сумку или обменивалось на припасы. Теперь кружка осталась ждать.

Эля сняла ключ с гвоздя, заперла дверь и уже собиралась спрятать его в поясной карман. Потом заметила Лиссу у калитки.

Девочка принесла свёрток с хлебом, сыром и двумя копиями маршрута. На шее у неё висел второй, маленький ключ.

— Старший писец дал запасной, — объяснила она. — Потому что кто-то должен проверить крышу, если дождь вернётся.

— Не входи сюда одна ночью.

— Тогда дождь подождёт утра.

Эля передала ей большой ключ.

— Только пока мы у ям.

— Конечно.

Лисса сказала это тем же тоном, каким вчера соглашалась на один месяц.

Передав ключ, Эля ощутила не потерю контроля, а странное облегчение. Дом не исчезал оттого, что дверь открывал кто-то ещё. Возможно, именно это и отличало его от тайника.

Аскар взял еду и одну копию карты. Вторую Лисса спрятала под передником.

— Если к вечеру не вернёмся, отнесёшь её старшему писцу, — сказал он.

— А если он снова решит отстранить меня?

— Тогда залезешь через окно. У тебя уже есть опыт.

— Не поощряй её, — сказала Эля.

— Я признаю существующий навык.

Лисса обняла Элю быстро, будто это тоже было частью передачи документов. Потом отступила и строго проверила, взяли ли они воду.

У северных ворот их ждали Овер и двое городских стражников. Овер успел сменить писцовую куртку на старый дорожный кафтан, однако оставил за поясом футляр с перьями. Верховой лошади ему не дали: рядом стоял низкий серый мерин из конюшни меры, достаточно смирный, чтобы возить книги, и достаточно упрямый, чтобы не считать срочность уважительной причиной.

— До развилки я еду под надзором, — сообщил Овер. — После развилки, по словам начальника стражи, под ещё более внимательным надзором.

— У него сегодня творческое настроение, — сказал Аскар.

Один из стражников протянул Эле свиток с тремя печатями. В нём перечислялись люди, оружие, две копии маршрута и даже количество сухого хлеба. Внизу оставили пустое место для времени возвращения.

— Если до полуночи вас не будет, мера отправит второй отряд, — сказал стражник.

— По какой дороге? — спросила Эля.

Мужчина посмотрел на чистую строку возле своей руки и поморщился.

— Вот поэтому писец едет с вами.

Овер принял у Лиссы маленькую дощечку с зарисовкой белого жетона. Их пальцы на миг встретились, и Эля заметила, как девочка без слов заставила взрослого мужчину опустить глаза. Он не украл печати, но позволил своему имени стать удобной пустотой. Для Лиссы разница уже имела значение, хотя прощением ещё не была.

— Вернёшься, сам перепишешь всё, что мы нашли, — сказала она.

— Если вернусь.

— Писцы не говорят «если» перед незакрытой книгой.

Овер хотел возразить, потом поправил футляр у пояса.

— Сам перепишу.

Эля поставила ногу в стремя. Известковые ямы лежали всего в нескольких часах пути, но город с его мокрыми книгами и спорящими свидетелями уже выглядел берегом. За воротами доказательства снова превращались в следы, а следы имели дурную привычку заканчиваться раньше дороги.

За северными воротами начиналась дорога, которой не было в чистовом реестре. Вчера по ней ушёл человек, чьё исчезновение пока не успели оформить даже пустой строкой.

Глава 4. Живой сосуд

Серый мерин Овера возненавидел дорогу раньше, чем город скрылся за холмом.

Он останавливался перед каждой лужей, изучал её с оскорблённой тщательностью и соглашался войти в воду лишь после того, как убеждался: никто другой пачкать копыта за него не собирается. Овер терпел первые три раза. На четвёртый спешился и повёл мерина в поводу.

— При книгах он ведёт себя лучше, — сказал писец.

— Книги не позволяют ему выбирать направление, — отозвался Аскар.

— Я тоже не позволял.

Мерин посмотрел на Овера и свернул к придорожной траве.

Двое стражников ехали позади. Старшего звали Харен; широкоплечий, уже с проседью в бороде, он держался в седле так, будто служба состояла главным образом из ожидания неприятностей и редких подтверждений собственной правоты. Молодая стражница Весса молчала с тех пор, как закрылись ворота. На её копьё висели две пустые сумки для опечатанных находок. После пожара город наконец начал брать доказательства всерьёз.

Дорога до кормовой станции была знакомой. Дальше начиналась та часть Серой Марки, которую чистовой реестр старательно делал пустой.

Поворот к известковым ямам скрывали кусты тёрна. Колея уходила от основной дороги почти под прямым углом и первые полсотни шагов выглядела заброшенной: между следами колёс росла трава, на ветвях висела старая паутина. Потом Аскар спешился и провёл пальцами по земле у левого края.

— Здесь проехала тяжёлая телега.

Харен наклонился с седла.

— Я вижу только сухую глину.

— Переднее колесо тянуло наружу. Возчик держал его в колее, поэтому край срезан через равные промежутки.

Он показал узкие полумесяцы на плотной почве. Эля заметила их лишь после объяснения. Под прошлогодней травой лежали обломанные стебли, ещё светлые внутри.

— Два дня? — спросила она.

— Не больше трёх. После последнего дождя.

Овер развернул копию маршрута. На ней ветка заканчивалась условным знаком старой выработки.

— Ямы закрыли после войны. Добыча стала обходиться дороже, чем перевозка извести из Далена.

— Почему дорогу не перекопали? — спросила Весса.

— Потому что за перекопанную дорогу кто-то должен отвечать. За забытую отвечает погода.

Харен хмыкнул, но спорить не стал.

Они углубились в холмы. Земля постепенно белела. В колеях проступали меловые крошки, а ветер приносил сухой привкус, от которого язык казался шершавым. По обе стороны дороги тянулись низкие валы, слишком ровные для природных складок. Эля сначала приняла их за отвалы породы, потом увидела ржавый наконечник копья, выросший в корни.

— Окопы, — сказал Харен. — Последний год войны. Здесь держали проход к Серому Броду.

Вал был разорван в нескольких местах. В одной яме стояла дождевая вода, в другой росла молодая берёза. На ветке кто-то завязал выцветшую серую ленту. Не военный знак и не молитва, просто попытка сообщить мёртвым, что их заметили.

Одиннадцатилетняя война закончилась двадцать лет назад, но Серая Марка считала время иначе. Здесь год мог лежать в земле ржавым железом, мог подниматься после дождя обломком кости, мог заставить крестьянина вести плуг дугой вокруг места, где ничего не росло. Мир провели по карте у Серого Брода, а потом оставили людям разбирать его руками.

Эля знала такие земли. На границах Элирии дороги тоже помнили больше, чем те, кто их прокладывал. Разница была в том, что здесь память не принадлежала ни одной стороне. На одном валу могли лежать Ноктар, Элириец и человек из Сарвена, а весной вода смешивала известь с остатками их пряжек.

Овер остановился возле каменного столба без надписи.

— Развилка должна быть здесь.

От столба отходили три полосы утопанной земли. Левая вела к низким строениям старых печей, средняя спускалась между валами, правая исчезала в зарослях.

— В реестре только две, — сказал он.

Аскар обошёл столб. На северной стороне камня сохранилась прямоугольная выемка. Что-то металлическое выдрали недавно: края были белее остальной поверхности.

— Указатель сняли, — сказала Весса.

— Его не было на прошлой проверке, — возразил Овер.

— Когда была проверка?

— Три года назад.

Харен сплюнул в траву.

— Отлично. Если убийца пользуется дорогой реже, чем мера её проверяет, мы обязательно его догоним.

Овер сложил карту слишком резко.

Эля оставила их раздражение без ответа. В средней колее лежала свежая подкова, вырванная вместе с гвоздями. Внутренняя сторона была испачкана кровью.

Она подняла кулак.

Отряд остановился.

Дальше пошли пешком. Весса осталась у лошадей, привязав их за валом, где с дороги не было видно. Харен снял щит. Овер вынул короткий хозяйственный нож, посмотрел на него и, кажется, впервые понял, что перья за поясом полезнее.

— Держись между нами, — сказала ему Эля.

— Я не умею драться.

— Поэтому и держись.

Аскар шёл первым до спуска. Там остановился, коснулся двух пальцев к воздуху и нахмурился. Его дар редко выглядел как магия. Никакого света, знаков или ветра — только внимание, слишком глубокое для обычного взгляда.

— Дорогу здесь ломали, — тихо сказал он.

— Порог? — спросила Эля.

— Нет. Просто заставили колёса свернуть туда, куда возчик не хотел. Несколько раз. След держится в выборе.

Он указал на правую колею.

Овер начал было говорить, что она заросла, но Эля уже видела надломленные ветви. Их срезали снизу, чтобы сверху кусты оставались целыми. Телегу провели сквозь заросли и прикрыли вход.

За тёрном дорога резко падала в старую выработку. Белые стены ямы поднимались с обеих сторон, слоистые, будто огромный нож раскрыл землю до кости. На дне стояла опрокинутая телега.

Обе лошади лежали в упряжи.

Их убили одним и тем же ударом под нижнюю челюсть. Кровь впиталась в известковую пыль и стала бурой коркой. Мух было мало: в яме гулял холодный сквозняк, а ночь выдалась прохладной. На дуге ещё висел медный колокольчик, на борту — свёрнутый брезент. Дорожный сундук не открывали.

— Не грабёж, — сказал Харен.

— Или взяли только то, за чем пришли, — ответила Эля.

Она спустилась по осыпи боком, не убирая руку с рукояти меча. Известь хрустела под подошвами. Запах крови смешивался с чем-то сладким и влажным, неуместным среди сухой породы.

Тарен Восс лежал за телегой лицом вниз.

Весса нашла его первой и окликнула остальных. Возчик был мёртв не меньше суток. На затылке темнела одна глубокая рана, руки оставались чистыми, ногти не были сломаны. Умер прежде, чем понял, что должен защищаться.

Харен присел рядом и снял с пояса покойного деревянную бирку.

— Тарен. Номер совпадает.

Овер стоял у склона, белый от известковой пыли и не только от неё.

— В книге будет написано, что он выехал один.

— В книге уже написано, — сказала Эля. — Теперь найдём, кого она не заметила.

Телега лежала на левом боку. Верхний полог сорвало, но груз остался стянут ремнями: шесть мешков соли, две бочки дешёвого масла, ящик железных скоб. Всё обычное, тяжёлое и достаточно дешёвое, чтобы никто не стал убивать ради него трёх человек.

Третьего они пока не видели.

Эля обошла кузов. На внутренней стороне борта заметила чёрную нить. Она была протянута через маленькую скобу и оборвана у самого узла.

— Мешки, которые нельзя вскрывать, — проговорил Харен.

— Нить была не на мешке.

Аскар лёг на землю и заглянул под кузов. Затем постучал костяшками по доскам. Один участок ответил глухо, другой — пустотой.

— Здесь двойное дно.

Овер шагнул ближе.

— В грузовой книге нет переделки.

— Удивительно, — сказал Аскар.

Эля срезала ремни, удерживавшие ящик со скобами. Вчетвером они сдвинули груз к высокому борту. Под ним обнаружилась крышка без ручки, замаскированная известковой пылью. По краю шёл тёмный воск, а в центре белел отпечаток круглой печати, стёртый ножом.

Харен попытался поддеть крышку мечом.

— Стой, — сказала Эля.

Сладкий запах исходил от щели.

Она приложила ладонь к доске. Сначала почувствовала только холод. Потом изнутри донёсся слабый скрежет.

Не крыса. Ноготь по дереву.

Эля опустилась на колени.

— Там человек.

Крышка была заперта снаружи двумя плоскими засовами, утопленными в раму. Один погнулся при падении телеги. Второй Харен выбил рукоятью кинжала, пока Эля удерживала доску, чтобы та не рухнула внутрь.

Из тайника вышел тёплый воздух.

Человек лежал на боку в пространстве, где нельзя было ни сесть, ни вытянуть ноги. Запястья стягивал ремень, пропущенный через металлическое кольцо в полу; щиколотки были свя-

заны отдельно. Под голову ему подложили пустой мешок. Эта забота предназначалась не человеку, а грузу: чтобы не умер по дороге от первого же ухаба.

Он был молод, возможно, ровесник Аскара, но истощение смыло возраст с лица. Волосы прилипли ко лбу. Губы растрескались, дыхание шло короткими влажными толчками. На левой щеке темнел старый ожог в форме разомкнутого круга с тремя чертами.

Овер втянул воздух.

— Долговая метка.

— Чья? — спросила Весса.

— Не Серого Брода. Здесь должника отмечают в книге, пока суд не передаст работу. Так клеймят на юге. Или клеймили до мира.

— Люди редко прекращают делать прибыльное из-за подписи на договоре, — сказал Харен.

Эля протянула руку в тайник и коснулась шеи пленника. Пульс был быстрым и неровным. Кожа под пальцами горела.

— Воду.

Весса сняла флягу. Эля смочила ткань и провела по губам мужчины, не позволяя пить. Он дёрнулся, зажмурился и попытался отползти, но ремни удержали.

— Спокойно, — сказала она. — Мы откроем путы.

Веко приподнялось. Глаз был светло-карим, мутным от жара.

— Нет света, — выдохнул он.

— Здесь его и так мало.

— Не... надо.

Он снова потерял сознание.

Ремни пришлось срезать. Кожа под ними была не просто натёрта: вокруг запястий шли старые тёмные полосы, поверх них свежие, а между ними — тонкие розовые рубцы. Его связывали много раз и достаточно долго, чтобы одни раны успевали закрываться под следующими.

На правом предплечье обнаружились следы игл. Не один прокол, а десятки, собранные вдоль вены. Некоторые были затянуты слишком гладкой новой кожей, другие воспалились и покрылись белёсой плёнкой.

— Лекарская работа? — спросила Весса.

— Лекарь менял бы место, — сказала Эля.

Они не могли вытащить человека вверх, не повредив спину. Аскар забрался в тайник со стороны сломанного борта, подложил плечо под грудь пленника и медленно подал его к выходу. Эля принимала вес, Харен удерживал крышку. Молодой мужчина оказался неожиданно тяжёлым не телом, а неподвижностью: каждая конечность падала туда, куда её не успевали направить.

Когда его уложили на брезент, Эля увидела рану под рёбрами.

Клинок вошёл сбоку и скользнул вдоль кости. Такая рана кровоточила сильно, но обычно не была смертельной, если её вовремя очистить. Здесь края уже срослись — не ровным швом, а плотным красным валиком. Под ним собиралась кровь. Кожа вздулась и пульсировала в такт сердцу.

Эля разрежала рубаху.

— Он же заживает, — сказала Весса.

— Нет. Его тело закрывает дверь, пока внутри горит дом.

Она нажала двумя пальцами рядом с раной. Мужчина выгнулся и закричал. Голос сорвался на хрип, но под кожей что-то сдвинулось — густое, зажатое.

Харен отвернулся к склону, проверяя путь. Овер не отвёл глаз, хотя губы у него стали серыми.

— Что нужно? — спросил Аскар.

— Чистая вода. Огонь. Игла. И чтобы никто не говорил мне, что рана выглядит закрытой. Весса побежала к лошадям за лекарской сумкой. Харен собрал сухие ветки возле печей. Овер опустился рядом с брезентом.

— Я могу держать.

— Сумеешь не отпустить, когда он начнёт биться?

Писец посмотрел на человека с долговой меткой.

— Если отпущу, это тоже попадёт в книгу?

— Попадёт ему под рёбра.

— Тогда сумею.

Эля вымыла руки остатком питьевой воды. Нож прокалила над маленьким огнём и дала металлу остыть на чистой ткани. Аскар сел у головы пленника, зажал его плечи коленями и вложил свёрнутый ремень между зубов.

— Ты не обязана делать это здесь, — тихо сказал он.

— До города он не доживёт.

— Я знаю. Я напоминаю, что ты не обязана быть спокойной.

Эля посмотрела на него. На рукаве Аскара проступила кровь из старого ожога: когда он вытаскивал пленника, шов на повязке разошёлся. Он заметил её взгляд и натянул ткань ниже.

— Потом, — сказал он.

— Это моё слово.

— Я одолжил.

Пленник застонал. Разговор закончился.

Эля провела ножом по вздувшемуся рубцу.

Кожа разошлась с сопротивлением, будто была не двухдневной, а старой и плотной. Из раны хлынула тёмная кровь с резким сладким запахом. Овер выругался, но рук не разжал. Аскар удержал мужчину, когда тот ударился затылком о его грудь.

Эля расширила разрез, пока не увидела источник: повреждённый сосуд под нижним ребром продолжал сочиться, а новая ткань росла поверх него тонкими бледными нитями. Она не соединяла разорванные края. Она оплетала их, стягивая всё подряд — мышцу, сосуд, осколок ткани от рубахи.

Так не заживало тело. Так чинил неопытный мастер, которому велели залатать прореху и не показали, что находится под тканью.

На миг Эле почудилось слабое золотистое мерцание. Не свет над раной — ощущение за глазами, как после взгляда на солнце. В груди отозвалась тонкая знакомая теплота.

Нить.

Она могла потянуться к ней. Возможно, свет послушался бы. Возможно, добавил бы силы туда, где её уже было слишком много.

Эля отстранилась.

— Что? — спросил Аскар.

— Ничего. Держи его.

— Ты почувствовала магию.

— Почувствовала причину не трогать её.

Он не стал убеждать.

Эля работала ножом и иглой. Сначала убрала клочья ткани, затем разъединила бледные волокна, сдавившие сосуд. Кровотечение усилилось. Она зажала его, нашла повреждение и перевязала тонкой нитью из сумки. Всё, чему когда-то учили походные лекари, было рассчитано на тело, которое пыталось выжить разумно. Это тело торопилось так сильно, что мешало спасать себя.

Новая ткань появлялась прямо у неё под пальцами.

— Видишь? — спросила Весса.

— Вижу.

— Это Свет?

— Не знаю. И пока не узнаем, никто не будет его призывать.

— В Сером Броде есть храмовая целительница.

— Если она просто добавит силы, рана снова закроется поверх крови.

Эля промыла полость, оставила узкий тканевый отвод и только потом стянула кожу редкими швами, не позволяя краям сомкнуться полностью. Пленник обмяк. Дыхание оставалось частым, но потеряло влажный хрип.

Овер медленно убрал ладони. На них остались полумесяцы от чужих ногтей.

— Он выживет?

— Если перестанет заживать достаточно надолго.

Слова прозвучали нелепо, но никто не улыбнулся.

Харен принёс из тайника ремни и сложил их возле мешка для улик. На одном сохранилось клеймо: три зубца над горизонтальной чертой. Не дом, который Эля узнавала, и не знак человеческого суда.

— Всё забираем, — сказал он. — Ремни, воск, нить, бирку Тарена.

— И доску с кольцом, — добавила Эля.

Овер оглянулся на опрокинутую телегу.

— Доску?

— Она покажет, как долго человека возили связанным. В книге это не запишешь задним числом.

Писец провёл большим пальцем по следам ногтей на ладони.

— Уже запишу.

Мужчина на брезенте снова открыл глаза. Взгляд блуждал между лицами, пока не остановился на Эле.

— Имя, — сказала она. — Скажи своё имя.

Его губы шевельнулись без звука. Она наклонилась ближе.

— Нарел.

— Откуда ты, Нарел?

Он попытался ответить, но спазм прошёл по телу. Пальцы скребнули известковую пыль.

— Не обратно.

— Куда?

— В белую...

Голос оборвался. По шее Нарела прокатилась золотистая дрожь, видимая теперь даже без магического чувства. Трава у края брезента распрямилась, стала ярче и потянулась к его коже.

Эля выхватила нож и срезала стебли.

— Поднимаем его. Сейчас.

С опрокинутой телеги сняли два длинных борта. Весса продела между ними ремни, Овер натянул сверху брезент. Получились носилки, тяжёлые и слишком широкие для заросшей дороги, зато они не прогибались под Нарелом.

Оставить Тарена в яме Эля не хотела. Везти одновременно живого и мёртвого было нечем.

Харен накрыл возчика вторым пологом, положил сверху его дорожную бирку и поставил у спуска щит Серого Брода. Знак не защитил бы тело от тех, кто убил его, но должен был остановить случайного путника и указать второму отряду место.

— Вернусь с повозкой до темноты, — сказал он покойному.

Не молитва. Обязанность, произнесённая вслух, чтобы потом нельзя было убедить себя, будто её не существовало.

Нарела несли поочерёдно. Аскар и Харен взяли передние рукояти, Эля с Вессой — задние. Овер шёл впереди, срезая ветви. Первые двести шагов дались легко. Потом склон поднялся, известковая пыль забила сапоги, а каждый рывок носилок отзывался в свежей ране.

Нарел пришёл в себя у каменного столба.

Он не открыл глаз. Просто начал считать.

— Шесть... семь... снова... один...

— Что ты считаешь? — спросила Эля.

— Перелив.

Слово было ясным, произнесённым чужой привычкой.

— Что переливали?

— Молчи на семи. Дыши на восьми. Если кричишь... начинают снова.

Его тело напряглось. Под повязкой выступило золотое сияние, слабое, но настоящее. Ткань по краям высохла за несколько ударов сердца. Затем Нарел закричал.

Носилки опустили на землю. Эля разрезала верхнюю перевязь. Кожа снова пыталась сомкнуться вокруг отвода. Хуже было другое: старые рубцы на груди, прежде белые и плоские, налились кровью. Один лопнул, затем второй. Будто тело, получив приказ заживлять, перебирало все раны сразу и не различало закрытые от новых.

— Держите руки, — сказала Эля.

Весса прижала левую. Аскар — правую. Под его пальцами свет проступал по венам Нарела, тонкими линиями уходил к запястью и дальше в траву.

Стебли обвилились вокруг ладони Аскара.

Он дёрнул руку. Трава не порвалась, а вытянулась вместе с ним, свежая, влажная, выросшая на сухой дороге за несколько мгновений.

Эля отсекла её ножом.

— Это он делает? — спросила Весса.

— Он даже себя сейчас не держит.

Свет под кожей бился толчками. Эля снова почувствовала Нить у себя под грудиной. Теперь она тянулась не к ране, а к чужой силе — как тонкий ручей к разлившейся реке. Стоило позволить, и поток мог найти через неё выход.

Она упёрлась ладонью в землю.

— Эля, — сказал Аскар.

— Вижу.

— Ты светишься.

На костяшках её пальцев лежал золотой отблеск.

Эля сжала руку, заставила дыхание замедлиться и вспомнила не молитву, а урок с клинком: не отвечать силой на силу, пока не знаешь её направления. Свет погас. Чужой поток остался в Нареле.

— Потом можешь сказать, что это было неразумно, — проговорила она.

— Могу сейчас.

— Потом.

— Это слово тоже моё.

Нарел перестал кричать. Рубцы остались открытыми, но сияние ослабло.

Овер стоял над ними с обнажённым ножом. Эля не сразу поняла почему. По валу за дорогой двигались люди.

Трое мужчин в старых военных плащах остановились, увидев форму стражи. У одного за плечом висел арбалет, двое несли мешки. Собиратели металла или грабители могил — в Серой Марке разница зависела от того, кто спрашивал.

— Нашли что-нибудь? — крикнул мужчина с арбалетом.

Харен поднялся и показал знак Серого Брода.

— Место убийства. Дорога закрыта до осмотра.

Мужчины посмотрели на носилки, на кровь, на светлую траву. Старший коснулся двух пальцев ко лбу — не Элирийский и не Ноктарский жест, местный знак против дурного исцеления.

— В старых печах вчера горел огонь, — сказал он. — Мы не подходили.

— Сколько людей?

— Не видели. Слышали колёса после заката и один крик. Думали, лису поймали.

— Лисы не ездят на телегах, — заметила Весса.

— В Марке и не такое оформляли как лису.

Мужчина указал к северу.

— Если несёте его в город, не идите через кормовую станцию. У старого сигнального кургана есть военная тропа. Уже, зато ровнее. По ней раненых таскали.

Аскар посмотрел в ту сторону. Несколько мгновений молчал, прислушиваясь к тому, чего остальные не чувствовали.

— Тропа сохранилась.

Харен записал имена мужчин и велел утром явиться в меру. Те не спорили. Перед уходом младший достал из мешка деревянную чашку и поставил возле Нарела.

— Вода с кургана чистая, — сказал он. — Мы набрали сегодня.

Эля понюхала, попробовала каплю и только потом дала Нарелу два маленьких глотка. Он проглотил с трудом.

— Спасибо, — сказала она.

Собиратель пожал плечами.

— Мёртвому железу день не повредит.

Военная тропа шла по гребню старых укреплений. Её не было в реестре, потому что она никогда не считалась дорогой: по ней носили людей, которые уже не платили сборов. Через двадцать лет камни оставались уложены плотнее, чем на новом северном тракте.

Аскар шёл впереди и выбирал сохранившиеся участки. Его дар не сокращал расстояние. Он убирал лишние шаги: находил место, где тропа не обвалилась, замечал старую лестницу под дёрном, чувствовал, какой из двух одинаковых проходов действительно когда-то вёл к городу.

Эля смотрела, как он бережёт левый бок, и ждала удобного момента сменить его у носилок. Удобного не было. Пришлось просто остановиться.

— Покажи руку.

— Нарелу нужнее.

— Нарел не тащил взрослого мужчину из тайника.

— Он был занят.

Эля отогнула рукав. Повязка на ожоге пропиталась кровью, но сама рана не углубилась. Она промыла край, перетянула ткань и завязала узел зубами.

— В доме я сниму швы, — сказала она.

— В лечебнице.

— Эрена выгонит нас, как только увидит второго раненого.

— Тогда в доме. У нас есть дом.

Он произнёс последнее без улыбки. Эля затянула узел чуть слабее, чем собиралась.

Рядом Овер делал записи на ходу. Чернила расплывались от пота, буквы прыгали, но он упрямо перечислял каждый приступ Нарела, время остановок и людей на валу.

— Зачем так подробно? — спросила Весса.

— Чтобы завтра никто не сказал, что свет появился уже в лечебнице.

Эля посмотрела на писца. Вчера его имя служило пустым местом, через которое провели телегу. Сегодня он заполнял пустоты быстрее, чем они возникали.

К северным воротам подошли после заката.

Их встретили не вопросами, а носилками.

Лисса стояла рядом с четырьмя грузчиками меры и держала фонарь. Второй отряд уже ушёл к известковым ямам за телом Тарена и повозкой. Девочка увидела Нарела, долговую метку и мокрые повязки, но не двинулась с места, пока Эля не кивнула.

— В лечебнице освободили заднюю комнату, — сказала она. — Эрена велела нести сразу туда. Стража перекрыла двор. Ревана и Севена перевели в верхнюю палату.

— Кто сообщил?

— Собиратели с валов пришли раньше вас. Харен записал их имена правильно.

Старший стражник устало поднял большой палец.

— А Тарен? — спросила Лисса.

— Нашли, — ответила Эля.

Этого хватило. Лисса опустила фонарь, чтобы свет не бил в лицо Нарелу, и повела грузчиков через ворота.

Город заметил их. Сначала открывались окна, потом двери. Люди выходили на улицу, спрашивали, кого несут, почему вокруг тела растёт трава и правда ли у старых ям нашли Ноктарского колдуна. Долговую метку разглядели раньше лица.

— Южный раб, — сказал кто-то.

— Должник, — поправил другой голос.

— Какая разница?

Эля шла рядом с носилками, положив ладонь на рукоять ножа. Разница лежала перед ними связанная столько времени, что ремни успели оставить несколько поколений шрамов. Но объяснять это толпе было всё равно что перевязывать рану словами.

У лечебницы Харен развернулся к людям.

— Свидетель находится под защитой меры. Любой, кто войдёт без разрешения, проведёт ночь под замком.

— А если за ним придёт хозяин? — крикнул мужчина из толпы.

Овер вынул из футляра перо.

— Назовите имя, чтобы я заранее оставил строку.

Мужчина исчез за чужими плечами.

Зато к воротам лечебницы протиснулся податной смотритель в застёгнутом до подборка сером кафтане. Он прибежал без плаща, прижимая к груди дощечку для записей, и теперь пытался одновременно отдышаться и сохранить достоинство.

— Подождите. Если на нём долговое клеймо, мы обязаны установить держателя обязательства до помещения за городской счёт.

— Он истекает кровью, — сказала Эля.

— Я вижу. Поэтому спрашиваю быстро.

Харен поставил ногу на нижнюю ступеньку, закрывая вход.

— Мы нашли его связанным в тайнике рядом с убитым возчиком.

— Это не отменяет долга.

— Зато неплохо отменяет право увезти его обратно, — сказал Овер.

Смотритель повернулся к писцу.

— Тейн, тебя отстранили.

— Уже вернули достаточно, чтобы я мог испортить тебе вечер.

Лисса протянула свою дощечку Эле. На обороте была выписана статья Серого мира, добавленная в городское право после обмена пленными: человек с внешним долговым знаком получал пять дней защиты, если обнаружен на территории Марки связанным, раненым или без сопровождающего судебного документа. За это время предполагаемый держатель мог предъявить решение суда. Не расписку, не клеймо и не слово купца — решение с тремя печатями.

— Ты когда успела? — спросила Эля.

— Пока ждала носилки. Я не знала, кого вы принесёте, поэтому нашла всё про скрытый груз.

— Здесь написано про бывших военнопленных, — сказал смотритель, прочитав статью.

— Здесь написано «лицо, перевезённое против воли под видом груза», — возразила Лисса. — Дальше перечислены пленные, должники и осуждённые. Он подходит минимум под два пункта.

— Мы не знаем, что против воли.

Эля подняла с носилок обрезанный ремень. На внутренней стороне остались кровь и полоски кожи.

— Теперь знаешь.

Смотритель не отступил, но перестал смотреть на клеймо как на готовый ответ.

— Как его записать?

— Нарел, — сказала Эля.

— Полное имя?

— Пока только это.

— Происхождение?

— Неизвестно.

— Род занятий?

Лисса обмакнула перо.

— Свидетель.

Смотритель поджал губы.

— Свидетель — не занятие.

— Сегодня очень даже занятие, — сказал Харен.

Овер положил перед смотрителем копию маршрутного листа.

— Запиши: Нарел, свободный свидетель под временной защитой Серого Брода до установления личности и законности метки. Основание — статья сорок семь Серого мира, тело Тарена Восса и скрытый отсек в повозке.

— Решение принимает мера.

— Мера уже приняла двух свидетелей вчера. Хочешь разбудить старшего писца и объяснить, почему третий умер на пороге, пока ты выбирал строку?

Податной смотритель оглянулся на толпу. Вопрос перестал быть внутренней городской формальностью. Завтра весь Серый Брод знал бы, какое слово он выбрал для человека на носилках.

Он поставил дощечку на колено.

— Пять дней. И стража оплачивается из доли меры, не из лечебного сбора.

— Запиши обе части, — сказала Лисса.

Смотритель написал. Харен и Весса поставили знаки свидетелей, Овер — знак составителя. Эля провела ногтем по влажной строке, проверяя, не осыпается ли дешёвая тушь.

Нарел застонал. Под воротом рубахи проступил свет.

— Теперь внутрь, — сказала она.

Четверо грузчиков подняли носилки. Толпа расступилась уже не перед найденным должником, а перед человеком, которого город вслух согласился не отдавать первым пришедшим за ним.

Во дворе пахло кипящей водой, уксусом и мокрой известью с одежды. Эрена ждала в дверях. Та же сухая пожилая женщина, что четыре месяца назад помогла Эле сохранить руку грузчику, выглядела так, будто за прошедшее время мир не предложил ей ни одной новой глупости, достойной удивления.

Она осмотрела повязку под рёбрами прямо на носилках.

— Кто резал?

— Я.

— Отвод оставила?

— Да.

— Тогда внутрь. Остальные моют руки или уходят.

Эля и Весса остались. Аскар попытался войти следом, но Эрена ткнула пальцем в его окровавленный рукав.

— Ты сначала в соседнюю комнату.

— Это старое.

— Кровь свежая. Значит, глупость тоже.

Эля сняла с пояса чистую повязку и бросила ему.

— Иди.

— Я рядом.

— Знаю.

Он поймал ткань и ушёл без нового спора. Знание осталось в комнате надёжнее обещания.

Нарела переложили на узкую койку. Эрена сняла дорожные швы один за другим и не похвалила работу Эли, но ни один не назвала лишним. Промыла рану горячей солёной водой, проверила сосуд, сменила отвод. Потом перешла к старым рубцам.

— Они все открылись одновременно? — спросила она.

— Когда начался всплеск.

— До него что было?

Овер отвечал из-за двери. Он читал собственные записи: время, слова Нарела, изменение травы, свет под кожей. Эрена дважды прерывала, требуя точнее назвать цвет крови и длительность судорог. Писец не обиделся. Впервые за день книга была не способом спрятать человека, а продолжением его тела.

Лисса раскладывала на отдельном столе находки: ремни, кусок двойного дна, чёрную нить, деревянную бирку Тарена. Возле каждой поставила глиняную табличку с именами тех, кто касался предмета.

— Это лечебница, — сказала Эрена, заметив её работу. — Не архив.

— В архиве уже был пожар.

— Тогда не ставь воск рядом с жаровней.

Лисса молча передвинула печати.

Нарел застонал. Края очищенной раны медленно сближались. Не рывком, как на дороге, а неумолимо, миллиметр за миллиметром. Отвод из ткани зажал так крепко, что Эрена не смогла вытянуть его пальцами.

— Нож, — сказала она.

Эля подала.

— Не ему. Ткань режь вдоль. Если потянешь, откроешь сосуд.

Они разделили отвод на тонкие полосы и вытаскивали по одной. Новая кожа ползла следом, заполняя освобождённое место.

— Можно замедлить? — спросила Весса.

— Охладить. Обескровить. Дать настой, от которого тело забудет дышать. Всё это замедлит заживление вместе с человеком.

Эрена приказала принести лёд из погреба. Обложила им грудь Нарела, но через несколько минут вода стала тёплой. Свет под кожей набрал яркость.

Эля ощутила его раньше, чем увидела. Нить в ней отозвалась, на этот раз болезненно — будто чужой поток задевал её снова и снова, требуя либо открыться, либо отступить.

Она отошла от койки.

Эрена подняла глаза.

— Ты чувствуешь?

— Да.

— Своё или его?

— Не различаю.

— Научишься. Сейчас не трогай.

Аскар вернулся из соседней комнаты с заново перевязанной рукой и распоротым до локтя рукавом. Он не спросил разрешения войти, но остановился у порога, пока Эрена не указала ему на табурет возле изголовья.

— Следи за дыханием, — велела она. — Если пауза станет длиннее пяти ударов, говори.

Аскар положил два пальца на шею Нарела. Эля встала напротив. Между ними лежал человек, которого чужая сила пыталась починить насмерть.

— Где отзывается? — спросил Аскар.

— Под грудиной. Потом в ладонях.

— Как тогда?

Он не назвал Осколок. Не пришлось.

Эля прислушалась к теплу. Тень когда-то отвечала на страх и злость раньше, чем она успевала выбрать действие. Свет не толкал. Он открывал возможность и оставлял её стоять перед ней, что почему-то было не легче.

— Иначе, — сказала она. — Но я не знаю, потому ли, что сила другая, или потому, что я теперь жду подвоха.

— Подвох можно ждать и правильно.

— Очень ободряюще.

— Я стараюсь не мешать твоему мрачному настрою.

Нарел вдохнул, задержал воздух. Аскар поднял взгляд. На четвёртом ударе дыхание вернулось.

— Ты почувствовал его дорогу у ям, — сказала Эля. — Можешь почувствовать, откуда входит поток?

Он не ответил сразу. Закрыв глаза, оставив пальцы на пульсе, затем медленно покачал головой.

— Это не Путь. У него нет направления, которое я умею читать. Слишком похоже на открытую дверь посреди стены: я вижу, что через неё проходит, но с моей стороны к ней не ведёт коридор.

— Значит, бесполезно.

— Значит, понадобится другой вопрос.

Эля посмотрела на собственные руки. Золотого отблеска не было, только кровь у ногтей и белая известковая пыль в складках кожи.

Аскар перевернул ладонь и коснулся её мизинца своим. Маленькое, почти случайное движение, которое никто в комнате не мог принять за обещание. Эля не убрала руку.

— Когда это снова потянется к тебе, — сказал он, — сначала скажи мне.

— Чтобы ты запретил?

— Чтобы ты слышала собственный голос до того, как ответишь чужому свету.

Она хотела напомнить, что голос у неё уже есть. Вместо этого сцепила их пальцы на один короткий вдох и отпустила, когда Эрена вернулась к койке.

Лекарь вымыла руки, сняла с шеи маленький медный знак Лиарис и положила его на ладонь. До этого Эля не знала, что у Эрены вообще открыт доступ. Женщина никогда не заменяла им иглу, настой или чистую воду.

— Я не целительница храмового ранга, — сказала она, словно услышала вопрос. — Могу очистить чашу, остановить дрожь у роженицы и понять, отвечает ли Свет из человека. Обычно этого достаточно, чтобы не строить из себя богиню.

— Что нужно делать? — спросила Эля.

— Ничего. Особенно тебе.

Эрена коснулась знаком груди Нарела и закрыла глаза.

Свет появился между её пальцами — совсем слабый, ровный, не ярче угля под золой. В нём не было силы, которая могла бы закрыть рану. Только вопрос.

Тело Нарела ответило сразу.

Золотые линии рванулись от груди к плечам. Койка скрипнула: мужчина выгнулся так высоко, что затылок и пятки остались единственными точками опоры. Из раскрытых рубцов выступила кровь, но каждая капля сворачивалась ещё до того, как достигала простыни.

Эрена отдёргнула руку.

Сияние не погасло.

Она бросила медный знак в чашу. Вода зашипела, хотя оставалась холодной. Весса навалилась Нарелу на ноги. Эля прижала плечи и почувствовала, как под ладонями меняется тело: мышцы уплотнялись, кожа становилась горячее, сердце билось слишком быстро.

— Нарел! — позвала она. — Слышишь меня?

Его глаза открылись. Зрачки сузились до точек.

— Я согласен, — произнёс он.

Голос был ровным. Не его прежний хрип, не бред. Фраза вышла отчётливо и без единой эмоции.

— На что? — спросила Эля.

— Я согласен.

— Кто велел это говорить?

— Я согласен.

Эрена схватила его за челюсть и повернула голову к окну. Сияние под кожей дрогнуло, но не исчезло. Тогда лекарь ударила ладонью по груди — не магией, обычным точным движением. Нарел захлебнулся воздухом. Ритм сломался. Тело упало на койку.

В комнате остались его тяжёлое дыхание и стук воды, капавшей с растаявшего льда.

Лисса стояла у стола с пером над книгой.

— Записывать слова? — спросила она.

— Дословно, — ответила Эля.

— Три раза?

— Три.

Лисса записала фразу отдельной строкой и оставила между повторениями одинаковые промежутки. Овер заглянул через её плечо, сверил время с дорожной записью и поставил знак свидетеля. Харен добавил свой, ещё не успев снять запylённые перчатки.

— Одну копию в каменную весовую, — сказала Лисса. — Вторую здесь. Третью начальнику стражи.

— А если снова придут за книгой? — спросила Весса.

— Тогда придётся сжечь три здания одновременно.

Эрена посмотрела на неё поверх плеча.

— Лечебницу не предлагай.

— Я как раз собиралась оставить её последней.

Дрожь в голосе девочки не исчезла, но руки писали ровно. Страх больше не мешал ей хранить доказательства; он только заставлял считать копии.

Эрена подняла медный знак из чаши. По краю прошла тонкая трещина.

— Когда человек обращается к Свету сам, — сказала она, — в ответе есть его предел. Страх, боль, желание остановиться. Даже во сне тело закрывает канал, если не выдерживает.

Она посмотрела на Нарела. Кожа на его груди снова медленно срасталась.

— Здесь предела нет. И воли нет. Он не призывает эту силу и не удерживает её.

Эля вспомнила ремни, игольные проколы и тесный ящик под мешками соли. Живого человека перевозили как сосуд, стараясь не расплескать то, что налили внутрь.

— Это не его магия, — сказала она.

— Нет, — ответила Эрена. — Кто-то наполнил его Светом извне. И если мы не найдём способ перекрыть поток, собственное исцеление убьёт его раньше утра.

Глава 5. Свет в руках

К полуночи Нарел зажил поверх третьего отвода.

Эрена не ругалась. Это пугало сильнее, чем если бы она разнесла половину лечебницы за неправильно поставленную чашу. Она разрезала новую ткань, вытащила полоску льна и промыла рану. Эля держала лампу так близко, что жар обжигал пальцы.

Кровь больше не текла. Она сворачивалась внутри быстрее, чем Эрена успевала очищать полость.

— Ещё один мешок льда, — сказала лекарь.

Весса ушла в погреб. Харен стоял за дверью с двумя сменившими его стражниками; Овер унес первую копию показаний в каменную весовую. Лисса сидела у стены, обняв колени, и переписывала список находок в третий раз. После слова «ремни» буквы начали клониться вправо.

— Ложись, — сказала Эля.

— Я сижу.

— Вижу.

— Значит, всё в порядке.

Эля забрала у неё дощечку. Лисса попыталась удержать, но пальцы разжались сами.

— Если заснёшь сейчас, утром сможешь вспомнить, что написала.

— А если он умрёт?

— Тогда твой недописанный список его не вернёт.

Слова прозвучали жёстче, чем Эля хотела. Лисса посмотрела на Нарела. На его груди мерцал Свет — красивый, ровный и совершенно равнодушный к тому, что делал.

— Вы тоже не спите, — сказала она.

— Я держу лампу.

— Это не делает вас особенной.

— Сегодня делает. Все остальные роняли её хотя бы раз.

Эрена не подняла головы.

— Аскар не ронял.

— Он пролил масло.

— Потому что ты толкнула его локтем.

— Я проверяла устойчивость.

Лисса фыркнула. Усталая попытка смеха превратилась в зевок. Весса устроила ей постель из двух одеял в кладовой, где пахло сушёной мятой и чистым полотном. Девочка потребовала оставить дверь открытой. Через несколько минут её дыхание стало ровным.

Эрена закончила перевязку и выпрямилась. Пальцы у неё дрожали от усталости. Она сжала их, затем указала Эле на табурет.

— Сядь.

— Я не ранена.

— Тогда исполни просьбу из чистого уважения к старости.

Эля села.

Аскар принёс из кухни миску густого овсяного отвара. Его левый рукав был заколот у локтя, свежая повязка оставалась сухой. Он поставил еду перед Элей и вложил ложку ей в руку.

— Не хочу.

— Это не вопрос.

— Ты сговорился с Эреной?

— Она обещала не лечить меня светом, если я накормлю тебя.

Лекарь впервые за час усмехнулась.

— Я обещала подумать.

Эля проглотила первую ложку. Отвар оказался пересоленным и слишком горячим. Именно поэтому он помог: вкус вернул комнате размеры. Койка, стол, три лампы, дверь в кладовую. Не золотой поток без края, а место, где можно было коснуться стены.

Аскар ел из той же миски, когда она забывала передать ложку. Они делали это молча, между приступами Нарела. В другой жизни совместная еда среди ночи могла бы считаться чем-то домашним. Здесь на краю миски засохла чужая кровь, а в соседней комнате спала девочка с книгой под головой.

Эля всё равно не отдала бы эту ночь никому другому.

Нарел дёрнулся. Свет пробежал по шее и собрался у раны.

Эрена опустила миску из её рук.

— Смотри.

Кожа медленно ползла к середине разреза.

— Я уже видела.

— Ты видела угрозу. Теперь смотри на работу. Где сила начинается?

Эля заставила себя не тянуться к ножу. Свет был ярче у грудины, затем расходился по рёбрам и скапливался возле повреждения. Но это было только то, что видел глаз. Внутреннее ощущение шло иначе: давление возникало сразу повсюду, будто Нарела погрузили в воду, а его тело пыталось вдохнуть каждой раной.

— У него нет начала, — сказала она.

— Есть. Просто не в теле.

— Ты же сказала, что нужно перекрыть поток.

— Я сказала, что иначе он умрёт. Не притворялась, будто знаю как.

Эля посмотрела на медный знак Лиарис. Трещина рассекала символ от края до середины.

— Если попросить богиню?

— Проси.

Ответ оказался слишком простым.

— И всё?

— Нет. Но пока ты не попросила, остального точно не будет.

— В храме нужны слова.

— В храме нужны слова жрецам, чтобы прихожане знали, когда вставать. Богу нужна воля, которую он решит услышать.

Аскар сел на край соседней койки.

— А если она услышит не то?

— Тогда Эля остановится.

— Уверенно.

— Я лечу людей пятьдесят два года. Уверенность — дешёвый бинт. Иногда держит до настоящей помощи.

Эля встала рядом с Нарелом. Под грудиной отозвалось её собственное тепло — тонкое, осторожное. После Осколка она четыре месяца обходила его, как незнакомый клинок, оставленный остриём вверх. Прикасалась лишь случайно: когда промывала рану, держала испуганного ребёнка, просыпалась рядом с Аскаром. Ни разу не выбирала ответить.

Теперь времени на осторожное знакомство не осталось.

— Что именно просить? — спросила она.

— Это твой доступ, — сказала Эрена. — Если я сформулирую за тебя, ты будешь повторять мою волю. Мы уже видели, во что превращается повторение.

Нарел застонал, будто слышал.

Эля положила ладонь над его грудью, не касаясь кожи. Её Нить потянулась к чужому потоку. Он был огромным только по сравнению с ней; в нём не чувствовалось ни мастерства, ни направления. Сила, налитая в закрытый сосуд.

Она не умела говорить с богами. С людьми говорила приказом, угрозой или молчанием. Просьба требовала признать, что ответ принадлежит не ей.

«Лиарис».

Имя прозвучало внутри без голоса.

Тепло под грудиной стало ярче.

Эля сформулировала единственное, что имело значение: спасти Нарела. Остановить неправильное исцеление, закрыть чужой поток, исправить раны, вернуть ему силу, не дать умереть.

Свет ударил в ладони.

Она вскрикнула и схватилась за край койки. Золотое сияние вырвалось между пальцами, накрыло грудь Нарела и вошло в уже переполненное тело.

Рана сомкнулась мгновенно.

Нарел перестал дышать.

Эрена опрокинула Элю плечом.

— Нож!

Аскар уже протягивал его. Лекарь вогнала лезвие между только что сросшимися краями, разрежала плотную ткань и сунула в рану две пальца. Крови не было. Свет запёк сосуды вместе, лишив тело не только потери, но и движения.

— Воздух держи! — приказала она.

Эля запрокинула голову Нарела, открыла рот и вдохнула за него. Грудь не поднялась. Она повторила сильнее. Эрена расширила разрез, нащупала что-то под рёбрами и резко потянула.

Нарел закашлялся ей в лицо.

Первый вдох был рваным, второй превратился в стон. Пульс под пальцами Аскара вернулся — частый, слабый.

Эля отступила к стене. Ладони горели. На коже проступили красные ветвящиеся полосы, будто она слишком долго держала раскалённую рукоять.

— Я добавила ему, — сказала она.

— Да, — ответила Эрена.

Ни утешения, ни обвинения. Факт, который нельзя сделать менее опасным правильным выражением лица.

— Я просила остановить.

— Нет. Ты попросила всё сразу.

— Ты не могла слышать.

— Мне не нужно слышать слова, чтобы увидеть результат. Ты захотела целого человека. Твоя сила нашла самый короткий образ целого — закрытую кожу.

Эля посмотрела на Нарела. Вокруг нового разреза уже появлялась белёсая кайма.

— Богиня так поняла?

— Богиня дала тебе ману. Форму придала ты.

— Очень удобно для богов.

— Возможно. Но сейчас удобство богов меня не интересует.

Эрена обернула ладони Эли тканью, смоченной в холодной воде.

— Сядь и не прикасайся к каналу.

— У нас нет времени.

— Поэтому ты потратишь его на вторую попытку только тогда, когда перестанешь спасать весь мир одним движением.

Эля хотела возразить. Вместо этого села. Колени не сразу удержали вес.

За дверью Харен спросил, нужна ли помощь. Эрена велела принести ещё льда и никого не впускать. Лисса не проснулась. Это было хорошо. Эля не хотела видеть, как девочка смотрит на человека, которого она едва не убила попыткой помочь.

Аскар опустился перед ней на корточки. Взял холодную ткань за края и поправил так, чтобы она закрывала каждый красный след.

— Скажи, что видишь, — произнёс он.

— Нарела.

— Не его.

— Кровать. Таз. Твои сапоги.

— Что с ними?

— На левом засохла извесь. Шнурок порван.

— Он был таким утром.

— Значит, ты ленивый.

— Уже лучше. Что слышишь?

Эля закрыла глаза. Вода капала с простыни. Эрена раскладывала инструменты. За стеной человек храпел так громко, будто его работа состояла в доказательстве жизни.

— Три звука.

— Четыре.

Она прислушалась. Под всем остальным шло дыхание Нарела: неровное, но отдельное от золотого давления.

— Четыре.

— Что чувствуешь?

— Холод. Боль. Твою руку.

Аскар держал её за запястье выше повязки. Не мешал, только обозначал границу тела.

— На дороге, — сказал он, — я не ищу весь путь. Если пытаюсь, слышу слишком много следов. Сначала выбираю один порог: где колея уходит, где мост ещё держит, где человек решил свернуть. Потом следующий.

— Свет — не дорога.

— Зато ты пытаешься пройти его одним шагом.

Эля открыла глаза.

— Мне нужно закрыть источник.

— Ты не знаешь, где он.

— Значит, снова бесполезно.

— Значит, это не первый порог.

Эрена подвинула к ним чашу. В ней лежали окровавленные полоски отвода.

— Первый порог здесь, — сказала она. — Мне нужно, чтобы этот разрез оставался открытым сто вдохов. Не исцелить Нарела. Не победить поток. Не исправить то, чего ты не понимаешь. Сто вдохов не дать ткани сойтись.

— Свет умеет не исцелять?

— Свет умеет сохранять жизнь. Иногда для этого рану оставляют открытой.

Эля посмотрела на ладони. Жжение ослабло, но красные линии не исчезли.

— А если я снова добавлю силы?

— Я разрежу. Аскар заставит тебя назвать все недостатки его сапог. Потом попробуем другое.

— На правом каблуке трещина.

— Я знаю, — сказал он.

— И ничего не сделал.

— Берёг для важного разговора.

Эля выдохнула. Страх не ушёл, но перестал занимать всю комнату.

Она встала у койки. На этот раз не поднимала обе руки. Положила два пальца рядом с разрезом, туда, где кожа ещё оставалась прохладной.

«Лиарис».

Тепло ответило слабее. Эля не знала, устал ли её канал или богиня решила, что одного предупреждения достаточно. Это не имело значения. Ей требовалась не сила.

Сто вдохов. Одна граница. Не дать краям соединиться.

Нить открылась.

Свет прошёл к пальцам тонко, без удара. Эля направила его вдоль разреза. Сначала ничего не произошло. Потом на коже возникла узкая золотая линия, похожая на шов, наложенный поверх ткани, но не стягивающий её.

Чужая мана ударила изнутри.

Края раны двинулись друг к другу и остановились у световой линии.

— Раз, — сказал Аскар.

Эрена немедленно принялась за работу.

Она расширила разрез, убрала плотную плёнку и ввела под ребро тонкую серебряную трубку. Металл потемнел почти сразу. Из трубки вышел горячий пар, затем тёмная кровь.

— Пять, — считал Аскар. — Шесть. Семь.

Эля удерживала линию. Чужой Свет давил на неё не разумом, а количеством. Он не пытался победить, не замечал сопротивления. Просто продолжал делать то, для чего его однажды направили: заполнять пустое, сращивать разорванное, заставлять живое расти.

— Двенадцать.

На пятнадцатом вдохе золотой шов расширился. Эля увидела, как сияние захватывает здоровую кожу.

— Уже, — сказала Эрена.

— Я не добавляю.

— Добавляешь. Страхом.

Эля попыталась успокоиться. Получилось лишь испугаться собственной неспособности успокоиться.

— Смотри на край, — сказал Аскар. — Не на весь разрез.

— Двадцать один, — произнесла она.

— Считать буду я.

— Ты пропустил двадцать.

— Нет.

— Пропустил.

— Значит, у тебя достаточно сил спорить.

Золотая линия сузилась. Эрена работала изогнутой иглой вокруг трубки, закрепляя её так, чтобы новая ткань не втянула металл глубже. Каждый стежок заставлял Нарела вздрагивать, хотя сознание не возвращалось.

— Тридцать четыре.

Жжение поднялось от ладоней к локтям. Эля почувствовала собственный канал как натянутую струну. Он был узким, почти ничтожным рядом с тем, что заполняло Нарела. Силой она не могла остановить чужой поток. Но ей не требовалось его останавливать. Достаточно было сохранять форму там, где поток не различал границ.

Она перестала давить.

Золотой шов не исчез. Он стал тоньше, ровнее.

— Вот, — сказала Эрена. — Запомни это.

— Что именно?

— Момент, когда ты перестала мешать.

— Сорок один, — произнёс Аскар, и угол его рта дрогнул.

Эля хотела ответить, но на сорок третьем вдохе Нарел открыл глаза. Он увидел световую линию и забился. Руки метнулись к груди. Аскар перехватил запястья.

— Не говорите, — прохрипел Нарел. — Не говорите это.

— Что? — спросила Эрена, не прекращая шить.

— Я не согласен.

Чужая мана ударила сильнее. Золотой шов вспух, обжёг пальцы Эли.

— Пятьдесят, — сказал Аскар.

— Я не согласен, — повторил Нарел. — Слышите? Не согласен.

— Слышим, — сказала Эля.

— Они всё равно начинали.

— Здесь не начнут.

— Вы уже... свет...

— Этот мой. И я остановлюсь, когда решу.

Фраза предназначалась ему, но Эля услышала её сама. Нить дрогнула и подчинилась форме. Не богине, не страху, не чужому потоку — выбранной границе.

— Шестьдесят два, — сказал Аскар.

Эрена закончила последний стежок и взяла маленький мешочек с горькой травяной пастой. Обмазала ею кожу вокруг трубки. Свет отступил от тёмной полосы на толщину ногтя.

— Что это? — спросила Эля.

— То, что тело считает ядом. Пока оно занято спором с горечью, у нас будет несколько часов.

— Можно было сразу?

— Без трубки яд остался бы внутри. Без открытой раны трубку втянуло бы под ребро. Без твоего шва рана закрылась бы прежде, чем я закончила первый стежок.

— Семьдесят.

Нарел попытался повернуть голову к Аскару.

— Кто считает?

— Человек, которому велели досчитать до ста.

— На семи молчать.

— Мы уже прошли семь.

— Тогда начнут снова.

— Здесь после семи бывает восемь, — сказал Аскар. — Потом девять. У нас довольно упрямая арифметика.

Нарел моргнул. Паника не ушла, но взгляд задержался на его лице.

— Восемьдесят один.

Красные линии снова проступили на руках Эли. Кожа треснула у основания большого пальца. По запястью скатилась капля крови.

— Отпускай постепенно, — велела Эрена. — Не обрывай.

— Я ещё держу.

— Поэтому и отпускай. Канал уже тянет из тела больше, чем ты можешь провести без дрожи.

Эля не заметила дрожь, пока Аскар не коснулся её локтя. Мышцы действительно сокращались мелко и часто.

— Девяносто.

Она представила шов не исчезающим, а растворяющимся от краёв к середине. Свет послушался. Один участок погас, затем второй. Чужая мана придвинула кожу к трубке, но горькая паста остановила рост.

— Девяносто семь.

Эля убрала один палец.

— Девяносто восемь.

Золотая линия осталась только под указательным.

— Девяносто девять.

Она закрыла канал.

— Сто.

Последняя искра погасла. Ноги подогнулись. Аскар поймал Элю за талию прежде, чем она ударилась о край койки, и усадил на пол.

— Я бы сама, — сказала она.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я закончил на ста.

Эрена проверила трубку. Тёмная кровь выходила медленно, дыхание Нарела оставалось поверхностным, но ровным. Кожа больше не ползла.

— Несколько часов, — повторила лекарь. — Не победа. Время.

Эля прислонилась затылком к стене. Руки горели, во рту появился металлический привкус. Она чувствовала себя так, будто пробежала много миль, не двинувшись с места.

Вместе с усталостью пришло облегчение. Не сладкое и не чистое. Оно пахло кровью, горькой пастой и овсяным отваром. Но оно принадлежало ей.

Она попросила доступ. Получила силу. Ошиблась. Остановилась. Попробовала снова.

Ничего от неё не исчезло.

— Не смотри так удивлённо, — сказала Эрена. — Магия не обязана каждый раз становиться проклятием.

Эля повернула к ней голову.

— Я не удивлена.

— Тогда у тебя очень особенное лицо для полного спокойствия.

Аскар сел рядом на пол и протянул Эле миску с остывшим отваром.

— Допивай.

— Теперь он похож на клей.

— Значит, подходит к лечебнице.

Она выпила. На вкус победа тоже оказалась пересоленной.

До рассвета Эрена будила Нарела каждые четверть часа.

Она спрашивала имя, показывала два пальца, заставляла сделать глоток воды. Первые разы он отвечал только на имя. Потом назвал число пальцев. На шестой проверке спросил, где находится.

— В Сером Броде, — сказала Эрена.

Он закрыл глаза.

— Это север?

— Для кого как.

— Холодно.

— Потому что на тебе весь лёд из моего погреба.

Нарел попытался улыбнуться и не сумел. Взгляд снова ушёл в темноту.

Трубка держалась. Горькая паста почернела, но не дала новой коже закрыть отверстие. Каждый раз, когда свет усиливался, Эля чувствовала отклик своей Нити. Она не открывала канал. Просто отмечала начало и конец приступа, училась различать чужое давление и собственную готовность ответить.

Эрена обработала её ладони мазью из воска и водяного корня. Красные полосы побледнели. Они болели при сгибании пальцев, но кожа не отслаивалась и память не исчезала. Обычная телесная цена оказалась почти непривычной своей честностью.

— Завтра будет дрожь, — сказала лекарь. — Возможно, жар. Пей воду и не открывай канал до проверки.

— Если снова начнёт зарастать?

— Позовёшь меня.

— Я буду здесь.

— Тогда всё равно позовёшь. Ты сегодня узнала ровно столько, чтобы стать опаснее, чем утром.

Аскар, устроившийся на полу у двери, открыл один глаз.

— Я давно это подозревал.

Эля бросила в него свёрнутой тканью. Он поймал, положил под голову и снова закрыл глаза.

В кладовой спала Лисса. Весса ушла со сменой. Харен вернулся к ямам, чтобы принять тело Тарена и проследить за повозкой. За дверью лечебницы остался молодой стражник, который каждые несколько минут заглядывал в смотровое окошко, убеждаясь, что свидетель не исчез магическим образом. После третьего раза Эрена закрыла окошко дощечкой.

Ночь постепенно стала тише. Не безопаснее — просто исчерпала людей, способных производить шум.

Эля сидела возле Нарела и перебирала находки в уме. Южное клеймо. Белый жетон. Чёрная нить. Игольные следы. Чужой Свет. Ни одна вещь не называла того, кто стоял за ними. Вместе они уже не позволяли назвать случившееся случайностью.

Аскар поднялся, когда за окном начал сереть воздух. Подошёл сзади и накинул ей на плечи свой плащ.

— Ты должен был спать, — сказала Эля.

— Я спал.

— Десять минут.

— Четырнадцать. Лисса храпит через стену, можно считать по паузам.

— Она не храпит.

Из кладовой донёсся тонкий свист.

Аскар поднял бровь.

— Это сушёная мята, — сказала Эля.

Он завязал плащ у неё на груди. Пальцы задержались на узле, затем скользнули к светлой пряди у виска. Эля ожидала вопроса о магии. Вместо этого он спросил:

— Руки?

— Болит.

— Хорошо.

— Очень нежно.

— Боль проходит. Отсутствие боли после такого мне бы не понравилось.

Она коснулась его перевязанного предплечья.

— Твоя?

— Тоже болит.

— Хорошо.

— Невероятно нежно.

Эля позволила себе прислониться лбом к его плечу. Всего на несколько вдохов. Аскар не обнял её сразу, будто оставлял возможность отступить. Потом положил ладонь ей на затылок.

За стеной Лисса перестала свистеть, перевернулась и снова заснула. Эрена у жаровни растирала травы, достаточно громко, чтобы сделать вид, будто ничего не заметила.

— Я чуть не убила его, — сказала Эля в ткань плаща.

— А потом не убила.

— Это слабое утешение.

— Другого пока нет.

Он не сказал, что всё закончилось хорошо. Не закончилось. Нарел лежал в нескольких шагах с трубкой под ребром, Тарена везли с ям мёртвым, а кто-то на неизвестном расстоянии продолжал вливать Свет в человека, который не хотел его принимать.

Аскар просто стоял, пока Эля сама не подняла голову.

У двери послышался стук. Харен вернулся вместе с утренним холодом. На плаще у него лежала белая пыль.

— Тарена привезли, — сказал он. — Повозку тоже. В тайнике нашли ещё два кольца для ремней и царапины от прежних поездок. Не первая перевозка.

— Следы крови? — спросила Эля.

— Старые. Весса запечатала доски целиком. Собиратели подтвердили огонь в печах и время колёс. Один вспомнил закрытую повозку неделю назад, но не разглядел возчика.

Лисса появилась в дверях кладовой с отпечатком книжной застёжки на щеке.

— Записали?

— Овер записывает во дворе, — сказал Харен. — И просил передать, что его мерин вернулся один.

— Он потерял лошадь меры?

— Лошадь потеряла его. Нашлась у кормовой станции и отказалась идти обратно.

Лисса окончательно проснулась.

— Это тоже нужно внести в расход.

Нарел открыл глаза.

— Какая лошадь? — спросил он.

Все повернулись к койке.

— Серая, — ответил Аскар. — Дурного нрава. Знакомство можно отложить.

Нарел медленно перевёл взгляд на него, будто проверял, не скрывается ли за словами приказ. Потом посмотрел на трубку под собственным ребром.

— Это во мне?

— Часть, — сказала Эрена. — Не трогай.

Он поднял руки. Запястья были обёрнуты чистым полотном. Увидев, что ремней нет, Нарел провёл большим пальцем по коже и только потом опустил руки.

Эрена задала простые вопросы. Имя. Число пальцев. Время года. Имя он повторил. Пальцы посчитал со второй попытки. Сказал, что сейчас осень.

— Конец весны, — поправила лекарь.

— Там не было окон.

Эля придвинула табурет, но не села слишком близко.

— Где «там»?

Нарел посмотрел на долговую метку на своей щеке. По движению лица было видно: он чувствовал её даже без зеркала.

— Вы за кем пришли?

— За пропавшей телегой.

— Не за мной?

— Мы не знали, что ты существуешь.

Он принял эту жестокую правду легче, чем обнадёживающую ложь.

— Я чей теперь?

Лисса выступила из-за Харена.

— Ничей. На пять дней город записал вас свободным свидетелем. Потом тоже ничей, если кто-то не принесёт настоящее судебное решение и не докажет законность долга.

Нарел посмотрел на тринадцатилетнюю девочку с чернилами на подбородке.

— Ты судья?

— Нет. Поэтому я прочитала закон.

— Судьи его не читают?

— Иногда по праздникам.

Уголок его рта дёрнулся. На этот раз почти получилась улыбка.

Эрена дала ему воды с ложки и предупредила, что разговор закончится при первом приступе. Харен отправил лишних стражников за дверь. Овер вошёл с новой дощечкой, но остался у стены. Лисса села рядом с ним. Два писца, две записи, ни одной закрытой двери.

— Мы будем спрашивать по одному, — сказала Эля. — Если не помнишь, говори, что не помнишь. Не угадывай ради нас.

— А если угадаю правильно?

— Мы всё равно не узнаем.

Нарел кивнул. Это правило ему понравилось.

— Последнее место, которое ты помнишь до телеги, — сказала Эля.

Он закрыл глаза.

— Белая комната.

Перо Овера заскребло по дощечке.

— Белый камень? Ткань? Краска?

Нарел нахмурился.

— Всё. Стены белые. Пол белый. Одежда у них... тоже. Не чистая. Пятна замывали чем-то горьким. После пахло яблоками, только гнилыми.

— Окна?

— Нет.

— Двери?

— Одна. Железная полоса снизу. Еду просовывали.

— Сколько людей было с тобой?

Дыхание Нарела участилось. Эрена положила пальцы ему на запястье.

— Я не видел. Слышал троих. Мужчина кашлял за стеной. Ребёнок... или маленькая женщина. Ещё кто-то стучал по трубе.

Лисса провела посередине дощечки черту.

— Что ты делаешь? — спросил Нарел.

— Слева то, в чём вы уверены. Справа то, что предполагаете.

— А если я не знаю, уверен ли?

— Тогда говорите медленно.

Он закрыл глаза, собирая комнату не целиком, а по предметам.

Койка была каменной, покрытой тонким тюфяком. Под ней находился сток: после каждого «перелива» пол мыли, и вода уходила вправо. Значит, пол имел уклон. Миску просовывали под дверь дважды между снами, но иногда пропускали один раз. Еда пахла одинаково — чечевица, лук, уксус. Вода оставляла на чашке красноватый ободок.

— Железо в воде, — сказал Харен.

Овер поднял перо.

— Это вывод.

Лисса записала его справа.

Нарел вспомнил, что шаги охраны менялись. Один человек волочил левую ногу. Другой носил связку из четырёх ключей; они ударялись друг о друга разным звоном. Женщина, проносившая фразу, приходила без ключей. Дверь открывали ей снаружи.

— Она была пленницей? — спросил Овер.

Эля покачала головой.

— Мы знаем только, что ключей у неё не было.

Запись снова ушла в левую колонку без объяснения.

Сам обруч Нарел видел до того, как его закрепляли. Он состоял из тёмных полос и светлых соединений. Тёмный металл был шероховатым и оставлял на коже серую пыль. Светлые замки не ржавели, хотя их постоянно мыли. На каждом имелась выемка размером с ноготь, куда вставляли плоскую пластину.

— Печать? — спросила Эля.

— Не знаю. После пластины обруч начинал гудеть.

— Высоко или низко?

Нарел попытался воспроизвести звук. Получился слабый грудной гул. Трубка под ребром задрожала в ответ. Эрена сразу велела замолчать.

— Это важно, — сказал Овер.

— Живой свидетель важнее точного звука, — отрезала она.

Лисса поставила рядом с этой строкой маленький крест — вернуться позже, если Нарел сам согласится.

— На стенах были знаки? — спросила Эля.

— Их закрашивали. Возле пола проступали чёрные линии, когда комната становилась влажной. Круги и... как зубья.

Харен принёс мешок с ремнями и показал клеймо трёх зубцов. Нарел увидел его и дёрнулся так резко, что Эрена прижала трубку.

— Этот?

— Похож. Не давайте им.

— Не дадим.

— Вы не знаете, кто они.

— Поэтому ремень останется под тремя печатями, — сказала Лисса. — Чтобы человек с одной не смог его забрать.

Нарел посмотрел на неё, затем снова на клеймо.

— В комнате зубцов было больше. Или они повторялись. Я видел только нижнюю часть.

Эля не позволила Оверу записать знак дома. Сходство не было принадлежностью, а страх не превращал рисунок в имя. Они отметили лишь три элемента, чёрную краску и повторяемость.

— Запах снаружи? — спросила она. — Когда открывали дверь.

Нарел долго молчал.

— Иногда мокрый камень. Иногда дым. Один раз цветы.

— Какие?

— Не знаю. Сладкие. От них болела голова.

Лисса записала запахи справа: слишком общие, чтобы считать доказательством, но достаточно настоящие, чтобы не выбрасывать.

— Ты слышал улицу, воду, животных?

— Нет. Только трубу и шаги. Однажды колёса над головой. Может быть, над головой. Комната дрожала.

Это не давало места. Подвал склада, лечебница, крепость, старый дом возле дороги — половина Талвейна могла иметь белые стены, железистую воду и колёса поблизости. Но теперь неизвестная комната обладала устройством. Её можно было искать не по чуду, а по стоку, четырём ключам, хрому стражу, смешанному обручу и следам чёрного знака.

— Как долго?

— Не знаю. Свет не гас. Еду давали не каждый сон.

— Что с тобой делали?
Нарел открыл глаза. Золотой отблеск появился у ключицы.
— Обруч.
Он коснулся шеи, затем груди, не находя точного места.
— Металлический?
— Да. Холодный сначала. Его закрывали здесь.
Пальцы остановились под мышками, будто обруч охватывал грудную клетку.
— К нему шли тонкие полосы. Одна к столу, одна за стену. Иногда две. Они мазали кожу маслом, чтобы не горела, но она всё равно горела.
Эля вспомнила десятки игольных проколов вдоль вены.
— Иглы были частью обруча?
— Нет. Иглы потом. Сначала считали.
— До семи?
Нарел вздрогнул.
— Кто тебе сказал?
— Ты говорил на дороге.
Он отвернулся к окну. Утренний свет был серым, обычным, и всё же Нарел зажмурился.
— На семи нужно молчать. Если говоришь не то, ремни затягивают. На восьми нужно вдохнуть. Потом фраза.
— Какая?
— Не хочу.
— Не говори, — вмешался Аскар.
Овер поднял перо.
— Без точных слов мы потеряем связь.
— А если точные слова снова вызовут приступ?
Писец посмотрел на свет у ключицы Нарела и опустил руку.
Эля не хотела заставлять его повторять. Но чужая фраза уже находилась в нём, связанная со Светом и счётом. Они могли оставить её там из милосердия и позволить кому-то использовать снова.
— Нарел, — сказала она. — Решение твоё. Нам помогут точные слова. Но мы остановимся, если ты откажешься.
Он долго смотрел на неё. Потом на Лиссу, державшую чистую дощечку. На Харена у двери. На Эрены пальцы у своего пульса.
— Если скажу, вы не начнёте сначала?
— Нет.
— И не заставите говорить семь раз?
— Один раз. Если сам решишь.
Нарел не заговорил сразу.
— Зачем вам это? — спросил он. — Если я пять дней свободный, можно дождаться пятого. Потом придут с бумагой, и город перестанет платить за стражу.
Податной смотритель, вероятно, сформулировал бы ответ мягче. Эля не умела.
— Потому что Тарен мёртв. Потому что до тебя в тайнике возили других. Потому что человек, который придёт с бумагой, может оказаться тем же, кто привязал тебя к полу.
— А если бумага настоящая?
— Тогда у нас будет настоящая причина узнать, кто её выдал.
Нарел провёл языком по растрескавшейся губе.
— Вы всегда так отвечаете должникам?
— Я впервые разговариваю с должником, которого заставили заживать против воли.
— Значит, не знаете, что делать.

— Знаю следующий шаг.

— Какой?

Эля указала на две дощечки.

— Дать тебе сказать самому и записать так, чтобы твои слова не смог заменить один писец.

Овер не обиделся. Наоборот, придвинул свою дощечку Лиссе, позволяя проверить предыдущую строку. Нарел следил за движением их рук. Возможно, в белой комнате ему тоже показывали записи. Возможно, обещали, что подпись означает одно, а потом заставили голос произнести другое.

— Если я остановлюсь посередине? — спросил он.

— Остановимся все.

— Если забуду слово?

— Не подскажем.

— Если вы его знаете?

— Особенно если знаем.

Нарел впервые посмотрел Эле прямо в глаза. Не как пленник на человека возле двери, а как тот, кому предлагают условие и оставляют право проверить его.

— Тогда записывайте только после того, как я закончу.

Лисса положила перо на стол. Овер сделал то же.

— И встаньте так, чтобы я всех видел, — попросил Нарел. — Они всегда оставались за головой.

Харен перешёл от двери к окну. Эрена подвинула табурет, Овер сел рядом с Лиссой. Аскар остался у стены напротив койки. Никто не спросил, зачем нужна эта перестановка; причина лежала в десятках проколов на руке Нарела.

Эля последней выбрала место у изножья.

— Так?

Нарел медленно оглядел комнату. Дверь оставалась в поле зрения, руки каждого были открыты, металлический обруч существовал только в памяти.

— Так.

Ему понадобилось ещё несколько вдохов. Никто не потянулся к перу раньше времени.

Даже Эрена убрала инструменты под полотенце, чтобы случайный блеск металла не заставлял его снова возвращаться в белую комнату, и не торопила его.

Нарел облизнул сухие губы.

— Я принимаю Свет по своей воле. Я согласен хранить дар. Я прошу продолжить, пока сосуд не станет полным.

Последнее слово прозвучало, и золотые линии вспыхнули под кожей.

Эрена потянулась к трубке. Эля удержала её жестом.

Свет не усиливался беспорядочно. Он шёл тремя ровными толчками: короткий, длинный, короткий. Пауза. Снова короткий, длинный, короткий.

Точно так же была построена фраза. Короткое утверждение. Длинное согласие. Короткая просьба.

— Ты слышала? — спросил Аскар.

Эля кивнула. Её собственная Нить отзывалась под грудиной тем же тройным ритмом, хотя она не открывала канал.

— Кто учил словам? — спросила она.

— Женщина. Иногда мужчина. Лиц не видел. Они стояли за головой.

— Голоса узнаешь?

— Может быть.

— Что происходило после фразы?

Нарел сжал край простыни.

— Обруч становился горячим. Они спрашивали, согласен ли я. Я говорил нет. Потом спрашивали снова, но в голове уже звучал мой голос. Он отвечал раньше меня.

Лисса перестала писать.

— Ваш голос?

— Похожий. Только спокойный.

Золотой ритм повторился. Короткий, длинный, короткий.

Эля вспомнила, как Нарел произнёс «я согласен» без страха и боли, пока собственное тело выгибалось от чужой силы. Это ещё не доказывало, что кто-то мог заменить волю. Люди ломались от пыток, повторяли выученное, продолжали считать во сне. Но мана не просто сопровождала слова. Она слушалась их строения.

— Больше сегодня не спрашиваем, — решила Эля.

Овер поставил знак окончания показаний. Лисса сделала то же. Нарел увидел и расслабил пальцы на простыне.

— Вы верите? — спросил он.

— Верю, что ты это помнишь, — сказала Эля. — Остальное докажем.

— Это не одно и то же.

— Поэтому и полезно.

Эрена поправила трубку. Свет снова стал ровным, лишённым видимого ритма.

За окном открывался рынок. Скрипели ставни, спорили возчики, звонила первая мера. Серый Брод начинал обычный день, ещё не зная, что в задней комнате лечебницы человек вспомнил способ заставить чужую ману принять выученные слова за собственное желание.

Эля положила ладонь на край койки. Не на Нарела и не на Свет. На дерево, твёрдое и настоящее.

Три толчка повторились в глубине его тела.

Короткий. Длинный. Короткий.

Тот же ритм, которым чужая воля пыталась говорить изнутри него.

Глава 6. Закон источника

Эрена дала Эле поспать два часа и разбудила ведром.

Не вылила на неё воду — просто поставила рядом с табуретом так громко, что металлическая дужка ударила о край. Эля проснулась с рукой на ноже. Аскар, спавший у стены, даже не открыл глаз.

— Если бы на нас напали, — сказала Эля, — он бы продолжил спать.

— Если бы на нас напали, ведро упало бы иначе, — отозвался Аскар.

Эрена сунула каждому по кружке воды.

— Пейте. Потом во двор.

— Нарел?

— Жив. Трубка держится. Лисса сидит у него и запрещает задавать вопросы без второй дощечки.

Эля выпила. Ладони ныли под повязками. Голова оставалась тяжёлой, но металлический привкус исчез.

Во дворе лечебницы Эрена поставила на стол семь глиняных чашек разного размера. Рядом положила иглу, моток шерсти, кусок мела и медный знак Лиарис с трещиной.

— Это обучение? — спросила Эля.

— Проверка ущерба.

— Обнадёживает.

— Обучение стоит денег.

Аскар сел на низкую стену. Эрена поставила перед ним самую маленькую чашку.

— Ты тоже.

— Я не пользовался Светом.

— Зато пользовался Путиами с открытой раной и потом помогал держать переполненного проводника. Хочешь, я определю состояние по тому, как ты упадёшь?

— Чашка звучит лучше.

Эля ожидала молитвы или храмового прибора. Эрена налила в первую чашку воду до края и велела ей зажечь над поверхностью крошечный свет — не лечить, не греть, не двигать. Просто удерживать одну искру, пока вода не перестанет дрожать.

— А чашки зачем?

— Чтобы ты видела, сколько пролила.

Эля сняла повязку с правой руки. Красные линии побледнели, но основания пальцев оставались болезненными. Она обратилась к Лиарис осторожнее, чем ночью. Нить открылась не сразу. Когда тепло дошло до ладони, над водой возник золотой огонёк размером с булавоочную головку.

Вода задрожала.

— Меньше, — сказала Эрена.

— Он и так маленький.

— Размер света и количество маны — не одно и то же.

Эля попыталась сделать огонёк тусклее. Он стал меньше, зато вода выплеснулась через край.

Эрена положила рядом сухую ткань.

— Ещё раз.

На четвёртой попытке вода осталась в чашке. Искра горела неровно и погасла через восемь вдохов.

— Нить, — сказала Эрена.

— Я знаю, как это называется.

— Тогда знаешь только половину. Проводимость — Нить. Контроль — Слышащая.

Она поставила перед Элей две чашки. В большую налила воду, в маленькую положила иглу.

— Проводимость отвечает, сколько маны тело пропустит, прежде чем начнёт платить мышцами, жаром и ожогом. Искра, Нить, Чаша, Русло, Поток, Море, Бездна. Это не награды. Большой канал при плохом контроле просто разрушит больше вокруг.

— А вторая лестница?

Эрена указала на иглу.

— Что ты сумеешь сделать тем объёмом, который получила. Слышащий замечает ответ и отличает его от собственного желания. Ученик повторяет форму. Держащий сохраняет её при движении и боли. Дальше имена тебе пока ни к чему.

— Потому что я до них не дойду?

— Потому что человек, который только научился держать нож, не становится лучше от списка приёмов мастера.

Эля посмотрела на семь чашек. Самая большая могла вместить ведро. Её собственная стояла второй.

— Нить — это почти ничего.

— Нитью зашивают артерию. Поток иногда сносят дом, который хотели согреть.

— Очень храмовая мудрость.

— Очень походная статистика.

Аскар взял иглу. Эрена велела ему закрыть глаза и почувствовать Путь от своей ладони до чашки, не двигая предмет. Его магия не дала света. Шерстяная нитка рядом с иглой едва заметно повернулась, указывая на его руку.

— Искра, — сказала Эрена. — Проводимость ниже, чем у Эли.

— Наконец-то соревнование, которое я проиграл удобно сидя.

— Зато контроль — Держащий.

Эля нахмурилась.

— Третья ступень?

— Он годами использовал один узкий дар в голоде, драке, темноте и бегстве. Не знал названий, но удерживал форму. Это и есть контроль.

Аскар открыл глаза.

— Значит, я умею мало, но упрямо.

— Да.

— Наконец-то точный диагноз.

Эля снова посмотрела на свою чашку. Нить и первая ступень контроля. Она пережила Осколок, закрыла проклятие, почувствовала богиню — и оставалась начинающей, способной едва удержать искру над водой.

Несправедливость была детской. Поэтому злила особенно сильно.

— Ещё раз, — сказала она.

Эрена накрыла чашку ладонью.

— После еды.

— Я в порядке.

— Твои пальцы дрожат.

— От сна.

— От того, что канал не успел закрыться после ночи.

Эля потянулась к теплу под грудиной. Лиарис ответила — или оставшийся доступ ещё не исчез. Неважно. Она протолкнула больше маны к ладони, собираясь доказать, что Нить выдержит хотя бы простую искру.

Свет вспыхнул под рукой Эрены.

Чашка раскололась.

Кипятка в ней не было, но вода ударила паром. Эля отдернула руку. На ладони возникла белая полоса ожога.

Эрена схватила её за запястье и сунула в ведро.

— Это была проверка, — процедила Эля.

— Проверка закончилась, когда я сказала «после еды».

— Я могла удержать.

— Не могла. Ты увеличила поток, когда не справилась с формой.

— Вчера получилось.

— Вчера у тебя был один узкий шов, Аскар считал вслух, а я говорила, куда смотреть.

Сегодня ты решила победить чашку.

Аскар поднял осколок глины.

— Чашка признаёт поражение.

Эля бросила в него мокрой тканью. На этот раз он не поймал: позволил ей попасть в грудь и положил рядом.

Дрожь поднялась до плеч. Не магическая тайна — усталые мышцы, голод и слишком быстро открытый канал. Тело предъявляло счёт понятными единицами.

— Никаких голосов? — спросила Эрена.

— Нет.

— Провалов памяти?

— Нет.

— Имя помнишь?

Эля резко подняла голову.

— Не смешно.

— Я не шучу. Ты ждёшь от магии прежней цены и из-за этого либо боишься прикоснуться, либо пытаешься закончить всё одним рывком. То проклятие питалось твоей жизнью и было создано без знания правил. Обычный доступ берёт ману, работу тела и контроль. Личность не является монетой.

— А Нарел?

— Нарел не пользуется обычным доступом. Его переполнили чужой силой. Именно поэтому мы не будем делать из исключений закон.

Эрена отпустила её запястье.

— Поешь. Потом попробуешь удержать не больше, а точнее.

Эля оставила руку в холодной воде. В этом законе не было милосердия, зато была граница. После месяцев, когда любая сила казалась дверью к новой утрате, граница почти напоминала подарок.

Лисса принесла завтрак из дома: вчерашний хлеб, сыр, два яблока и горшок каши, которую успела поджечь только снизу.

— Крыша не течёт, — доложила она. — В окно никто не лез. Мерин Овера съел половину травы у калитки и ушёл до того, как я нашла верёвку.

— Он вернулся к нашему дому? — спросила Эля.

— Видимо, решил, что там живут люди с меньшим количеством дорог.

Аскар соскоблил с каши чёрную корку.

— Разумное животное.

Они ели во дворе, пока Эрена меняла повязку Нарелу. Эля заставляла себя не смотреть на оставшиеся чашки. Вторая по размеру больше не казалась оскорблением. Просто мерой, которую тело могло выдержать сегодня.

После еды Эрена положила на стол иглу.

— Освети только ушко.

— Без чашки?

— Чашку ты уже победила.

Эля обратилась к Лиарис. Доступ открылся тонко. Она не стала тянуть больше, когда свет не появился сразу. Представила отверстие в металле, его края и крошечную тень внутри.

Золотая точка возникла в ушке.

— Теперь возьми иглу, — сказала Эрена.

Эля подняла её двумя пальцами. Свет дрогнул, но остался.

— Сделай три шага.

— Ты сказала, это проверка ущерба.

— Проверяю, умеешь ли ты возмущаться в движении.

На втором шаге огонёк погас.

— Слышащая, — повторила Эрена. — Не Ученик. Ты нашла форму один раз, но ещё не повторяешь её надёжно.

Эля положила иглу на стол.

— Вчера повторила.

— Под угрозой смерти люди иногда перепрыгивают ступень. Потом ломают ногу на обратном пути.

— Значит, всё сделанное не считается?

— Считается спасённым временем. Ранг — не награда за красивый поступок.

Аскар протянул ей яблоко.

— Зато чашка точно запомнит.

Эля откусила слишком большой кусок, чтобы отвечать.

Нарела вынесли во двор ближе к полудню. Не из любви к свежему воздуху: Эрена хотела проверить, меняется ли поток под прямым солнцем. Его уложили на узкую кровать под навесом. Лисса поставила рядом воду и дощечку, затем отошла так, чтобы не загораживать небо.

Нарел щурился. Настоящий дневной свет раздражал глаза, но золотые линии под кожей не стали ярче.

— Значит, не солнце, — сказал Харен.

— Свет Лиарис и солнечный свет не одно вещество, — ответила Эрена. — Иначе каждый подвал был бы тюрьмой для магов.

Она дала Нарелу треснувший медный знак.

— Сожми и скажи, когда почувствуешь силу.

Он взял символ. Несколько вдохов ничего не происходило. Потом трещина засветилась.

— Сейчас, — сказал Нарел.

— Отпусти.

Он разжал пальцы.

Свет продолжал идти. Медный знак нагрелся на простыне, трещина поползла дальше.

Эрена сбила его в таз с песком.

— Я отпустил, — сказал Нарел.

— Знаю.

— Значит, плохо отпустил?

— Значит, отпускал не ты.

Она присела возле койки.

— Твою проводимость сейчас нельзя измерить. Тело пропускает больше, чем должно, потому что кто-то держит канал открытым с другой стороны. Контроль тоже нельзя назвать нулевым: ноль принадлежал бы тебе. Здесь твоя воля вообще не участвует.

Нарел посмотрел на обожжённый знак в песке.

— Тогда я не маг.

— Не в этом состоянии.

— А когда вытащите Свет?

Эрена не ответила сразу.

— Тогда узнаем, открывала ли Лиарис доступ лично тебе или тебя использовали без него.

— Богиня могла не заметить?

Эля вспомнила собственный первый удар силы. Лиарис дала ману на просьбу, но не исправила намерение, не остановила ошибку и не объяснила цену.

— Боги замечают не всё, — сказала она.

— Удобно для богов, — повторил Нарел её ночные слова, хотя не мог их слышать.

Эрена подняла треснувший знак щипцами.

— Сегодня все пришли к одному выводу. Можно закрывать школу.

После полудня Нарел попросил зеркало.

Эрена дала ему маленький полированный круг, которым обычно осматривала зубы. Целиком лицо в нём не помещалось. Нарел поворачивал металл, пока не увидел долговую метку на щеке.

Ожог был старым, но края круга оставались выпуклыми. Три короткие черты внутри прорезали кожу глубже. Эля наблюдала, как он рассматривает знак, и понимала: спрашивать нужно сейчас либо никогда. Не потому, что память открылась, а потому, что Нарел сам к ней прикоснулся.

— Помнишь, где поставили?

— В Ровеле.

Ответ пришёл без паузы. Он сам удивился.

Овер и Лисса переглянулись, но не потянулись к записям. После утреннего условия ждали разрешения.

Нарел отдал зеркало Эрене.

— Пишите.

Они сели по разные стороны стола.

Нарел родился в Ильмаре. До войны его отец красил сукно, после войны красильню выкупил торговый дом из Морвея и оставил прежних работников на сдельной плате. Долг появился не из одной беды. Сначала сломался общий чан, потом хозяин удержал стоимость ремонта, потом к сумме добавили аренду помещения, которым работники больше не владели. Нарел подписал свою долю, потому что иначе работу потеряли бы все шестеро.

— Настоящий долг? — спросила Лисса.

— Первые семь веннов. Остальное менялось каждый месяц.

— Платили?

— Два года. В книге всё равно становилось больше.

Он поехал в Ровель, когда появился посредник, обещавший перевести долг в сезонную дорожную службу. Три месяца ремонта дамб вместо процентов, затем ещё год выплат. Не свобода, но срок хотя бы имел конец.

— Имя посредника? — спросила Эля.

Нарел сжал край простыни.

— Керд Вален.

— Уверен?

— Он заставлял повторять. «Керд Вален, доверенный Второй Доли». Чтобы на слушании я назвал правильно.

Овер записал название отдельно.

— Контора Второй Доли зарегистрирована в Морвее, — сказал он. — В Серой Марке работает через дорожные дома. Законная.

— По крайней мере на бумаге, — добавила Лисса.

— На бумаге почти всё законно, пока не начинаешь сравнивать даты.

Нарел посмотрел на него.

— Вы там работали?

— Я работаю в мере. Мы видим бумаги после того, как они уже научились выглядеть прилично.

В Ровеле Керд принял Нарела не в конторе, а в комнате над постоянным двором «Три Скобы». Принёс договор с двумя печатями, оставив место для третьей. Сказал, что дорожный суд поставит её после медицинского осмотра. Нарел подписал только перевод долга и согласие на три месяца работ.

— Формулу про Свет видел? — спросила Эля.

— Нет.

— Слово «сосуд»?

— Нет.

— Разрешение на лечение?

Нарел задумался.

— Была строка о помощи при несчастном случае. Обычная. Лекарь мог зашить рану и удержать стоимость из платы.

— Копию дали?

— Керд сказал, выдадут после третьей печати.

— Значит, нет, — сказала Лисса и записала в левую колонку.

После подписи посредник предложил кружку пива. Нарел помнил горький осадок и то, как лестница стала длиннее. Очнулся уже в закрытой повозке, с мешком на голове. До белой комнаты его переносили дважды. Сначала по камням — колёса стучали часто. Потом долго стояли. Затем дорога стала мягче, появился запах мокрого камыша.

— Болота? — спросил Харен.

— Или речной берег, — сказала Эля. — Записывай запах, не место.

Нарел не знал, сколько длился путь. Помнил остановку, во время которой рядом ругались из-за жетона. Один голос сказал, что белый действует только до рассвета. Второй ответил: «Вален заплатил за две двери».

Аскар поднял голову.

— Двери или заставы?

— Сказал «двери».

Для дара Путей это могло означать больше, чем обычному слушателю. Эля увидела, как Аскар провёл большим пальцем по краю скамьи, будто уже искал маршрут на дереве.

— Ты слышал имя Валена ещё раз? — спросил он.

— В белой комнате нет. Там имён не говорили.

— Голос посредника среди трёх узнаешь?

— Нет. Керд говорил мягко. Эти не пытались нравиться.

Показания закончились там же, где вчера: белой стеной без окна. Но теперь к ней вела человеческая дверь. Постояльный двор в Ровеле, посредник с именем, законная контора и договор без третьей печати.

— Когда это было? — спросила Лисса.

Нарел потёр лоб.

— В Ровеле звонили к открытию летней ярмарки. На площади вывешивали синие полотнища. Утром после первого дождя.

Овер достал карманный календарь меры.

— Ярмарка открылась двенадцать дней назад. Первый дождь был на следующий день.

— Значит, тринадцатого числа, — сказала Лисса.

Нарел кивнул.

Дата получила два независимых основания: городской праздник и погодную запись. Эля попросила Овера отправить запрос в Ровель о постоялом дворе и Керде Валене. Не обвинение. Проверку имени, комнаты и договора.

— Запрос пойдёт обычной почтой два дня, — сказал он.

Аскар коснулся рисунка белого жетона.

— Можно быстрее.

— Как?

— Кто-то уже возит сообщения между этими дверями. Нужно найти его дорогу.

Эля увидела в его взгляде знакомую сосредоточенность. Слабая Искра, третий уровень контроля. Мало, но упрямо.

— После отдыха, — сказала она.

Аскар посмотрел на Эрену.

— Вы обучаете её слишком быстро.

— Безнадёжный случай, — ответила лекарь.

Дом встретил их запахом подгоревшей каши.

Лисса ушла обратно в меру с Овером, Харен остался у лечебницы. Эрена выгнала Элю и Аскара на два часа с условием: вода, еда, чистая одежда и никакой магии. Последнее повторила трижды, глядя только на Элю.

На столе стояла вымытая миска. Ключ висел у двери. Мерин оставил у калитки след зубов на новом столбе и длинную серую шерсть. После ночи среди крови и золотого света эти мелочи выглядели почти неправдоподобно.

Аскар растопил плиту. Эля принесла воду из колодца, вымыла известковую пыль из волос и обнаружила её даже в швах сапог. Рубаху пришлось замочить отдельно: кровь Нарела успела потемнеть на груди и рукавах.

Они двигались по маленькой кухне, не спрашивая, кому что делать. Аскар резал лук правой рукой, берег левую. Эля раздавила сушёные травы рукоятью ножа, потому что пальцы всё ещё болели. Из остатков сыра, лука и вчерашнего хлеба получилась похлёбка, которую нельзя было назвать хорошей, но можно было съесть горячей.

— Искра и Держащий, — сказала Эля.

— Звучит как двое людей, которым не доверили настоящее оружие.

— Ты доволен.

— Я умею то же, что умел утром. Теперь Эрена дала этому длинное объяснение.

— Третья ступень контроля.

— В даре, которым пользуюсь с детства.

— А у меня первая.

Аскар положил нож.

— Ты хочешь, чтобы я извинился?

— Нет.

— Тогда что?

Эля провела ложкой по дну котелка. Ответ был неприятным своей простотой.

— Я привыкла уметь защищать людей.

— Мечом.

— Неважно чем.

— Важно. Ты держала клинок много лет. Свет — два раза, и один из них пыталась победить посуду.

— Она первая начала.

Аскар снова взял нож.

— Вот поэтому Эрена и не дала тебе ступень выше.

Эля толкнула его бедром, освобождая место у плиты. Он не отступил сразу. Их плечи соприкоснулись. На миг спор остался между телами без слов, тёплый и знакомый.

— Ты правда не злишься, что у тебя только Искра? — спросила она.

— В детстве я находил выход из запертых дворов. Потом дороги через трущобы, где меня не ждали с ножом. Сейчас нашёл тропу для носилок. Если мне дадут больше маны, я не стану лучше понимать, куда стоит идти.

— Очень зрелый ответ.

— Я готовил его, пока ты ломала чашку.

Эля поцеловала его, чтобы не отвечать. Коротко, со вкусом лука и усталости. Аскар коснулся ладонью её талии, но не удержал, когда она потянулась к котелку.

— Похлёбка, — сказала она.

— Не самое лестное продолжение.

— Зато не подгорит.

Они поели у окна. Эля положила больные руки на стол, и Аскар молча сменил ей повязку. Узлы завязал с внешней стороны, чтобы она могла снять их сама. Потом она сделала то же с его предплечьем.

Под краем повязки ожог выглядел хуже, чем утром: старый рубец растрескался, вокруг швов появилась краснота. Когда Эля коснулась кожи, Нить отозвалась сама. Не открылась — только напомнила, что теперь существует другой способ.

Аскар заметил паузу.

— Что?

— Могу попробовать снять воспаление.

— Можешь?

Честный ответ оказался короче желаемого.

— Нет.

— Тогда оставим эту честь мази и чистой ткани.

Эля промыла рану, нанесла лекарство Эрены и завязала узел. Свет продолжал ждать под грудиной, не требуя применения. Отказ не закрыл доступ и не сделал её слабее.

— Больно? — спросила она.

— Терпимо.

— Это не ответ.

— Тогда да. Особенно когда ты проверяешь пальцем.

Эля убрала руку.

— Надо было сказать раньше.

— Ты выглядела сосредоточенной.

— На причинении боли?

— На заботе. Не хотел портить тебе удовольствие.

Она затянула последний виток чуть крепче. Аскар выдохнул через нос, но руку не отнял.

Повязка осталась обычной: лён, мазь, правильное давление. Эля посмотрела на неё с большим удовлетворением, чем утром на золотую искру. Не всякая возможность требовала стать заклинанием.

Два часа закончились раньше, чем дом успел стать отдыхом.

В дверь постучали.

Не Лисса: та входила после второго стука. Не мера: городские служащие сначала называли должность. Человек снаружи ударил костяшками три раза, выдержал паузу и повторил.

Аскар взял нож со стола. Эля открыла дверь, оставив цепь.

На крыльце стоял незнакомец в тёмно-зелёном дорожном плаще. Лицо было открыто, оружия не видно. На шее висела овальная медная дощечка письмоводителя Морвея.

— Элиализ Вейр? — спросил он.

Полное имя в Сером Броде знали многие. Произносили редко.

— Кто спрашивает?

— Курьер Конторы Второй Доли. Я должен вручить уведомление лично вам или представителю городской меры.

— Почему мне?

— Вы указаны как лицо, удерживающее долгового служащего Нарела Эста.

Эля открыла дверь ровно настолько, чтобы выйти на крыльцо. Аскар остался за спиной.

— Он в лечебнице под защитой города.

— Тогда поставьте знак отказа и направьте меня к мере.

Курьер говорил без угрозы. Усталый человек, выполняющий оплаченный маршрут. На сапогах лежала свежая пыль, лошадь у калитки тяжело дышала.

— Когда выехал? — спросил Аскар.

— Из Ровеля сегодня утром.

— Кто сообщил, что Нарел здесь?

— В уведомлении не указано.

— А тебе?

— Мне платят за доставку, не за любопытство.

Он достал из водонепроницаемого футляра свиток. Перевязь была белой, печать — синяя, с двумя одинаковыми долями круга. Под ней висели ещё две пломбы: Ровельского долгового суда и Морвейской палаты контрактов.

Все выглядели настоящими.

Эля не коснулась бумаги.

— Едем в меру.

— Сейчас?

— Ты спешил весь день. Было бы невежливо заставлять ждать.

Курьер посмотрел на тёмные окна дома.

— Я надеялся поесть.

Аскар принёс ему завёрнутый кусок хлеба.

— У нас остался лук.

— Тогда мера звучит лучше.

До каменной весовой дошли втроём. Курьер вёл лошадь в поводу и ел хлеб, не задавая вопросов. Аскар дважды оглядывался на перекрёстках. Никто не следовал.

В мере горели лампы. Лисса, Овер и старший писец сверяли запрос в Ровель, который ещё не успели отправить. Увидев печать Второй Доли, Овер медленно положил перо.

— Быстрый ответ, — сказал он.

— На вопрос, который мы не задали, — добавила Лисса.

Курьер предъявил дощечку, назвал имя — Мален Рисс — и продиктовал номер дорожного поручения. Старший писец сверил его по списку лицензированных гонцов. Номер существовал, описание совпадало, печать на дощечке не была повреждена.

— Вскрываем при свидетелях, — решил старший писец.

Харена вызвали из лечебницы. Эрена прислала вместо себя Весса и записку: Нарела не тревожить до утра независимо от количества печатей. Податной смотритель явился последним, застёгивая кафтан на ходу.

Белую перевязь сняла Лисса. Овер зарисовал положение воска. Старший писец сломал синюю печать.

В уведомлении Контора Второй Доли требовала немедленно прекратить незаконное удержание долгового служащего Нарела Эста и подготовить его к передаче полномочному агенту. Агент должен был прибыть в Серый Брод в течение двух дней с охраной и оригиналом

решения. До его прибытия город нёс ответственность за сохранность тела должника, действительность метки и «неуменьшение заложенной трудовой способности».

— Сохранность тела, — повторила Эля.

— Формула для тяжёлых рабочих контрактов, — сказал податной смотритель. — Неприятная, но законная.

— Людей обычно не просят сохранять с уточнением «тела».

— Морвейские бумаги любят уточнять всё, что можно оценить монетой.

Лисса читала приложения. Там находились копия договора, расчёт долга, свидетельство о клеймении и передаточная запись. Подпись Нарела выглядела неровной, но могла принадлежать ему. Две печати были подлинными. Третья — заверение Ровельского суда — соответствовала образцу.

— Если это настоящее, — сказал Харен, — мы обязаны отдать его?

— Не до слушания, — ответил старший писец. — Пятидневная защита действует. Но агент имеет право потребовать закрытое содержание и запретить перемещение за стены.

— То есть мы спасли человека из тайника, чтобы закон велел посадить его в другую, — сказала Эля.

Курьер Мален доел хлеб.

— Я могу получить знак вручения?

Его работа действительно закончилась. Он не знал, что находилось в белой комнате, не видел раны Нарела и не отвечал за слова в свитке. Эля заставила себя не превращать ближайшего человека в лицо всей системы.

Овер поставил знак получения. Курьер забрал копию и ушёл искать ночлег.

Старший писец запер дверь весовой и опустил внутренние ставни.

— До утра никто не выносит оригиналы, — сказал он. — Сначала устанавливаем, что перед нами.

Податной смотритель принёс из архива коробку образцов. После пожара уцелели не все, но Морвейские печати хранили отдельно от дорожных реестров: слишком много денег зависело от умения отличать суд от куска синего воска.

Овер нагрел тонкую пластину и снял слепок с печати Второй Доли. Лисса сравнивала края букв под увеличительным стеклом. Три царапины у нижнего обода совпали с образцом пятилетней давности.

— Матрица настоящая, — сказала она.

— Или очень хорошая копия, — заметил Харен.

— Хорошая копия повторила бы знак, но не случайные повреждения, появившиеся в разное время, — объяснил старший писец. — Здесь есть старая трещина и новый скол. Печать ставили действующей матрицей.

Ровельский судебный воск проверяли иначе. В него по закону добавляли измельчённую медь и синюю соль. Податной смотритель соскоблил крошку в уксус. Жидкость позеленела.

— Состав настоящий, — сказал он.

— Воск можно украсть, — не отступил Харен.

— Можно. Поэтому есть номер заседания.

На обороте документа стояли три цифры. Овер нашёл в месячной ведомости Ровеля соответствующую строку: шестого числа суд действительно рассматривал передачу семнадцати долговых обязательств Конторе Второй Доли. Имена в копии не перечислялись, только общая стоимость.

— Значит, решение существовало, — сказала Эля.

— Существовало заседание, — поправила Лисса. — Мы пока не знаем, был ли Нарел среди семнадцати.

Эля кивнула. Девочка научилась разделять факт и вывод быстрее многих взрослых в этой комнате.

Аскар изучал не печати, а футляр, в котором привезли свиток. На кожаном клапане осталась белая пыль. Он провёл пальцем, понюхал и показал Эле.

— Не известь из ям. Мел с маслом.

— Дорожная метка? — спросил Харен.

— Возможно.

Под перевязью документов лежала квитанция курьера. В графе сборов были указаны две «пороговые проводки» без названия заставы. Каждая оплачена белым жетоном, стоимость которого в монетах не обозначалась.

— Мален сказал, что выехал из Ровеля утром, — напомнила Эля. — Обычной дорогой сюда больше дня.

— Если не спал и менял лошадь — до ночи успел бы, — сказал Харен.

— Его лошадь одна и та же. Слишком устала, но не сменная: на седле только один номер конюшни.

Аскар положил квитанцию рядом с рисунком белой монеты.

— Он прошёл дорогой, которую оплачивают не на заставе. «Вален заплатил за две двери», — повторил Нарел. Здесь тоже две проводки.

— Курьер может знать маршрут, но не смысл знаков, — сказала Эля.

— Утром спрошу, где он сворачивал.

— Не один.

— Разумеется. Возьму мерина Овера. Он уже умеет возвращаться без меня.

Овер поднял глаза от печати.

— Почему именно моего?

— У него лучшее чувство направления в городе.

Даже старший писец усмехнулся, но копии делал без паузы. Одну положили в каменную весовую. Вторую Харен понёс начальнику стражи. Третью податной смотритель спрятал в своей налоговой книге, где поджигатель искал бы её в последнюю очередь.

Оригиналы остались на столе.

Каждый лист пронумеровали заново поверх старых номеров и провели одну чернильную линию через сложенные края. Овер, Лисса и Харен поставили знаки так, чтобы часть каждого отпечатка приходилась на соседнюю страницу. Теперь изъять одно приложение незаметно было нельзя.

Эля наблюдала за их руками. Ещё несколько дней назад подобная работа казалась медленной заменой действия. Теперь она видела в ней другое оружие: клинок останавливал человека один раз, а правильно связанная бумага не позволяла десяти другим солгать по отдельности.

Аскар убрал квитанцию с двумя пороговыми проводками в прозрачный промасленный конверт.

— Эту утром возьму с собой.

— Копию, — сказала Лисса.

— Разумеется.

— Я всё равно прослежу.

Лисса разложила приложения по датам.

— Нарел встретил Керда Валена тринадцатого числа, — сказала она. — Это подтверждают ярмарка и дождь.

— Да.

— А передаточная запись Конторы Второй Доли составлена шестого.

Семь дней раньше.

— Он не называл фамилию, — сказала Эля.

Овер перечитал верхнюю строку уведомления.

— Нарел Эст.

— В наших записях только имя. В лечебнице тоже.

Лисса проверила обе дощечки показаний. На первой стояло «Нарел, происхождение неизвестно». На второй — то же. Долговую метку они зарисовали, но код держателя ещё не расшифровали и никуда не отправляли.

— Значит, уведомление составил тот, кто знал, кого везли в телеге, — сказал Харен.

— Или законный держатель узнал своего должника по слухам, — возразил податной смотритель. — К вечеру весь город говорил о человеке с клеймом.

— Слухи не знали фамилии.

— Могли описать метку.

— Тогда почему письмо пришло из Ровеля раньше нашего запроса? — спросила Лисса.

Смотритель потёр переносицу.

— Я не защищаю контору. Я пытаюсь построить объяснение, которое их представитель предложит на слушании. Если мы не можем опровергнуть его здесь, толпа тем более не сможет.

Эля оценила честность, хотя голос мужчины по-прежнему раздражал.

Они составили список того, что знали независимо от слов Нарела. Телега имела тайник и ремни. Тарен был убит. Долговая метка существовала физически. Контора отправила требование с полным именем до любого официального запроса города. Договор датировали шестым числом. Сам Нарел связал встречу с Валеном с открытием Ровельской ярмарки и первым дождём; обе даты можно было проверить без его памяти.

— До ответа Ильмара и Ровеля это несоответствие, не доказанная подделка, — сказал старший писец. — Но его достаточно, чтобы отказать в немедленной передаче.

— Агент потребует закрыть Нарела, — напомнил Харен.

— Пусть требует публично.

Эля наклонилась над копией договора. Внизу находилось место для отпечатка должника. Чернильный овал изображал большой палец с тонким шрамом поперёк подушечки.

— У Нарела есть шрам на правом большом пальце? — спросила она.

Никто не помнил. Право проверить принадлежало ему, а не людям, разглядывающим его тело без спроса.

— Утром спросим, согласен ли он сравнить, — решила Эля. — До этого не считаем отпечаток настоящим.

Лисса добавила эту строку в список. Рядом с каждым фактом оставила место для второго подтверждения. Не потому, что Нарелу не верили. Потому что человек, которого превратили в бумагу заранее, заслуживал защиты прочнее одной веры.

Эля перечитала строку. Шестого числа Нарел ещё работал в Ильмаре и не соглашался ни на дорожную службу, ни на перевод долга. Но бумага уже называла его беглым, передавала право на тело и разрешала «возвращение специализированным перевозчиком».

Кто-то заранее знал его имя, долг и стоимость. Знал, в какой день понадобится охрана, какой суд поставит печать и какое слово превратит связанную перевозку в законное возвращение. Ошибка сама не могла так тщательно подготовиться к будущему.

Похищение не прикрыли законным долгом после того, как оно произошло.

Его оформили заранее.

Глава 7. Ложный порог

Мален Рисс согласился показать дорогу после того, как увидел квитанцию.

До этого курьер сидел в общей комнате постоялого двора, ел яйца и утверждал, что маршрут принадлежит Конторе Второй Доли. Увидев две пороговые проводки без названий застав, перестал жевать.

— Этого не было, когда я получал поручение.

Лисса положила перед ним копию. Оригинал остался в каменной весовой.

— Строки написаны теми же чернилами, — сказала она. — Но другой рукой.

— Я не платил белыми жетонами. Мне дали два вместе с футляром и сказали оставить в чашах у дороги.

— Где? — спросил Аскар.

— Покажу. Но сперва запишите: я не соглашался на тайную проводку и не знал, что в документах требование на человека.

Овер записал. Мален прочитал каждое слово, исправил «неизвестного груза» на «содержимого запечатанного поручения» и поставил знак.

— Теперь покажу.

Он заботился не о Нареле. О собственной лицензии, которую Морвейская палата могла отнять за один неучтённый путь. Эля не требовала от него более красивой причины. Иногда страх потерять работу приводил человека туда же, куда совесть, и след оставался одинаково полезным.

Лисса осталась в мере. Агент Второй Доли мог прибыть в любой час, а подлинность судебного заседания ещё требовала проверки. С Элей и Аскаром поехали Харен, Весса и Мален. Курьер настоял на своей лошади, хотя та после вчерашнего пути двигалась с выражением глубокой личной обиды.

— Мерин Овера был бы быстрее, — сказал Аскар.

— Мерин Овера сейчас привязан двумя верёвками, — ответила Эля.

— Значит, занят.

Утро было холодным и ясным. За северными воротами дорога разделялась на тракт к Кремнёвой Заставе и старую военную ветку. Мален выбрал южный тракт — тот самый, по которому, согласно расстоянию, не мог добраться из Ровеля за один день.

Первый белый жетон он оставил у каменного водосброса в трёх милях от города.

Чаша была высечена прямо в дорожном столбе. Обычная на вид выемка для подношений Вейдору: гонцы клали туда монету, кусок мела или узелок с землёй из дома, прося дорогу сохранить возможность возвращения. Внутри оставался круг белого воска.

Аскар спешил.

— Не трогайте столб.

Он обошёл его, держась в двух шагах. На лицевой стороне был вырезан знак Вейдора — три дороги, сходящиеся без конечной точки. На обратной кто-то добавил четвёртую линию, почти невидимую под лишайником.

— Это храмовая метка? — спросила Весса.

— Нет.

— Похожа.

— Поэтому и работает.

Аскар поднял с земли ветку и очертил вокруг столба круг, не касаясь камня.

— Вейдор не переносит человека туда, куда нет пути. Он позволяет почувствовать начало, предел, след и возможность вернуться. Здесь взяли настоящий поворот и заставили его казаться продолжением тракта.

Эля посмотрела на дорогу. Справа лежало сухое поле. Ни колеи, ни тропы.

— Там нет поворота.

— Есть.

Аскар закрыл один глаз, затем другой, словно зрение мешало. Провёл ладонью перед собой. Ветки придорожного кустарника дрогнули без ветра. Между камнями проступила узкая линия мха, уходящая в поле.

— Старый путь обслуживания водосброса, — сказал Харен. — Его закрыли лет десять назад.

— Не закрыли. Перестали чинить.

— Какая разница?

— У закрытой дороги есть конец. У заброшенной остаётся след.

Мален нахмурился.

— Я ехал прямо. Поля не видел.

— Твой жетон сказал знаку, какой путь считать прямым.

— Жетон не магический. Обычный белый воск.

— Воск обычный. Выемка — нет.

Аскар попросил у Эли копию рисунка чёрной нити. Поднёс к столбу, не касаясь. Четвёртая линия на камне потемнела.

— Он сортирует метки, — сказала Эля.

— Белый жетон открывает поворот. Чёрная нить говорит, куда вести груз после него.

— А без дара Вейдора?

— Возчик уверен, что не сворачивал. Потом вспоминает обычную дорогу.

Мален побледнел.

— Я помню мост.

— Какой?

— Каменный. После водосброса. Я проехал под аркой.

Харен посмотрел на него.

— На южном тракте до Серого Брода нет арок.

Курьер потёр лоб. Ложный знак не стирал память. Подкладывал привычное объяснение, пока человек не попытается соединить расстояния.

— Второй жетон был у моста, — сказал Мален. — В чаше на опоре.

Аскар шагнул к скрытой тропе. Эля схватила его за пояс.

— Сначала верёвка.

— Это дорога, не обрыв.

— Вчера ты сказал, что сила не заменяет понимание. Сегодня я хочу понять, куда тебя утащит.

Харен обвязал Аскара длинной верёвкой, второй конец закрепил на седле. Аскар не возражал, но выражение лица обещало запомнить унижение.

Он поставил ногу на мох.

Поле изменилось не глазами. Эля всё ещё видела сухую траву, однако тело внезапно узнало дорогу: захотелось выровнять шаг, повернуть плечи, обойти невидимый камень. Лошадь Малена сама потянулась следом.

— Назад, — сказал Аскар.

Эля отступила. Желание идти исчезло.

— Знак действует на всех?

— На тех, кто признал жетон или отмеченный груз. Мы коснулись копии и вошли в его условие.

— Ты можешь сломать?

— Могу повредить столб. Тогда не узнаем, куда ведёт.

Эля посмотрела на Харена.

— Отправь Вессу в город с копией места. Лисса должна знать, где мы свернули. Если к полудню не вернёмся, пусть перекроют обе обычные дороги и не трогают столб.

Весса зарисовала знак, расстояние от ворот и положение солнца. Уехала только после того, как Эля дважды заставила повторить сообщение.

Остальные вошли на ложную дорогу.

Тропа оказалась шире, чем выглядела с тракта. Под травой лежали плоские камни, по краям тянулись канавы. Когда-то здесь возили рабочих к водосбросам; теперь кусты скрывали путь сверху, но колёса продолжали находить старую кладку.

Мален ехал первым после Аскара. На каждом повороте называл то, что вспоминал: низкую иву, запах стоячей воды, два белых валуна. Память возвращалась не картиной, а последовательностью предметов.

— Я думал, валуны стояли у южной дороги, — сказал он.

— Там красный камень, — ответил Харен. — Белый только в старом русле.

Через полчаса показалась арка.

Мост пересекал сухой канал. Каменная конструкция была слишком высокой для нынешнего ручья и слишком крепкой для заброшенной дороги. На опоре действительно находилась чаша. Второго жетона не было, зато в воске остался отпечаток овала с вырезанной серединой.

Аскар присел у колеи.

— Здесь проходили сегодня.

— До нас? — спросила Эля.

— Телега. Пустая или почти пустая. Выехала оттуда.

Он указал за мост. Дорога раздваивалась: одна ветка продолжала вдоль канала, вторая поднималась к дальним тополям. Обычный след колёс шёл по первой. Аскар смотрел на вторую.

— Что не так?

— Телега оставила колею внизу, но её Путь начинается сверху.

Харен выругался.

— Говори по-человечески.

— Колёса спустились с верхней дороги, потом знак заставил их след выглядеть продолжением нижней. Тот, кто ищет телегу, пойдёт к каналу.

Эля поднялась на мост. За тополями мелькнул серый полотно.

Пустая телега двигалась к ним с запада. Возчик сидел один, не торопил лошадь. На правом борту висел обрывок чёрной нити.

— Отмеченный груз без груза, — сказал Мален.

— Возвращается за следующим, — ответила Эля.

Они укрылись под аркой. Лошадей отвели в сухой канал, обмотали морды тканью, чтобы не заржали. Телега прошла над ними. Эля видела снизу ободья колёс, комья белой глины и деревянный ящик, закреплённый под кузовом. Возчик насвистывал одну и ту же короткую мелодию.

Когда скрип удалился, Аскар выбрался на склон.

— За ним? — спросил Харен.

— Нет. Он уходит к тракту. Нам туда, откуда пришёл.

— Тогда зачем ждать?

— Чтобы знак принял нас за продолжение его следа.

Аскар провёл пальцами над чёрной нитью на рисунке, затем коснулся свежей колеи. Его плечи напряглись. Слабый дар не создавал новую связь; он цеплялся за существующую, как рука за верёвку, которую уже протянул другой.

— Сейчас.

Они поднялись по верхней дороге.

Первые несколько сотен шагов путь был обычным. Потом тополя сомкнулись, и Эля снова ощутила неверную уверенность: впереди ничего нет, нужно повернуть обратно. Чем дальше они шли, тем разумнее казалась мысль, что пустая телега приехала с соседнего поля, а расследование ждёт в городе.

— Знак выталкивает нас, — сказала она.

— Потому что у нас нет метки груза.

— Копия нити?

— Она показала условие, но не дала права прохода.

Мален достал свою овальную дощечку курьера.

— Жетоны дали мне как гонцу.

Аскар посмотрел на медь.

— Этого хватит до следующего порога.

— А дальше?

— Узнаем.

Эля не любила планы, заканчивающиеся этим словом. Но возвращение означало ждать агента Второй Доли и позволить складу опустеть окончательно.

Они связались одной верёвкой: Аскар впереди, затем Эля, Мален и Харен. Лошадей оставили у моста. Если знак заставлял каждого выбрать обратную дорогу, физическая связь должна была хотя бы сообщить остальным о выборе.

Медная дощечка Малена открыла проход.

Ощущение пустоты исчезло. За тополями проступила дорога, на которой лежали свежие комья глины. Она вела к группе низких каменных зданий, скрытых в чаше между холмами.

— Я этого не видел вчера, — сказал Мален.

— Ты шёл в город. Для тебя склад был не дорогой, — ответил Аскар.

На расстоянии мили они остановились. Из двора выезжала ещё одна повозка, крытая и тяжёлая. За ней — пустая. Люди закрывали ворота, но не запирали. Действовали быстро, без крика. Эвакуация началась недавно.

— Сколько? — спросил Харен.

Эля насчитала шестерых во дворе, двух возчиков, одного человека на крыше. Возможно, внутри оставались другие.

— Девять видимых. Нас четверо.

— Я не стражник, — напомнил Мален.

— Нас трое, — исправил Эля.

— Спасибо.

У дальней стены стояли клетки. Пустые, но достаточно высокие для человека. Их грузили на вторую повозку под видом разборных ограждений.

Харен снял щит.

— Ждём Вессу с подкреплением?

— До полудня они уйдут.

— Нападём втроём — уничтожат бумаги.

Эля наблюдала за двором. Рабочие носили ящики из главного здания к повозкам, но книги никто не выносил. Значит, либо их уже забрали, либо ещё не успели.

— Мален, можешь войти как курьер?

Он уставился на неё.

— Моё поручение доставлено.

— Скажешь, что потерял квитанцию на обратную проводку.

— И если они знают, что квитанция у вас?

— Тогда побежишь.

— План становится всё лучше.

Аскар снял с верёвки узел и отдал ему овальную дощечку.

— Тебе не нужно искать склад. Только заставь открыть ворота и удержи людей у входа.

— Что будете делать вы?

— Войдём дорогой, которой пользуются пустые телеги.

— Вы её видите?

— Пока нет.

Мален посмотрел на Элю.

— Он всегда так успокаивает?

— Иногда молчит. Тогда хуже.

Курьер вытер ладони о плащ и пошёл к воротам.

Его заметили сразу. Человек на крыше свистнул, двое рабочих перестали грузить ящики.

Мален поднял дощечку и заговорил достаточно громко, чтобы слова долетали до холма:

— Проводка Второй Доли! Потеряна обратная квитанция!

Ворота приоткрылись. Никто не выстрелил.

— Теперь, — сказал Аскар.

Он повёл Элю и Харена вдоль края чаши. Склон казался сплошным, но через несколько десятков шагов Аскар остановился перед зарослями бузины. Под ветвями лежали две параллельные полосы примятой травы.

— Пустые телеги входят здесь, — сказал он. — Гружёные выходят воротами.

— Почему разделять?

— Знак сортирует направление. Если кто-то проследит за тяжёлой колеей, придёт к официальному входу и увидит обычный склад.

Харен раздвинул кусты. За ними обнаружился пологий спуск к задней стене. Дверь для грузчиков была открыта.

Аскар коснулся порога и резко втянул воздух.

— Что?

— Здесь много следов. Слишком много.

— Отпусти лишние.

— Если отпущу, проход исчезнет для нас.

Эля взяла его за плечо.

— Нам не нужен весь путь. Только дверь.

Он посмотрел на неё и коротко кивнул. Сосредоточился на каменном пороге. Заросли перестали казаться стеной.

Они вошли.

Внутри пахло пенькой, маслом и мочой. Первый зал был заставлен законным товаром: бочки с рыбьим жиром, рулоны грубой ткани, мешки зерна. На каждой партии висела накладная с печатями. Никаких тайников, крови или оружия.

Харен взял одну бумагу.

— Дорожные поставки. Судебные склады. Даже налог уплачен.

— Поэтому сюда можно привезти клетку и назвать ограждением, — сказала Эля.

Из переднего двора доносился голос Малена. Он спорил о номере жетона, всё громче изображая оскорблённого служащего. Кто-то велел позвать старшего.

Эля прошла между бочками. На полу заметила чёрный узелок. Нить обрезали, но маслянистый след остался на доске. Он вёл к внутренней стене.

Дверь была замаскирована стеллажом. Харен нашёл рычаг за мешком соли. Стеллаж отъехал на железных роликах.

За ним находился второй зал.

Здесь стояли клетки. Не три, которые грузили во дворе, а больше двадцати. Некоторые разобрали, другие были собраны и поставлены в два ряда. На прутьях сохранились куски ткани, волосы, следы ногтей. Возле стены лежали ошейники с табличками вместо имён.

Эля подняла ближайшую.

На одной стороне значился номер долга. На другой — назначение: «красильня», «гребцы», «лёгкий лечебный», «возврат».

— Лечебный, — сказал Харен.

— Как Нарел.

Под словом стояла буква «С» и три коротких штриха.

В дальнем углу лежали книги. Четыре толстых тома, каждый пристёгнут цепью к столу. Рядом горела лампа.

— Они собирались вернуться, — сказал Харен.

— Или не успели сжечь.

Эля закрыла стеклянную заслонку лампы. Сняла со стены мешок и начала складывать книги. Цепи не позволяли.

— Ключ у старшего, — сказал голос за спиной.

Рабочий стоял в дверях. Молодой, без формы, в руках грузовой крюк. Он смотрел не на меч Эли, а на книги.

— Отойди, — сказала она.

— Вы не знаете, что забираете.

— Поэтому прочтём.

— Они придут за всеми.

— Кто?

Мужчина бросился не на Элю. На лампу.

Она перехватила его запястье, развернула и ударила локтем под рёбра. Крюк звякнул о пол. Рабочий вцепился в край стола, пытаясь опрокинуть горящее масло на книги. Харен прижал лампу щитом.

Эля подсекла мужчине колено. Он упал. Она приставила нож к горлу.

— Кто придёт?

— Не знаете, — повторил он, задыхаясь. — Думаете, это склад. Они закроют путь, и вы останетесь внутри.

За стеной хлопнула дверь.

Аскар пошатнулся.

— Порог меняют.

Эля связала рабочему руки его же поясом.

— Харен, книги. Ломай цепь.

Стражник вставил топор между звеньями. Первый удар отозвался во всём зале.

Аскар стоял у скрытой двери, ладони прижал к камню. Лицо побледнело.

— Они закрывают задний вход и открывают ворота только на выход. Если потеряю след, кусты станут для нас стеной.

— Это всё ещё кусты.

— Для тебя. Лошади и подкрепление пройдут мимо. Потом мы тоже будем выбирать другую дорогу, не замечая.

Харен разбил первое звено.

Во дворе Мален закричал. Спор закончился.

Эля выглянула в первый зал. Двое тащили курьера к воротам. Человек с крыши снял арбалет.

— Оставайся у книг, — сказала она Харену.

— Их девять.

— Уже меньше. Двое уехали.
— Это не делает троих хорошим числом.
— Зато книги останутся целы.

Эля вышла в двор через главный проход.

Первый арбалетный болт ударил в дверную раму. Она метнула нож. Не в стрелка — в верёвку, удерживавшую навес над погрузочной площадкой. Тяжёлая ткань рухнула, накрыла двоих рабочих и заставила арбалетчика отступить на крыше.

Мален ударил локтем человека, державшего его за шею. Освободился на миг. Эля пересекла двор, отбила грузовой крюк мечом и врезалась плечом в второго противника.

Они были не наёмниками. Складские рабочие, умеющие бить тяжёлыми предметами и привыкшие, что пленники связаны. Один побежал к повозке. Другой бросил оружие, когда Харен появился в воротах с книгой под мышкой.

Старший склада вышел из конторы последним. В одной руке держал связку ключей, в другой — белый жетон.

— Назад! — крикнул Аскар из зала.

Старший швырнул жетон в дорожную чашу у ворот.

Мир качнулся.

Эля увидела открытые ворота, дорогу и холм. Но тело знало, что впереди стена. Ноги отказались сделать шаг. Лошадь у повозки взвилась, будто перед ней возник обрыв.

Старший побежал через ворота и исчез с дороги, хотя оставался видимым ещё несколько мгновений.

— Аскар!

Он вышел во двор, держась за стену.

— Не двигайтесь. Он перевернул Порог.

Снаружи послышался топот. Подкрепление Вессой всё-таки пришло, но всадники пронесли мимо поворота, не замечая склада.

Аскар вытянул руку к чаше.

— Я удержу вход. Сломайте знак.

— Как?

— Белый жетон. Достаньте.

До чаши было двадцать шагов. Каждый казался направлением, которого не существовало. Эля привязала к поясу верёвку, второй конец отдала Харену и пошла, глядя не на ворота, а на собственные сапоги.

Первый шаг. Второй. На третьем её развернуло плечами к складу. Она вернулась на направление силой мышц. Аскар держал ладонь поднятой. Кровь пошла у него из носа.

— Ещё, — сказал он.

Эля дошла до чаши и выбила жетон рукоятью меча.

Белый воск раскололся.

Дорога снова стала дорогой.

Всадники Вессой увидели поворот одновременно. Семеро стражников въехали во двор, едва не столкнувшись друг с другом. Рабочие, которые ещё держали крюки, бросили их. Человек под навесом попытался выбраться и получил коленом Харена между лопаток.

Эля обернулась к Аскару.

Он сидел у стены. Кровь из носа уже не текла, но взгляд не мог остановиться: ворота, крыша, скрытая дверь, снова ворота.

— Где болит? — спросила она.

— Нигде.

— Это плохой ответ.

— Я не чувствую, где север.

Эля посмотрела на солнце. Оно стояло на юго-востоке.

— Покажи.

Аскар указал на западную стену.

Весса подошла ближе.

— Ударился головой?

— Нет, — ответила Эля. — Перегрузил канал.

Она заставила Аскара лечь, подложила под голову свёрнутый плащ и проверила зрачки. Одинаковые. Пульс быстрый. На вопросы отвечал правильно: имя, город, утро, склад. Только направление исчезло.

— Я могу идти, — сказал он.

— Можешь лежать.

— Старший ушёл по дороге.

— И увёл бы нас от книг. Пусть бежит.

Это решение стоило живого подозреваемого. Эля видела цену. Но во дворе оставались семеро задержанных, Мален, десятки клеток и четыре книги, которые старший пытался защитить Порогом. Погоня дала бы одного человека и позволила остальным превратить склад в пустую постройку.

Мален сел на землю рядом. На шее у него наливался синяк.

— Моей лицензией провели меня по тайному складу, подделали квитанцию и едва не повесили как сообщника.

— Не повесили бы, — сказал Аскар с закрытыми глазами.

— Благодарю. Очень своевременно.

— Сначала было бы слушание.

— Замолчи и лежи, — сказала Эля.

— Я лежу.

Харен организовал обыск. Каждый зал зарисовали до того, как двигать предметы. Клетки пронумеровали. На ошейники надели отдельные мешки. Возле скрытой двери поставили двух стражников, у главных ворот — трёх. Весса отправила гонца в Серый Брод с сообщением: склад найден, Нарела не перемещать, агент Второй Доли должен прибыть только на открытое слушание.

Пленные рабочие называли постройку перевалочной конторой «Сухой Канал». Она действительно существовала в торговом реестре и платила налоги за хранение судебного имущества. Никто из задержанных не признавал, что видел людей в клетках.

— А волосы сами выросли на прутьях? — спросил Харен.

— Держали беглых работников, — ответил старший грузчик. — По закону.

— И игольные стойки?

— Медицинский осмотр.

— И чёрная нить?

— Складская отметка.

Каждый ответ был возможным. Вместе они складывались в систему, которая заранее подготовила невинное название для любой вещи.

К полудню цепи с книг сняли кузнечным зубилом. Оригиналы Харен передал старшему стражнику, две группы писцов начали делать копии прямо на месте. Эля листала первый том в перчатках.

В нём не было тайного шифра. Колонки назывались открыто: держатель долга, основание передачи, физическое состояние, назначение, стоимость перевозки, состояние возврата. Людей вписывали рядом с инструментами и рабочими животными, потому что законная контора считала обязательство имуществом.

— Вот почему склад не сжигали, — сказал Мален. — Эти книги защищают их лучше огня.

— Пока никто не сравнил с клетками, — ответила Эля.

Во втором томе обнаружили накладные на разборные ограждения. Каждый комплект соответствовал клетке во дворе по номеру болтов. В графе получателя стояли красильни, камеломни, корабельные артели. Несколько строк заканчивались словом «лечебный» без названия лечебницы.

Третий том был дорожным. Белые жетоны выдавали гонцам и возчикам, чёрной нитью отмечали грузы, которые ложный Порог должен направить к внутреннему двору. Официальные заставы в маршрутах отсутствовали. Вместо них стояли «первая дверь» и «вторая дверь».

— Нарел слышал правильно, — сказал Харен.

— И Мален прошёл обе, — добавила Эля.

Писец отметил совпадение отдельно: независимое свидетельство пленника, дорожная квитанция и книга склада.

Четвёртый том оказался неполным. Последние страницы вырвали. На корешке остались полоски свежей бумаги, у конторской печи — холодный пепел и металлические скобы. Старший успел уничтожить часть записей раньше, чем Мален подошёл к воротам.

Но не всё.

Эля нашла Керда Валена в указателе. Рядом стояли номера двенадцати дел. Девять относились к людям из Ильмара и Ровеля, трое — к неизвестным без происхождения. Все договоры оформлены до даты личной подписи на срок от двух до одиннадцати дней.

— Повторяемая услуга, — сказал Харен. — Не один поддельный лист.

— Подлинны листы с ложным событием, — поправил Мален. — Это хуже.

Весса позвала Элю к дальнему ряду клеток.

Там не успели убрать следы. В первой стояла миска с кашей, ещё мягкой по краям. Во второй лежал свёрнутый детский чулок. На полу третьей темнел круг от ведра, вода внутри следа не высохла. Людей вывезли не несколько дней назад — ночью или утром, после того как сеть узнала о спасении Нарела.

— Сколько? — спросила Эля.

Весса показала зарубки на косяке. Рабочие отмечали выдачу еды: две черты на клетку в день. Последний ряд состоял из четырнадцати черт.

— Минимум четырнадцать. Возможно, больше, если держали по двое.

На внутренних прутьях были выцарапаны знаки. Имена встречались редко. Чаще счёт дней, рисунок дома, три волнистые линии, похожие на реку. В одной клетке человек снова и снова выводил слово «Мара», пока дерево не стало шероховатым.

Харен привёл связанного молодого рабочего, который пытался разбить лампу.

— Его зовут Дорс. Говорит, кормил клетки.

— Я носил миски, — быстро сказал тот. — Не запирали. Не решал, кого привозить.

— Когда людей вывезли?

— До рассвета.

— Куда?

— Не знаю. Две крытые повозки. Одну отправили к первой двери, вторую к старой дамбе.

— Кто приказал?

— Старший. Пришёл гонец ночью, показал чёрный круг на белом.

— Имя гонца?

— Не называл.

— Что было в повозках?

Дорс посмотрел на клетки.

— Люди.

Первое прямое слово прозвучало тише всех складских формул.

— Живые? — спросила Весса.

— Да.

— Связанные?

— На них были дорожные ремни. Я не затягивал.

— Но кормил, — сказала Эля.

— Если бы не кормил, старший заставил бы другого.

— И что изменилось бы для них?

Дорс не нашёл ответа. Эля не ждала признания, которое очистит его или сделает единственным виновным. Он помогал людям не умереть до продажи и считал это границей собственной вины. Суд решит, сколько в ней стоила миска, а сколько закрытая клетка.

— Запишите отдельно, — велела она. — Без остальных работников в комнате.

Харен увёл Дорса к писцам.

В вещевом шкафу нашли четырнадцать узлов с одеждой. На каждом номер вместо имени. Монеты, ножи и личные знаки лежали в запёртом ящике; старший не успел забрать ключ, потому что бросил всю связку у конторы, когда взял белый жетон.

Эля открывала узлы по одному при Вессе. Рабочая рубаха с пятнами синей краски. Ноктарский костяной гребень. Детская деревянная лошадка без задней ноги. Медный брачный браслет с двумя именами на внутренней стороне. Вещи принадлежали людям из разных земель и не позволяли назвать перевозку местным долговым спором.

— Опечатать и сверить с пропавшими, — сказала она.

— Список Лиссы? — спросила Весса.

— С ним первым.

На дне ящика лежали обрезанные чёрные нити. Четырнадцать отрезков, каждый с бусиной или узлом. После распределения людей метки снимали с одежды и хранили для следующей партии. Сеть сэкономила даже на знаках.

Мален нашёл в конторе дорожную доску. Два маршрута стёрли, но мел забился в царапины. Один уходил на север, к Кремнёвой Заставе. Второй — юго-восточнее, к речным дамбам. Ни один не содержал названия конечного места.

— Можешь прочесть путь? — спросила Эля у Аскара.

Он посмотрел на доску слишком долго.

— Сейчас всё ведёт в одну сторону.

— В какую?

— Отсюда.

Его дар ещё не различал даже противоположности. Пытаться заставить означало повторить ошибку Эли с чашкой, только ценой мог стать не ожог, а дорога, на которой потеряются все.

— Тогда не читаешь, — решила она.

Харен предложил отправить по отряду за каждой повозкой. Эля отказалась. Следы было несколько часов, дороги расходились, а старший склада уже знал о захвате. Небольшие группы могли попасть под второй ложный Порог или вернуться с удобной пустотой.

Вместо этого они разослали предупреждения на заставы с описанием повозок, но без тайных деталей. Если сообщник сидел в гарнизоне, он узнавал только то, что город ищет два серых полога. Копии маршрутов отправили разными гонцами.

Оставалась сама ложная дорога. Разбить чаши было проще всего, но тогда защита объявила бы магическую улику выдумкой Аскара. Харен вызвал смотрителя ближайшей часовни Вейдора — пожилую женщину в дорожном сером, которая прибыла на муле и сперва потребовала оплатить его корм.

Она осмотрела чашу у ворот, не касаясь воска.

— Настоящее благословение Пути не выбирает груз за путника, — сказала смотрительница. — Оно показывает границу и оставляет решение. Здесь решение сделали заранее, а человеку дали удобное воспоминание.

— Можете подтвердить письменно? — спросил Мален.

— За корм мулу.

— Я заплачу.

— Тогда могу даже разборчиво.

Смотрительница накрыла чашу железным колпаком и провела вокруг три линии мела. Порог не исчез, но перестал принимать новые жетоны. На первом столбе у водосброса сделали то же самое. Возле каждого поставили стражу с приказом никому не предлагать «короткую дорогу», даже если путник очень спешит.

Мален дал отдельное показание: оба раза он добровольно положил жетон, не зная, что жест включает скрытый путь; память о мосте и южном тракте возникла уже после проводки. Смотрительница добавила заключение о нарушении запрета Вейдора — перенос туда, куда для человека не существовало осознанного пути.

Три источника теперь подтверждали знак: дар Аскара, опыт курьера и независимая служительница. Ни одному из них не требовалось верить в одиночку.

— Контора скажет, что склад не знал о поддельном Пороге, — заметила Эля.

Харен показал на белые жетоны в дорожной книге.

— Тогда придётся объяснить, почему оплачивала каждую проводку.

Четырнадцать человек оставались впереди. Отказ от немедленной погони не спасал их сегодня. Он сохранял возможность понять, куда увозят всех, а не только последнюю партию.

Аскар попытался сесть. Мир для него всё ещё не имел направлений. Он посмотрел на выход и спросил:

— Город там?

Эля увидела, сколько ему стоил вопрос.

— Нет. Там север.

— Я знал.

— Поэтому спросил.

Он сжал челюсть.

Эля села рядом, закрывая книгу пальцем на нужной странице.

— Это вернётся.

— Эрена сказала?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Не знаю. Но пока будешь идти рядом со мной.

— Ты сама путаешь дороги.

— Зато уверенно.

Аскар посмотрел на неё. На этот раз сухая улыбка появилась не сразу, но появилась.

— Великолепный план.

— Других нет.

Они не назвали страх. Эля просто привязала к его запястью конец той же верёвки, которая вывела их через ложный Порог. Второй обвязала вокруг своего пояса. Не для магии — чтобы тело знало направление, пока дар молчит.

До повозки оставалось меньше ста шагов. На первом перекрёстке между залами Аскар повернул к клеткам. Верёвка натянулась.

Он остановился, посмотрел на дверь справа и медленно вернулся.

— Я знаю, что выход там, — сказал он.

— Глазами.

— Этого должно хватить.

На следующем повороте тело снова выбрало неверную сторону. Аскар выругался и закрыл глаза, будто так мог заставить дар вернуться. Эля взяла его ладонь и положила себе на плечо.

— Идешь за мной.

— Я не слепой.

— Нет. Поэтому увидишь, если я поведу в стену.

— Обнадёживает.

Они дошли до двора медленно. Аскар каждый раз пытался предугадать направление и каждый раз принимал короткий рывок верёвки как личное оскорбление. У повозки Эля помогла ему подняться на козлы.

— Я могу ехать верхом.

— Куда?

Он посмотрел на дорогу, затем на склад. Ответа не было.

— На козлах, — решил он.

Эля села рядом. Передала вожжи Вессе, хотя та удивилась. Сама оставила ладонь на колене Аскара, не удерживая и не успокаивая — просто давая одну точку, которая не меняла стороны света.

Он накрыл её пальцы своими.

Перед отъездом Эля вернулась к книге.

Номер долговой метки Нарела находился на странице, которую попытались вырвать. Верхний край исчез, но нижняя половина строки сохранилась. Имя: Нарел Эст. Посредник: Керд Вален. Держатель: Контора Второй Доли. Дата поступления — на день раньше встречи в Ровеле.

Ниже стояла стоимость обратной перевозки, уже разделённая между Сухим Каналом и неизвестным получателем. Сумма включала корм, ремни, медицинский осмотр и доплату за «непрерывность состояния». Рядом оставили пустое место для отметки о повреждении груза.

Тарен погиб, лошади были убиты, телега перевернулась, но контору заранее интересовало только то, в каком состоянии вернут человека. Даже смерть возчика не получила своей колонки.

Страница не скрывала жестокость. Она просто переводила её на язык расходов, где чужая боль становилась отклонением от сметы, а спасение — убытком. В этой бухгалтерии не требовалось ненавидеть людей; достаточно было правильно считать. И никто из писцов не оставил поля для вопроса о том, зачем это делается.

В графе назначения стояло: «лёгкий лечебный».

В графе состояния возврата — два слова.

«Имущество. Возвратное».

Глава 8. Чужая законность

Дейр Ковен прибыл через два дня с восемью вооружёнными людьми и переносным столом.

Стол произвёл на Серый Брод большее впечатление, чем оружие. Гвардейцев ожидали. Дубовую столешницу с разборными ножками, двумя ящиками для печатей и собственным навесом привозил человек, уверенный, что закон начинается там, где он решит разложить бумаги.

Ковен поставил стол во дворе меры.

— Здесь состоится передача, — сказал он.

— Здесь состоится слушание, — ответил старший писец.

— Решение уже вынесено Ровельским судом.

— Тогда вам будет легко его защитить.

Ковен был худым мужчиной лет сорока, с гладко выбритым лицом и руками без колец. Говорил тихо, не повторял приказ дважды и ни разу не назвал Нарела рабом. Только служащим, должником или предметом обязательства — в зависимости от страницы.

Его люди носили Морвейские зелёные плащи поверх наёмных кольчуг. На бумаге это была охрана межгосударственного судебного агента, а не частный отряд. Напасть на них значило не отбить Нарела, а подтвердить требование о вооружённом похищении законной собственности.

Эля стояла у двери каменной весовой и очень хорошо чувствовала меч за плечом. Именно поэтому держала руки свободными.

За два дня Аскар частично вернул направления. Он снова находил север, если видел небо, и различал знакомые улицы. В закрытом помещении Путь всё ещё путался: вчера он трижды открыл кладовую вместо выхода и после третьего раза снял дверь с петель. Теперь стоял рядом с Элей так, чтобы двор и ворота оставались в поле зрения.

Нарел тоже окреп. Трубку заменили на меньшую, неправильное заживление замедлилось, хотя золотые импульсы не прекратились. Эрена разрешила перенести его в меру только на койке, под её наблюдением и с правом закончить показания в любой момент.

Лисса готовила двор с рассвета. Поставила две скамьи для свидетелей, отдельный стол для доказательств и верёвочное ограждение, чтобы толпа не наступила на опечатанные мешки. На каждой копии отметила, где хранится оригинал. Овер проверил список дважды и впервые не нашёл исправлений.

— Ты специально оставила агенту место под навесом? — спросила Эля.

— Если его бумаги намокнут, он скажет, что город сорвал слушание.

— А нам?

— У нас плащи.

Небо было ясным.

К полудню у двора собралась половина города. Пришли торговцы, грузчики, родня Тарена Восса, служители трёх храмов и люди, которые никогда не интересовались долговым правом, пока оно не привезло восемь мечей к их мере.

Ковен предъявил полномочия. Печать Морвейской палаты контрактов совпала с образцом. Дорожный приказ разрешал ему сопровождение. Ровельское решение действительно существовало под указанным номером. Ни одна проверка не позволяла просто объявить бумаги поддельными.

— Возражение города? — спросил Ковен.

Старший писец кивнул Лиссе.

Она вынесла три доски и поставила на подставки.

На первой была временная линия: шестого числа — судебная передача, тринадцатого — встреча Нарела с Кердом Валеном, четырнадцатого — исчезновение. На второй — маршрут телеги через ложный Порог. На третьей — номер клетки, долговой метки и строки в книге Сухого Канала.

— Помощница? — спросил Ковен.

— Писец расследования, — сказал старший писец.

— Ей тринадцать.

— Цифры от этого не меняются.

Ковен не улыбнулся. Но и не попытался удалить Лиссу со слушания.

— Морвейское право допускает передачу долга до личного уведомления должника, — сказал он. — Шестого числа Контора Второй Доли приобрела обязательство Нарела Эста у красильного дома Ильмара. Тринадцатого доверенный посредник предложил форму службы. Временного противоречия нет.

— В документах шестого числа Нарел уже назван беглым, — возразила Лисса.

— Должник нарушил условия выплаты раньше.

— Но специализированный перевозчик получил разрешение на возвращение тоже шестого. За неделю до того, как Нарел отказался от службы, которой ему ещё не предложили.

— Перевозчик мог быть назначен заранее на случай отказа.

Каждый раз Ковен находил законную форму. Не отрицал дату, а менял её смысл. Лисса не спорила с выводом. Сняла с третьей доски ткань.

Под ней лежал ответ из Ильмара.

— Шестого числа Нарел получил дневную плату в красильне, — сказала она. — Его присутствие подтверждают книга работ, мастер смены и пятеро работников. В тот же час Ровельский суд записал его личное признание долга.

Ковен протянул руку.

— Оригинал.

— В Ильмаре. Здесь три заверенные копии, доставленные разными гонцами.

— Свидетель мог подписать заранее.

— Тогда зачем суд записал личное присутствие?

— Ошибка писца.

Эля услышала, как толпа за верёвкой зашевелилась. Одну ошибку можно было простить. Две — объяснить. Но рядом уже лежали клетки, ложный Порог, убитый Тарен и чужой Свет в теле Нарела. Ошибки начинали выглядеть как работники одного дома.

Ковен открыл нижний ящик стола и достал тонкую зелёную книгу.

— Морвейское долговое право разделяет действительность обязательства и нарушения при взыскании, — сказал он. — Если перевозчик применил незаконные ремни, отвечает перевозчик. Если склад держал людей без установленных условий, отвечает склад. Долг от этого не исчезает.

— Удобно, — произнёс Харен.

— Предсказуемо. Иначе должник мог бы освободиться, подкупив возчика ударить его на дороге.

Ковен положил книгу на стол и открыл страницу с закладкой. Текст подтверждал его слова. Закон не был придуман для Нарела. Его писали, чтобы торговые обязательства переживали преступления посредников и границы государств. Сеть просто научилась помещать преступление в промежутки между правильными статьями.

— Тогда слушаем о самом долге, — сказала Эля.

Ковен посмотрел на неё.

— Вы не судья.

— Нет. Поэтому не позволю решить всё разговором между двумя столами.

Старший писец ударил деревянной колотушкой по доске.

— Мера признаёт вопрос относящимся к защите свидетеля. Продолжайте.

Сначала выступил Овер. Он объяснил различия реестров, отсутствующую подпись и уничтоженные пломбы. Ковен задавал короткие вопросы и ни разу не пытался поймать его на алиби. Вместо этого отделил подделку дорожного прохода от законности долга.

Затем Мален подтвердил два белых жетона и ложный маршрут. Смотрительница Вейдора прочитала заключение. Ковен признал проводку нелегальной и заявил, что Контора Второй Доли тоже могла быть обманута складом.

— Ваша контора оплатила проводки, — сказала Лисса.

— Квитанцию дописали без ведома курьера. Платёж мог провести Керд Вален лично.

— Он ваш доверенный.

— Был. До завершения внутренней проверки.

Ковен отсекал людей от учреждения быстрее, чем те успевали стать уликой. Возчик ошибся. Склад нарушил. Посредник превысил полномочия. Судебный писец описался. Контора оставалась чистой пустотой между ними.

Харен вынес ошейники и четырнадцать чёрных нитей. Дорс дал показание из-за отдельной ширмы, чтобы остальные работники не видели его. Рассказал о людях в клетках и двух утренних повозках.

Ковен не стал отрицать.

— Я прошу город преследовать виновных, — сказал он. — Но Нарел Эст не находился среди четырнадцати вывезенных сегодня. Его обязательство рассматривается отдельно.

— Его имя в той же книге, — сказала Эля.

— Книга содержит законные и незаконные операции. Соседство строк не доказывает общий умысел.

Он был прав достаточно часто, чтобы оружие казалось простым. Эля могла перерезать верёвочное ограждение, вывести Нарела через задние ворота и заставить восемь гвардейцев решить, сколько стоит бумага против меча. К вечеру Ковен назвал бы её Ноктарской полукровкой, похитившей должника. Завтра Ровель потребовал бы выдачу. Послезавтра каждый свидетель склада превратился бы в сообщника беглеца.

Она держала руки на столе.

— Покажите исходный долг, — сказала Лисса.

Ковен передал копию красивого договора. Семь венов за ремонт общего чана, подтверждённые Нарелом два года назад. Сумма была настоящей.

Следующий лист добавлял плату за простой. Потом аренду оборудования. Потом страховой сбор, хотя чан не страховали. Потом штраф за снижение выработки в дни, когда работники ремонтировали тот же чан.

— Сорок два вена, — подсчитала Лисса.

— С процентами сорок восемь и четверть.

— За семь?

— Договор допускает расходы держателя.

— Любые?

— Подтверждённые книгой дома.

— Той же книгой, которая получает деньги?

— Заверенной городской палатой.

Лисса провела ногтем по строкам.

— Здесь подпись Нарела повторяется пять раз совершенно одинаково.

Ковен впервые помедлил.

Обычная подпись менялась. Наклон, длина последнего штриха, давление пера. На пяти дополнениях знак Нарела совпадал до чернильной кляксы у первой буквы.

— Писец переносил согласие с исходного договора, — сказал агент.

— Тогда Нарел не подписывал расходы лично.

— Договор разрешал перенос.

— А отпечаток?

Внизу каждого листа стоял один и тот же овальный отпечаток с поперечным шрамом.

Эрена поднялась возле койки.

— Нарел разрешил сравнение утром.

Она развернула его правую ладонь к слушателям. На большом пальце шрама не было. На левом проходил тонкий порез, но в другом направлении.

— Это не его отпечаток, — сказала Лисса.

— Возможно, ошибка при приложении копии, — ответил Ковен.

Толпа засмеялась. Не весело.

Ковен закрыл зелёную книгу.

— Тогда требуется экспертиза оригинала в Морвее. До неё должник должен находиться в закрытом содержании, чтобы не скрыться и не повредить доказательства.

— А Тарен где должен находиться? — спросила женщина за ограждением.

Толпа расступилась. К столу вышла Салия Восс, сестра возчика. На ней было рабочее платье с известковой пылью на подоле. Утром она забрала тело из городского морга и теперь держала деревянную бирку брата в кулаке.

Старший писец спросил, желает ли она дать показание.

— Я желаю получить ответ.

Он позволил ей пройти.

Салия положила бирку на зелёную книгу Ковена.

— Контора нанимала телегу?

— По приложению перевозку оплачивал подрядчик Сухого Канала.

— Кто дал подрядчику имя Нарела?

— Это устанавливает внутренняя проверка.

— Кто заплатит за похороны моего брата?

Ковен не отвёл взгляда.

— Если его смерть связана с исполнением договора, транспортный держатель обязан выплатить семье шесть месячных ставок после судебного подтверждения.

— Сколько длится подтверждение?

— Обычно до трёх месяцев.

— А хоронить когда?

Ответа в зелёной книге не было.

Салия развернулась к столу доказательств. Харен показал бирку Тарена, найденную при теле, и журнал осмотра. Возчик умер от одного удара сзади. Груз не разграбили. Тайник открывали после убийства. На рукояти засова сохранился тёмно-синий воск, тот же, что на складской накладной Второй Доли.

— Это доказывает присутствие бумаги или печати, не человека конторы, — сказал Ковен.

— Верно, — ответил Харен. — Поэтому есть второе.

Весса вынесла снятое с двойного дна кольцо. На внутренней стороне стоял номер клетки Сухого Канала. Номер совпадал с книгой склада и дорожной оплатой в приложении к долгу Нарела.

— Телега, склад и договор связаны физически и документально, — сказал старший писец. — Убийство не отдельный случай рядом с вашим взысканием.

Ковен коснулся бирки Тарена.

— Связаны перевозкой. Не доказанным приказом конторы.

Салия забрала бирку.

— Тогда найдите приказ раньше, чем попросите вернуть единственного человека, который видел тех, кто его исполнял.

Она вернулась за ограждение. Толпа не заплодировала. Это было бы слишком похоже на зрелище. Люди просто дали ей место в первом ряду.

Старший писец внёс её требование о сохранении Нарела как свидетеля в протокол. Ковен добавил возражение. Теперь смерть Тарена нельзя было вынести из дела одним словом «подрядчик».

— Свидетель, — сказал Нарел.

Голос был слабым, но двор услышал.

Эрена наклонилась к нему.

— Не обязан.

— Знаю.

Нарел сел выше, опираясь на подушки. Свет под кожей мерцал спокойно. Он посмотрел на Ковена.

— Спрашивайте меня.

Ковен не спешил. Передвинул зелёную книгу, освобождая между ними пустое место.

— Подтверждаете долг в семь вен перед красильным домом Ильмара?

— Да.

— Подтверждаете исходную подпись?

Нарел посмотрел на лист, который Лисса держала перед ним.

— Эту — да.

— Значит, контора приобрела действующее обязательство.

— Если купила семь вен. Не меня.

— Долговая служба предусмотрена договором при просрочке.

— Три месяца у чана или на дамбе. Не клетка. Не обруч.

— Я не спрашивал об обруче.

— А следовало.

Толпа за верёвкой притихла.

Ковен перевернул страницу.

— Тринадцатого числа вы встретились с Кердом Валеном и согласились на перевод в дорожную службу.

— Согласился выслушать. Подписал перевод семи вен и три месяца работы. Копию мне не дали.

— Выпили предложенное пиво?

— Да.

— После чего память прервалась. Возможно, вы покинули Ровель добровольно и забыли последующие события из-за лекарства или болезни.

Эрена резко подняла голову.

— Он очнулся связанным.

— Я спрашиваю свидетеля.

— А я сообщаю медицинский факт.

Нарел коснулся повязки на запястье.

— Ремни меняли много раз. Если я сам попросил связать, найдите мою подпись и на это.

Ковен вынул ещё один лист.

— Здесь есть согласие на меры безопасности при перевозке.

— Моей подписью с той же кляксой?

Лисса не удержала короткого взгляда на Элю. Нарел учился видеть бумажные ловушки быстрее, чем тело заживало.

— Перенесённой законно, — сказал Ковен. — Вы признали исходное соглашение.

— Я признал семь вен. Вы всякий раз кладёте рядом новую строку и говорите, что она тоже моя.

Свет вспыхнул у него на шее.

Эрена проверила трубку. Эля почувствовала три импульса под собственной грудиной: короткий, длинный, короткий.

Ковен заметил сияние.

— Ваша память повреждена магическим состоянием?

— Моя память повреждена людьми, которые спрашивали, согласен ли я, пока мой голос не отвечал раньше меня.

— Это утверждение требует экспертизы.

— Тогда спросите фразу.

— Нарел, — предупредила Эрена.

Он повернулся к ней.

— Если не скажу здесь, он увезёт меня туда, где снова будут спрашивать без свидетелей.

Ковен положил ладонь на книгу.

— Я не имею отношения к описанной комнате.

— Вы имеете бумагу, которая должна вернуть меня тем же людям.

— Конторе. Не неизвестным людям.

— В книге склада это было одно и то же.

Старший писец поднял колотушку.

— Свидетель сам решает, продолжать ли.

Нарел попросил всех отойти из-за его головы. Как в лечебнице, люди переставили скамьи, открыли руки, оставили дверь в поле зрения. Ковен наблюдал за этим без насмешки. Возможно, видел испуганного человека. Возможно, оценивал сцену как выгодное представление защиты. Его лицо ничего не отдало.

— Записывать после конца, — сказал Нарел.

Овер и Лисса положили перья.

Нарел закрыл глаза.

— Я принимаю Свет по своей воле. Я согласен хранить дар. Я прошу продолжить, пока сосуд не станет полным.

Три импульса прошли по телу. На первом золотой свет собрался у грудины. На втором растёкся к рукам. На третьем трубка под ребром задрожала и кожа начала сжиматься вокруг металла.

Эрена нанесла свежую горькую пасту. Эля не открывала свой канал. Положила ладонь на край койки — ту же деревянную границу, которая помогла утром.

— Нарел, смотри на меня.

Он открыл глаза. Зрачки сузились.

— Я согласен, — произнёс он ровным чужим голосом.

— Нет. Скажи, что выбираешь сейчас.

— Я согласен.

— Не фразу. Что ты видишь?

Его пальцы вцепились в простыню.

— Двор.

— Ещё.

— Верёвку. Твой нож. Девочку у стола.

Лисса не двигалась.

— Что выбираешь?

Нарел судорожно вдохнул.

— Остаться.

Ритм сломался. Свет не исчез, но перестал нарастать.

Эрена заменила пасту и кивнула: опасность миновала.

Овер начал писать только после того, как Нарел сам сказал: «Теперь». Лисса повторила каждую строку отдельно. Смотрительница Вейдора отметила время импульсов, Эрена — реакцию тела. Ковен получил возможность продиктовать собственное возражение: всплеск доказывает магическое воздействие, но не личность воздействовавшего.

— Верно, — сказала Эля.

Он ожидал спора и на мгновение потерял следующую фразу.

— Поэтому мы не обвиняем вас в белой комнате, — продолжила она. — Мы доказываем, что ваш документ возвращает пострадавшего в цепь, которая уже один раз провела его через неё.

— Контора готова обеспечить независимого лекаря.

— Где?

— В Ровеле.

— Через те же две двери?

Ковен промолчал.

Нарел устал. Эрена положила ладонь ему на плечо, и он откинулся на подушки.

— Последний вопрос, — сказал агент. — Вы отказываетесь исполнять признанный долг?

— Нет. Я отказываюсь быть вашим имуществом. Семь венцов заплачу работой, если суд разделит долг от людей, которые меня украли.

— Контора вправе выбирать форму исполнения.

— Тогда контора и есть проблема.

Старший писец объявил перерыв.

Нарела вернули в лечебницу через боковые ворота. Харен отправил с ним четырёх стражников, двоих городских и двоих из гарнизона Кремнёвой Заставы, чтобы Ковен не мог назвать охрану личной дружиной Эли. Эрена ушла рядом с койкой. Лисса осталась у стола и продолжала нумеровать листы.

Ковен не убрал документы. Сел под своим навесом и попросил горячую воду. Один из гвардейцев заварил ему травы в металлической кружке. Восемь вооружённых людей не разговаривали с толпой, не трогали оружие и не давали Серому Броду удобной причины их ненавидеть.

— Он заранее знал, что слушание может затянуться, — сказал Аскар.

— Поэтому привёз стол.

— Я начинаю уважать стол.

— Не увлекайся.

Чувство направления у него ещё возвращалось. Во дворе он различал ворота и север, но держался рядом с Элей, когда люди расходились между скамьями. Верёвку они сняли, привычка осталась.

Решение готовили старший писец, начальник стражи, податной смотритель и два выборных мера. Это не был суд Морвея. Серая Марка не имела права отменить долговой договор другого государства. Зато имела право защищать свидетеля преступления на своей земле и приостанавливать передачу имущества, если спор касался самого статуса человека.

Ковен строил угрозу шире Нарела.

— Если каждый город начнёт замораживать внешний долг после жалобы должника, договоры перестанут пересекать границы, — сказал он. — Купцы поднимут цену, сезонных работников не станут нанимать, а Серый Брод получит славу убежища для беглецов.

— Если каждый подлинный воск сможет прикрыть заранее оформленное похищение, — ответил старший писец, — Серая Марка получит славу места, где людей принимают по накладной. Нам обе славы не подходят.

— Вы подменяете спор о взыскании обвинением в торговле людьми.

— Нет. Мы отказываемся разделять их до проверки, потому что ваши же документы соединили Нарела, Сухой Канал и специализированного перевозчика.

Ковен потребовал хотя бы закрытого содержания. Податной смотритель поддержал его частично: Нарел не должен покидать город до экспертизы. Эля возразила против камеры, но не против уведомления о перемещениях. Окончательная формула родилась из неприятного компромисса.

— Закрытое содержание не обязательно означает тюрьму, — сказал Ковен. — Подойдёт отдельная палата с двумя замками. Один ключ у города, второй у моей охраны.

— Нет, — ответил Нарел с койки.

Агент повернулся к нему.

— Это мера сохранности, не наказание.

— В белой комнате тоже говорили, что дверь закрывают ради сохранности.

Эрена предъявила медицинскую запись. После каждого ощущения запертой двери у Нарела учащался пульс и усиливался внешний поток. Камера не только ограничивала свободу — могла убить его тем самым состоянием, которое контора требовала сохранить.

— Тогда нейтральный храм, — предложил Ковен. — Под охраной служителей Лиарис.

— Какого дома? — спросила Эля.

— Любого признанного.

— Флакон рядом с Нарелом имеет храмовый формат номера, а источник Света неизвестен. Пока это не нейтральное место.

Ковен отметил новую деталь, но не стал спрашивать о флаконе при толпе.

Аскар разложил на столе план лечебницы. Две двери, три окна, открытый двор. Предложил сменную охрану из городской стражи, Кремнёвой Заставы и одного наблюдателя Ковена снаружи. Ни одна группа не контролировала все выходы. Нарел мог видеть дверь и сам выбирать, кто входит.

— Вы превращаете лечебницу в крепость, — сказал податной смотритель.

— Крепости редко имеют три окна на уровне земли, — ответил Аскар. — Именно поэтому она подходит.

— Свидетель может сбежать.

— Он едва ходит.

— А когда сможет?

— Тогда спросите его, куда он хочет идти.

Эля увидела, как Ковен посмотрел на Аскара. Не как на любовника вооружённой полукровки или случайного проводника. Как на человека, который строит систему проходов точнее его собственного конвоя.

Временное правило записали отдельно: Нарел уведомляет меру о выходе за стены лечебницы, но не просит разрешения перемещаться внутри города. Охрана защищает его от вывоза и не получает права связывать. Любая медицинская процедура требует согласия Нарела и подписи независимого свидетеля.

— А долг? — спросил выборный мер.

— Заморозить, — сказала Лисса. — Иначе за каждый день слушания ему начислят содержание, стражу и проценты, а потом объявят, что защита сделала его долг вечным.

Податной смотритель проверил зелёную книгу и нашёл такую возможность при споре о личности должника. Ковен возразил: личность Нарела никто не оспаривает.

— Мы оспариваем превращение этой личности в имущество, — ответил старший писец. Эта формула вошла в решение.

Колотушка ударила по доске на исходе дня.

— Мера Серого Брода признаёт Нарела Эста свободным человеком под защитой города и ключевым свидетелем дел об убийстве Тарена Восса, незаконной перевозке и сокрытии людей, — зачитал старший писец. — Долговое обязательство в семь вен не отменяется, но исполнение и начисление расходов замораживаются до независимой проверки оригиналов. Передача Конторе Второй Доли запрещена. Нарел обязуется не покидать стены без уведомления меры и имеет право на открытое лечение, выбор защитника и отказ от показаний.

Толпа не сразу поняла, победа ли это.

Нарела не отдавали. Но долг оставался. Контора могла обжаловать. Четырнадцать людей со склада всё ещё ехали неизвестно куда. Тарен оставался мёртв.

Ковен понял раньше остальных.

— Я подаю межгосударственное возражение и требую копию каждого основания, — сказал он.

— Получите.

— Моя охрана останется у южной стены до ответа Ровеля.

— Без права входить в лечебницу.

— Принимаю.

Он поставил знак под решением, не соглашаясь с ним, а подтверждая получение. Потом подошёл к Эле.

— Вы сохранили человека сегодня, — сказал Ковен тихо. — Но если оригиналы подтвердят договор, город не удержит его вечно.

— Тогда найдём оригиналы.

— В Морвее.

— Дороги туда существуют.

Аскар рядом коротко выдохнул, почти смехом.

Ковен посмотрел на него.

— И не все принадлежат вам.

— Достаточно одной, — ответил Аскар.

Агент вернулся к столу. Разобрал ножки сам, аккуратно уложил печати в ящики и ушёл со двора в сопровождении своих людей. Стол унесли последним.

Толпа не разошлась следом.

Первым к Оверу подошёл грузчик с договором на зимнюю работу. Потом женщина с распиской покойного мужа. Старый возчик принёс три листа, где один и тот же штраф назывался дорожным, страховым и чрезвычайным сбором. Люди не требовали отменить все долги. Просили проверить, не размножилась ли их подпись без них.

Старший писец открыл отдельную книгу обращений.

— Только сравнение, — предупредил он. — Решение Нарела не освобождает остальных автоматически.

— Нам и не нужно автоматически, — сказала женщина. — Прочитайте сначала.

На первом договоре подписи оказались разными, начисления — законными и неприятными. Овер объяснил это владельцу. Тот выругался, но забрал бумагу без обвинения в заговоре. Второй договор содержал перенесённый отпечаток. Его оставили для проверки.

Эля увидела, как решение меняет город не чудом, а очередью. В ней будут настоящие долги, ошибки, жадность и, возможно, новые похищения. Проверять придётся каждый отдельно. Именно медленность делала результат труднее уничтожить одной красивой ложью.

Лисса смотрела вслед.

— Он не злой.

— Нет, — сказала Эля.

— Так хуже.

— Иногда.

Ковен не получал удовольствия от клеток. Он просто верил, что система переживёт любой испорченный элемент, если вовремя отделить его от остальных. Возможно, именно такие люди делали её долговечнее тех, кто бил пленников.

Копию решения отнесли Нарелу сразу.

Он прочитал медленно, ведя пальцем по строкам. На словах «свободный человек» остановился. Потом дочитал до семи венов, ограничения на выход за стены и права конторы на обжалование.

— Значит, свободен до следующей бумаги, — сказал он.

— Свободен, пока следующая бумага не выдержит такую же проверку, — ответила Лисса.

— Это не одно и то же.

— Нет. Но теперь проверка обязательна.

Эрена положила перед ним перо. Нарел должен был подтвердить, что услышал условия и согласен уведомлять меру о выходе из города. Он долго смотрел на пустую строку.

— Можно отказаться? — спросил он.

— Можно, — сказал старший писец. — Тогда ограничение не вступит в силу, но Ковен потребует камеру до обжалования. Мы будем спорить снова.

Нарел кивнул. Не потому, что выбор стал справедливым, а потому что ему хотя бы назвали цену каждого варианта.

— Пишите слова сами, — попросил он. — Я не хочу подписывать готовую фразу.

Овер передал ему чистый лист.

Нарел написал: «Я остаюсь в Сером Броде по собственному решению и сообщу мере, если решу покинуть стены». Почерк дрожал, последняя буква имени ушла вниз. Эта подпись не была похожа на пять идеальных копий в долговом деле.

Лисса положила их рядом и обвела различия, но не превратила момент в проверку без разрешения.

— Можно добавить к доказательствам? — спросила она.

Нарел перечитал собственную строку.

— Эту можно.

Эля смотрела, как три человека ставят свидетельские знаки вокруг его подписи, не поверх неё. Закон не стал добрым. Просто впервые за долгое время записал волю Нарела после того, как спросил её.

— Семь венов я верну, — сказал он. — Красильне, если она докажет остаток. Не Второй Доле.

— Это будет отдельное слушание, — предупредил старший писец.

— Хорошо.

— Оно может длиться месяцами.

— После белой комнаты месяцы звучат терпимо.

Эрена велела всем уйти и дала Нарелу снотворное. На этот раз он спросил состав, дозу и кто останется рядом. Лекарь ответила на каждый вопрос прежде, чем поднести чашку.

В коридоре Аскар прислонился к стене.

— Ты шесть раз коснулась рукояти, — сказал он.

— Считал?

— Мне нужно было чем-то занять руки.

— А ты четыре раза проверил заднюю дверь.

— Три.

— Четыре. Один раз, когда Ковен предложил камеру.

Он посмотрел на закрытую палату.

— Я мог вывести Нарела через окно и старый водосток.

— С твоим чувством направления?

— До водостока дорогу вижу глазами.

— А дальше нас ждали бы восемь гвардейцев, Ровельский приказ и объявление, что мы украли должника.

— Знаю.

Именно поэтому он остался у стены, а она держала руки на столе. Не потому, что мечи перестали работать. Они работали слишком хорошо и давали противнику именно ту историю, которая ему требовалась.

— Ненавижу, когда правильное решение выглядит как бездействие, — сказала Эля.

— Мы захватили склад, удержали свидетеля и заставили агента увезти стол обратно.

— Стол особенно пострадал.

— Ему придётся пережить обжалование.

Эля усмехнулась. Усталость отозвалась болью в ладонях.

Аскар протянул руку, но остановился до прикосновения к повязке.

— Свет?

— Не использовала.

— Я заметил.

— Звучишь удивлённо.

— Гордо. Это хуже скрывается.

Она переплела пальцы с его рукой сама. На несколько шагов по коридору, пока никто не смотрел. У выхода отпустила, но Аскар успел большим пальцем провести по её костяшкам.

— Дом там? — спросил он, кивнув налево.

— Нет. Там морг.

— Я проверял тебя.

— Конечно.

Эля развернула его направо, к мере. Отдых мог подождать ещё одну сверку. Теперь у них была не только причина не отдавать Нарела, но и документы человека, который рассчитывал его тело заранее.

После слушания двор опустел, а работа началась заново.

Овер распределял копии решения. Харен сверял имущество склада со списком пропавших. Лисса забрала приложения к долговому делу в каменную весовую и посадила Элю за соседний стол.

— Вам нужно сравнивать номера.

— Почему мне?

— Потому что у меня двоятся буквы.

Только теперь Эля заметила тёмные круги под её глазами.

— Иди домой.

— После одной страницы.

— Сейчас.

— Тогда вы пропустите важное.

— А ты пропустишь кровать.

Лисса сложила руки. Аскар, стоявший в дверях, не вмешивался с видом человека, который слишком дорожит жизнью.

Компромисс оказался знакомым: Лисса читает один столбец, Эля второй, затем девочка уходит и доверяет продолжение. На этот раз она спорила меньше минуты.

В приложениях перечислялись расходы на Нарела: приобретение долга, дорожная оценка, клеймение, питание, две пороговые проводки, медицинская подготовка и возврат. Последняя строка была зачёркнута после исчезновения телеги.

— Что такое «медицинская подготовка»? — спросила Эля.

Овер заглянул через плечо.

— По закону — осмотр перед тяжёлой службой, прививки от болотной лихорадки, обработка старых ран. Здесь сумма слишком большая.

Рядом стоял номер партии: `ЛЖ-74-18`.

Эля переписала его отдельно.

Харен принёс из вещевой комнаты новый опечатанный мешок.

— С повозки Тарена. Кузнецы сняли двойное дно целиком и нашли под поперечной планкой. Видимо, выпало из тайника при ударе.

Внутри лежал маленький стеклянный флакон, завёрнутый в промасленную ткань. Пробка была сломана, содержимое вытекло, но на дне сохранился золотистый налёт. На стекле ничего не было, кроме почти стёртого ряда знаков.

Лисса протёрла бок сухой тканью. Под маслом проступили буквы и цифры.

`ЛЖ-74-18`.

Номер из долгового приложения совпал с флаконом, спрятанным рядом с человеком, которого документы называли возвратным имуществом.

Овер проверил мешок. Пломбу поставили Харен, кузнец и податной смотритель ещё до вскрытия. В журнале осмотра значилось точное место: полость между поперечной планкой и стенкой тайника, недоступная после загрузки мешков. Подбросить флакон в мере без повреждения трёх печатей было нельзя.

— Номер мог обозначать сам осмотр, — сказал Овер. — Не лекарство.

— Тогда почему он на стекле? — спросила Лисса.

— Потому что я обязан предложить скучное объяснение раньше страшного.

— Предложили. Не подходит.

Эля повернула флакон к лампе. Золотистый налёт на дне собрался в тонкие прожилки. Нить под грудиной едва заметно потянулась к нему, но она не открыла канал.

— Не трогать магией, — сказала она.

— Я не собиралась, — ответила Лисса.

— Это я себе.

Овер нашёл в справочнике форму номера. Первые две буквы обозначали изготовителя или храмовую лечебницу, следующие цифры — годовую партию и сосуд внутри неё. Городская мера хранила списки только местных поставщиков. Для расшифровки требовались храмовые реестры благотворительных грузов.

— Запросим все лечебницы Серого Брода, — сказал он.

— И склады Сухого Канала, — добавила Эля. — Если партия законная, где-то есть накладная на получение.

— А если украденная?

— Тогда будет запись о пропаже.

Лисса переписала номер на три отдельные дощечки. Одну прикрепила к приложению Ковена, вторую — к мешку с флаконом, третью положила в книгу расследования. Только после этого позволила Эле отправить её домой.

У двери она обернулась.

— Мы сегодня выиграли?

Эля посмотрела на стол. Решение защищало Нарела. Договор оставался действующим. Агент готовил обжалование. Флакон впервые связывал юридическую цену человека с тем, что в него вливали.

— Сегодня его не отдали, — сказала она. — Этого достаточно для одного дня.

Лисса кивнула и ушла.

Флакон заперли в стеклянном ящике, чтобы никто не касался налёта. Ключи разделили: один у Эрены, второй у старшего писца. Харен поставил ночную охрану не возле самой улики,

а у трёх выходов из весовой. После архива все научились, что защищать нужно не только вещь, но и путь к ней.

Овер отправил запросы разными гонцами. Один пошёл по городским лечебницам, второй к храмовым складам, третий в Ровель за полным реестром партии. Ни один не нёс сведений о том, где хранят флакон.

К утру ответы должны были назвать хотя бы владельца буквенного клейма. Если все три расходились, расхождение само становилось следом, как две пломбы на первой телеге.

Номер уже не был случайностью.

На стекле под лампой оставался номер. Законный документ назвал не только стоимость Нарела, но и средство, которым его готовили к перевозке. Теперь нужно было найти того, кто выпустил партию `ЛЖ-74-18`.

Глава 9. Дар Сольвейнов

Первый ответ пришёл не из храма.

Хозяйка красильной лавки узнала буквы `ЛЖ` и отправила ученика в меру с пустой коробкой. На крышке стоял тот же код, а под ним — Элирийская печать раскрытой ветви над солнечным кругом.

— «Лиарис. Жизненная линия», — прочитал Овер. — Серия укрепляющих составов.

— Чья ветвь? — спросила Эля.

— Дома Сольвейн.

Лисса уже развернула справочник поставщиков. В Сером Броде числились три получателя: городская лечебница, храмовый приют у южной стены и красильная артель, где состав использовали после отравления парами. Все партии проходили как благотворительность. Получатель платил только за стекло и перевозку.

Ответ из храмового склада подтвердил номер. Партия семьдесят четыре вышла из Сольвейнских лечебных домов шесть месяцев назад. Восемнадцатый флакон должен был находиться в городской лечебнице Серого Брода.

Эрена прочитала запись дважды.

— У меня нет такого номера.

— Потеряли? — спросил Овер.

— Я теряю терпение. Флаконы — редко.

Она повела их в холодную кладовую под лечебницей. На полках стояли десятки пузырьков, коробки трав, перевязочный лён и три закрытых ящика с печатями Сольвейнов. Эрена позвала двух помощниц и городского счетовода. Проверку проводили при всех.

Партия семьдесят четыре оказалась здесь.

Ящик открывали семь месяцев назад. В журнале значились двадцать четыре флакона. Двенадцать использовали во время зимней горячки, четыре — после обвала на северной стене, три — роженицам с потерей крови. Один разбили при перевозке. Четыре оставались на полке.

Номера: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать и девятнадцать.

Восемнадцатого не было.

— Значит, украли отсюда, — сказал Харен.

Эрена проверила журнал выдачи.

Напротив восемнадцатого стояла её подпись. Указание: «Наружный ожог, мальчик, восемь лет». Дата — пять месяцев назад.

— Я не подписывала.

— Почерк похож, — сказала Лисса.

— Потому что человек видел мой почерк. Я не называю пациентов только возрастом.

Имя нужно хотя бы для того, чтобы не дать одному ребёнку две дозы.

Счетовод побледнел.

— В тот день вы были в Ильмаре на родах.

Эрена повернулась к нему.

— Откуда знаешь?

— Я оплачивал вашу повозку.

В журнале расходов нашлась запись. Независимое подтверждение отсутствия. Кто-то взял флакон из законного ящика, скопировал подпись и выбрал случай, который трудно проверить: ребёнка без имени.

— Тогда рабочая версия проста, — сказал Харен. — Благотворительный груз украли и продали Сухому Каналу.

— Не весь груз, — поправила Эля. — Один флакон.

— Который потом включили в долговое дело как законный расход.

— Значит, у них есть человек внутри лечебницы или склада.

Эрена закрыла журнал.

— Был. После сегодняшней проверки вряд ли вернётся тем же путём.

Они опечатали четыре оставшихся флакона и сравнили стекло. Форма совпала: узкое горло, плоское дно, три едва заметных ребра по бокам. На очищенном флаконе из телеги под масляной плёнкой проступила Сольвейнская ветвь.

Печать была подлинной.

Это не доказывало, что Дом Сольвейн приказал наполнить Нарела Светом. Доказывало лишь, что настоящая благотворительная поставка вошла в преступную цепь, а преступная цепь умела оформить её как лечение.

— Хочу увидеть, что делает состав правильно, — сказала Эля.

Эрена повела их в общую палату.

Там лежали люди, которых Сольвейнские флаконы действительно спасли.

У окна сидел Гален, грузчик с рассечённой рукой из первого дня Эли в городе. Повязка исчезла, осталась розовая линия от локтя к запястью. Пальцы сгибались медленно, но все пять слушались.

— Вернулась проверить, не отвалилась ли? — спросил он.

— Пока держится.

— Эрена говорит, потому что она хорошо зашила. Мать говорит, потому что Свет решил простить мне работу с канатами.

— А ты?

— Потому что теперь режу крепления ножом, а не плечом.

Сольвейнский состав ему дали не для сращивания раны. Через три дня началось воспаление, рука распухла, жар поднялся до опасного. Одна капля помогла телу принять очищение и не разрушила работу обычной иглы.

На соседней койке женщина восстанавливалась после зимней горячки. Ей флакон не вернул здоровье мгновенно: дал один спокойный сон, во время которого сердце перестало сбиваться. В дальнем углу ребёнок учился заново вставать после обвала стены. Свет укрепил сросшуюся кость, но ходить за него не мог.

— Они присылают двадцать четыре флакона в год, — сказала Эрена. — Иногда меньше. Не спрашивают, Элириец пациент, Ноктар или человек. Не требуют молитвы и не ставят свою ветвь на лоб. Поэтому, если ты собираешься обвинять Сольвейнов, приготовь больше, чем украденный пузырёк.

— Я не обвиняю дом.

— Пока.

— Пока обвиняю того, кто вынес восемнадцатый и вписал в дело Нарела.

Эрена кивнула. Это был ответ, который она хотела услышать.

Гален поднял руку.

— Если вам нужен свидетель, состав настоящий. Без него мне бы разрезали рану снова.

— Запишем, — сказала Лисса.

— Только не пиши, что я плакал.

— Вы ругались.

— Значит, именно так и пиши.

— Дважды теряли сознание.

— Девочка, у тебя нет уважения к выздоровевшим.

— Есть. Поэтому факты останутся.

Гален посмотрел на Элю.

— Она страшнее тебя.

— Я знаю.

Лисса удовлетворённо открыла дощечку.

К лечебнице приехала местная распорядительница Сольвейнских поставок. Сестра Тэрина носила бело-зелёный плащ без знака жреческого ранга и управляла не магией, а ящиками, сроками и тремя постоянно недовольными возчиками.

Увидев опечатанный флакон, она не попросила вернуть имущество дома.

— Оставьте под городской печатью, — сказала она. — Мне нужна копия номера и протокола вскрытия. Если стекло наше, я подам заявление о краже от имени склада.

— Без приказа из Элирии? — спросил Харен.

— Мой приказ — сохранять пожертвования до пациента. Здесь не сохранили.

Она принесла собственные книги. Партия семьдесят четыре вышла из родового владения Сольвейнов с двадцатью четырьмя сосудами, прошла Элариан, Ивенар и Кремнёвую Заставу. На каждом пункте вес совпадал. Ящик доставили в Серый Брод целым, сургуч не меняли.

— Значит, украли после доставки, — сказала Лисса.

— Или заменили стекло так, что вес остался прежним, — ответила Тэрина. — Но тогда в ящике должен быть другой сосуд.

Они проверили четыре оставшихся и записи о девятнадцати использованных. Каждый номер имел пациента или разбитое стекло. Только восемнадцатый существовал в журнале без человека.

Ключ от кладовой имели Эрена, две помощницы и городской счетовод. Пятый хранился в запечатанном ящике меры на случай пожара. Пломбу запасного ключа нашли целой. Тэрина не стала называть троих оставшихся ворами.

— Ключ можно снять с пояса на время сна, — сказала она. — Подпись — увидеть в книге. Дату отсутствия Эрены — узнать у возчика. Это мог сделать человек, который приходил сюда раз в месяц, а не работал каждый день.

— Кто приходит раз в месяц? — спросила Эля.

— Счетоводы храмов, сборщики стекла, проверяющие склада, помощники меры, возчики дома. Слишком многие.

Список получился длиннее, чем удобное подозрение.

Тэрина повела их к южному приюту. Там Сольвейнские деньги оплачивали не только флаконы. В кухне варили похлёбку для тех, кто не мог купить лекарства; в саду выращивали водяной корень; две комнаты отдавали женщинам после тяжёлых родов. На стене висел отчёт о расходах, открытый любому грамотному посетителю.

— Дом получает что-то взамен? — спросила Лисса.

— Репутацию, — ответила Тэрина без притворства. — Голоса Элирийских храмов. Право говорить на Совете, что наши сады кормят пограничье. Благотворительность редко бывает без выгоды. Это не делает похлёбку менее съедобной.

У раздаточного окна пожилая женщина услышала имя Сольвейнов и вмешалась:

— Только не закрывайте поставки из-за одного украденного пузырька. В прошлом году светлая настойка спасла моего внука.

— Не закроем без основания, — сказала Эля.

— Все так говорят перед тем, как начинают спорить домами.

— У меня нет полномочий закрыть их поставки.

— Тогда хоть одна хорошая новость.

Женщина забрала миску и ушла.

Тэрина посмотрела на Элю внимательнее.

— Вы наследница Вейров?

— Не здесь.

— Здесь особенно. Если обвинение пойдёт от вашего имени, в Элирии услышат борьбу домов раньше, чем судьбу Нарела.

— Поэтому обвинения пока нет.

— Хорошо.

Тэрина не поблагодарила. Просто поставила знак под протоколом и обязалась передать центральный реестр партии в течение десяти дней. Слишком долго для текущей угрозы, но бумага создавала путь к источнику поставки.

— Рабочая версия? — спросила она перед уходом.

— Флакон украли после законной доставки и использовали как часть незаконной подготовки, — сказала Лисса.

— Запишите именно так. Не «Сольвейны наполнили человека».

— Уже записала.

Тэрина прочитала строку и поставила подпись рядом. Теперь версия о краже опиралась не на желание сохранить красивое имя дома, а на маршрут целого ящика, открытые книги лечебницы и сотрудничество местной распорядительницы.

Оставалось понять, как флакон вышел из кладовой.

Эрена носила ключ на шнуре под одеждой. Старшая помощница Нера держала свой в деревянном футляре у пояса. Младшая, Сив, оставляла связку в запёртом шкафчике во время ночных дежурств. Счетовод приносил ключ только в день месячной сверки.

Пять месяцев назад номер восемнадцать исчез между двумя проверками. В этот промежуток кладовую открывали одиннадцать раз. Девять подтверждались пациентами и расходами. Десятая — доставкой льна. Одиннадцатая значилась «возврат стекла».

— Пустые флаконы собирают для повторной плавки, — объяснила Тэрина. — Сольвейнское стекло дорогое. Сборщик считает осколки и целые сосуды, выдаёт расписку.

Расписки не было.

Сив вспомнила человека в бело-зелёном плаще, который пришёл до рассвета. Он показал деревянный жетон склада и сказал, что обычный сборщик заболел. Она открыла кладовую, потому что ящик для пустого стекла стоял внутри.

— Я не оставляла его одного, — сказала девушка. — Отвернулась только принести второй ящик.

— Сколько времени? — спросила Эля.

— Меньше минуты.

Достаточно, если человек знал номер и полку.

Обычный сборщик подтвердил, что в тот день действительно болел. Никого вместо себя не отправлял. Деревянные жетоны не имели личного номера и менялись раз в год. Старые не уничтожали, а складывали на Сольвейнском складе для отчёта.

— Значит, украсть можно было и жетон, — сказал Харен.

— Или взять прошлогодний, — ответила Тэрина. — На рассвете Сив не заметила бы цвет кромки.

Младшая помощница стояла белая, как стены кладовой.

— Япустила его.

— Тыпустила человека с формой и правильным знаком, — сказала Эрена. — Вина станет твоей, если сейчас начнёшь вспоминать удобное вместо точного.

Сив закрыла глаза. Сборщик был высокого роста, говорил на дорожной речи без заметного говора, носил перчатки, хотя утро было тёплым. На левой ноге сапог скрипел. Лица она почти не видела: капюшон отбрасывал тень.

Описание записали, не объявляя его портретом преступника. Высоких людей в перчатках хватало на несколько государств. Скрип сапога можно было проверить только вместе с другим свидетельством.

Кража перестала быть безликим исчезновением. Кто-то знал день болезни сборщика, устройство кладовой, номер нужного флакона и форму Сольвейнского жетона. Это всё ещё мог быть местный контрабандист. Но случайным покупателем на чёрном рынке он не был.

В маленькой процедурной Эрена поставила рядом два флакона: запечатанный номер семнадцать и пустой восемнадцать из телеги. Вскрывать целый сосуд ради любопытства она отказалась. В журнале оставалась капля, сохранённая после лечения Галена на стеклянной пластине. Сухой золотистый след растворили в двух ложках чистой воды.

— Коснись Нитью, — сказала она Эле. — Не бери ману. Только слушай.

Эля положила пальцы возле чашки. Доступ к Лиарис оставила закрытым. Сосредоточилась на остатке.

Свет в воде был слабым и ровным. Не толкал к ране, не искал пустоту. В нём чувствовалась завершённая форма: очистить, поддержать, остановиться. Чья-то умелая воля уже придала мане направление и запечатала его в составе.

— Как один узкий шов, — сказала Эля.

— Только мастер удержал форму после того, как отпустил флакон, — ответила Эрена. — Поэтому препарат дорогой.

Она соскоблила крупицу налёта из найденного пузырька в другую чашку.

Вода засветилась тремя толчками.

Короткий. Длинный. Короткий.

Эля отдернула пальцы прежде, чем собственная Нить ответила.

— Родственный источник, — сказала Эрена. — Свет и Жизнь. Но форма сломана или заменена. Правильный состав содержит предел. Этот требует продолжения.

— Можно было изменить содержимое после кражи?

— Да. Добавить чужую ману, использовать флакон как меру, перелить другое средство. Печать доказывает происхождение стекла, не каждого действия с ним.

— Значит, Сольвейны всё ещё могут быть пострадавшими.

— Могут. Их имя удобно красть вместе с лекарством. Откроешь ящик с этой ветвью — люди меньше спрашивают.

Рабочая версия стала крепче: контрабандисты выносили благотворительные флаконы, использовали подлинные номера для медицинских расходов и продавали чужую Светлую ману под защитой уважения к дому.

Версия объясняла флакон. Не объясняла, откуда в Нареле поток, которого хватало на недели неправильного исцеления. Один лечебный сосуд не мог содержать столько силы.

— Если это только мера, — сказала Эля, — где источник?

— Не здесь, — ответила Эрена. — И не в этом флаконе.

Магического сравнения было недостаточно для суда. Эрена провела обычные пробы.

В чистый Сольвейнский состав добавили золу водяного корня. Раствор стал молочно-белым и через минуту снова прозрачным — признак правильно связанного укрепляющего средства. Налёт из найденного флакона сначала побелел, затем выпустил на поверхность серые хлопья.

— Примесь металла? — спросила Лисса.

— Возможно. Или кровь, высушенная вместе с солями. Нужен мастер стекла и алхимик.

Следующая проба была проще. Эрена капнула оба раствора на полоски сырой кожи. Чистый состав стянул порез ровно настолько, чтобы края коснулись. Через несколько вдохов действие прекратилось. Найденный заставил кожу сжаться в жёсткий узел и продолжал работать, пока Эрена не смыла его уксусом.

— Один и тот же замысел, — сказала Эля. — Но у второго нет остановки.

— И есть добавка, которой нет в партии, — ответила Эрена.

Овер записал результаты как ремесленное наблюдение, не называя серые хлопья металлом без эксперта. Тэрина поставила свидетельский знак и потребовала отдельную копию для Сольвейнского склада.

— Если кто-то изменяет наши лекарства, дом должен знать, — сказала она.

— Или человек внутри дома узнает, сколько мы поняли, — возразил Харен.

Тэрина не обиделась.

— Тогда отправьте копии в три разных лечебных дома. Один через меня, два без меня. Если исчезнет только мой, получите основание подозревать мой путь.

Предложение было неудобным именно своей разумностью. Его приняли.

Три копии описывали одно: подлинный флакон, настоящий базовый состав, чужую примесь и форму без предела. Ни одна пока не называла виновника.

Нарел лежал в задней палате. Когда Эля вошла, золотые линии под его кожей были почти невидимы. Он ел похлёбку сам и раздражался, что стражник считает ложки.

— Эрена велела следить за аппетитом, — оправдывался тот.

— Она велела записывать, сколько я съел. Не смотреть в рот.

Эля отпустила стражника на пять минут и села возле койки.

— Нашли флакон.

— Тот, который был в телеге?

— Настоящий Сольвейнский. Украден из этой лечебницы пять месяцев назад.

Нарел перестал есть.

— Значит, они здесь были?

— Кто-то был. Не знаем кто.

— А Сольвейны?

— Пока знаем, что их лекарство должно помогать. В твоём флаконе форму изменили.

— «Пока».

— Да.

Он принял неопределённость без благодарности. Для человека, которого подлинные бумаги едва не вернули в клетку, подлинная печать не была поводом доверять владельцу.

Эрена вошла с медной чашей и чистой иглой.

— У нас есть способ сравнить формы, — сказала она Нарелу. — Не лечить и не вытаскивать поток. Эля удержит малый свет у твоего запястья. Если чужая мана ответит, остановимся.

— Больно?

— Не должно.

— Ночью тоже не должно было.

— Поэтому решаешь ты.

Нарел посмотрел на Элю.

— Если скажу остановиться, ты сможешь?

Вопрос не был о навыке.

— Да.

— Сразу?

— Сразу.

Он протянул руку.

Эрена положила иглу поперёк его запястья, не прокалывая кожу. Задача Эли была той же, что утром: осветить только ушко. На этот раз она села удобно, выпила воды и дождалась, пока дыхание станет ровным.

«Лиарис».

Нить открылась. Золотая точка появилась внутри игольного ушка. Не вспыхнула, а собралась постепенно. Эля удержала её, когда подняла руку, затем перенесла над запястьем Нарела.

Свет остался ровным.

— Чистая форма, — сказала Эрена. — Есть начало, задача и предел.

Нарел смотрел на иглу. Под его кожей возник первый импульс.

Короткий.

Свет Эли дрогнул, но не изменился.

Длинный.

Чужой поток обошёл иглу, словно вода камень. Не столкнулся и не смешался. Просто продолжил свой ритм.

Короткий.

— Пока нормально, — сказал Нарел.

Эрена кивнула Эле.

— Попробуй расширить форму на толщину волоса. Не больше.

Эля представила тонкую линию вдоль иглы. Золотой свет вытянулся от ушка к острию. Рука не дрожала.

Впервые магия получилась не потому, что рядом кто-то умирал. Маленькая, бесполезная для боя, зато выбранная от начала до конца.

Аскар стоял у двери. Увидев её взгляд, поднял три пальца: третий удачный вдох. Или третья попытка. Эля не стала уточнять.

— Теперь коснись потока краем, — сказала Эрена.

— Ты говорила не вытаскивать.

— Коснуться и очистить — разные действия.

Эля опустила линию ближе к коже Нарела. Чужая мана почувствовалась холоднее, чем её собственная, хотя обе светились одинаковым золотом. Не другой бог. Другая воля.

Она коснулась.

Ритм вошёл в её форму.

Короткий импульс пробежал по игле. Длинный поднялся к пальцам. На третьем Эля попыталась удержать собственную границу, но золотая линия сложилась в знакомые три части.

— Стой, — сказал Нарел.

Эля закрыла канал.

Свет погас сразу. Игла упала в чашу.

Нарел выдохнул. Чужой поток продолжил движение под кожей, не усилившись.

— Смогла, — сказал он.

Не «не получилось». Смогла остановиться.

Эрена проверила пульс и записала время.

— Чистая мана Эли не вытесняет чужую только потому, что приходит от той же богини.

Поток уже имеет форму и пытается навязать её всему, чего касается.

— Можно сделать форму сильнее? — спросила Эля.

— Можно. Тогда две силы начнут спорить внутри Нарела.

— Не надо, — сказал он.

— Не будем.

Эля снова почувствовала раздражение от собственной малой Нити. Если бы её канал был Руслom или Потокom, возможно, она смогла бы окружить чужую ману, удержать, вытянуть. Но тело Нарела не было чашкой для соревнования ступеней.

— Что тогда делать? — спросила она.

— Найти место, где поток получает приказ, — сказала Эрена. — Или человека, чья форма запечатана в нём. Здесь мы видим только конец действия.

Нарел убрал руку под одеяло.

— Белая комната.

— Возможно.

— Вы всё время говорите «возможно».

— Потому что люди, уверенные без доказательств, уже однажды решили за тебя, — ответила Эля.

Он помолчал и кивнул.

Малый свет не очистил его. Зато разделил две вещи, которые со стороны выглядели одинаково: помощь и приказ.

К вечеру дом снова стал слишком маленьким для молчания.

Лисса принесла ответы из двух лечебниц, поела похлёбки и ушла ночевать к тётке у южной стены. Аскар проверил засов, закрыл ставни и поставил на стол схему Серого Брода.

— Нарела нужно вывезти, — сказал он.

Эля продолжила чистить нож.

— Нет.

— Ты даже не спросила куда.

— Потому что он только что добился права остаться.

— Добился права не быть отданным Ковену. Это не делает лечебницу безопасной.

Аскар отметил на схеме три места углём: северные ворота, Сухой Канал и городской склад лекарств.

— Человек внутри меры сжёт архив. Человек внутри лечебницы вынес флакон. Кто-то сообщил в Ровель полное имя Нарела до официального запроса. Публичная защита не закрывает окна.

— Зато тайная перевозка даст Конторе Второй Доли именно то, что она хочет. Мы нарушим решение, исчезнем со свидетелем и превратим все показания в слова людей, которые его похитили.

— Я не предлагаю связать его и спрятать под солью.

— Предлагаешь решить за него, что город слишком опасен.

Аскар отодвинул схему.

— Я предлагаю спросить.

Эля перестала двигать точильный камень.

Она услышала собственную ошибку. Спорила не с предложением Аскара, а с тем, во что боялась его превратить.

— Куда? — спросила она.

— Кремнёвая Застава. Каменные комнаты, смешанный гарнизон, одна дорога для тяжёлой повозки. Овер знает начальника. Эрена может ехать с ним.

— Застава стоит на пути, который сеть уже использовала.

— Поэтому там проверяют каждую телегу после наших находок.

— И там подделали подпись Овера.

— В Сером Броде подделали подпись Эрены.

Оба замолчали.

На плите потрескивало полено. Эля перевернула нож, проверяя кромку. Та была ровной. Разговор — нет.

— Ты хочешь уехать сам? — спросила она.

Аскар посмотрел на неё прямо.

— Я хочу, чтобы следующая стрела не прилетела в человека, которого мы оставили у окна ради красивой публичности.

— Это не красота. Если Нарел исчезнет, Салия Восс потеряет свидетеля, Лисса — решение, а Ковен получит право войти с гарнизоном.

— Публичность нужна делу. Жизнь Нарела нужна Нарелу.

— И ты решил, что я этого не понимаю?

— Я решил, что ты снова готова удерживать место, потому что отступление похоже на поражение.

Слова попали точнее, чем он, возможно, хотел.

Эля положила нож на стол.

— А ты снова готов уйти по первой скрытой дороге, потому что оставаться страшнее.

Лицо Аскара закрылось. Не гневом — привычкой прятать то, что получил удар.

— Возможно, — сказал он.

Это признание лишило Элю возможности продолжить нападение.

Он вырос в местах, где безопасность означала знать второй выход и уходить до того, как первый закроют. Эля выросла среди домов, клятв и границ, которые нужно удерживать даже тогда, когда стены уже горят. Оба навыка спасали. Оба могли стать ловушкой.

— Мы спросим Нарела утром, — сказала она. — Не предложим один правильный ответ. Объясним, что даёт город и что даёт застава.

— И если выберет уехать?

— Потребуем открытое изменение решения. С тремя копиями и свидетелями. Не ночью.

— За ночь многое может произойти.

— Поэтому усилим охрану сейчас.

Аскар потёр угольный след на карте.

— Два человека у двери не помогут против того, кто уже внутри.

— Тогда никто не остаётся один. Эрена выбирает помощниц. Еду приносят из двух кухонь. Лекарства вскрывают при Нареле. Окна закрывают сеткой, не ставнями, чтобы он видел улицу.

— Пути выхода?

— Ты проверишь. Не откроешь, только проверишь.

— Моё чувство направления ещё не вернулось полностью.

— Поэтому со смотрительницей Вейдора.

Он кивнул. Компромисс не сделал ни одного из них счастливым, но превратился в действия.

Эля потянулась за картой. Аскар не отпустил край.

— Я не хочу спорить с тобой о каждом человеке, которого мы пытаемся сохранить, — сказал он.

— Не будем, если ты перестанешь начинать с «вывезти».

— А ты перестанешь отвечать «нет» до конца фразы.

— Это сложнее.

— Я заметил.

Угол его рта дрогнул, но напряжение не исчезло. Эля обошла стол и встала между его коленями. Не для примирения телом вместо слов. Просто близко, чтобы следующий ответ нельзя было бросить через комнату.

— Я услышала, — сказала она.

— После того как ударила.

— Ты тоже.

— Да.

Она коснулась лбом его лба. Аскар положил руки ей на бедра, осторожно, не притягивая. Они постояли так несколько вдохов.

— Нарел решит, — повторила Эля.

— Нарел решит.

Поцелуя не было. Сейчас он превратил бы согласие в способ закончить неприятный разговор. А разговор должен был остаться законченным словами.

Они разложили дежурства на обороте карты. Две кухни, три группы охраны, четыре ключа, ни одного человека с доступом ко всему. К полуночи схема стала достаточно сложной, чтобы раздражать и Ковена, и поджигателя.

В дверь постучали.

На крыльце стояла Весса. Плащ забрызган грязью до плеч, волосы выбились из-под шлема. За ней ждал молодой дозорный с перевязанной ладонью.

— Северная застава прислала срочное, — сказала она. — Вооружённые люди спрашивают Нарела по имени.

Эля впустила их и закрыла дверь.

Дозорного звали Лерс. Он служил на внешнем шлагбауме Кремнёвой Заставы. Перед закатом к нему подъехали двенадцать всадников без герба. Оружие хорошее, лошади сменные, плащи дорожные. Старший предъявил письмо от частного лечебного дома и потребовал пропустить «сопровождение пациента Нарела Эста» в Серый Брод.

— Какая печать? — спросила Эля.

Лерс положил на стол восковой слепок. Белый круг с чёрной точкой в центре. Не Сольвейнская ветвь, не знак Второй Доли и не государственная печать.

— Мы запросили номер у меры, — продолжил он. — Пока ждали ответ, один из них спросил, сохранилась ли рана под рёбрами и можно ли перевозить человека без трубки.

Эля почувствовала, как Аскар рядом перестал двигаться.

Состояние Нарела знали Эрена, её помощницы, люди в комнате при осмотре и те, кто создал рану. Официальный протокол с подробностями не покидал лечебницу.

— Что вы ответили?

— Что пациента с таким именем у нас не числится. Старший предложил две золотые марки. Я отказался. Тогда его человек прижал мою руку к столбу ножом.

Лерс показал повязку. Порез был неглубоким, точным. Не попытка убить — объяснение цены следующего отказа.

— Они вошли? — спросил Аскар.

— Нет. Начальник поднял решётку и вывел стрелков на стену. Всадники отошли к старому карьеру. Через час лагерь исчез. След разделился на три группы.

— Куда?

— Север, восток и обратно к водосбросу.

Ложные направления. Даже без дара Аскара схема была знакомой.

Весса развернула карту. На ней отметили место лагеря, шлагбаум и три следа.

— Они не спрашивали решение меры? — сказала Эля.

— Нет. Только имя, рану и сколько охраны у лечебницы.

— Значит, не люди Ковена, — сказал Аскар.

— Или хотят так выглядеть.

— Ковен знает, что силовой вывоз уничтожит его обжалование. Эти либо не подчиняются ему, либо работают на другую часть цепи.

Эля вспомнила флакон. Подлинное лекарство с чужой формой. Законный долг с чужим отпечатком. Теперь лечебное письмо без признанной печати и люди, знавшие медицинские подробности.

— Что именно сказал старший? — спросила она.

Лерс закрыл глаза, восстанавливая слова.

— «Нам нужен сосуд живым. Не вскрывайте снова». Потом его спутник поправил: «пациент». Они поспорили тихо. Я услышал первое.

Слово осталось в кухне.

Не должник. Не свидетель. Сосуд.

Аскар провёл углём круг вокруг лечебницы на карте.

— Они уже знают, где он. Вопрос на заставе мог быть проверкой реакции.

— Или хотят заставить нас перенести, — сказала Эля.

Их вечерний спор вернулся в другой форме. Оставить Нарела означало ждать удара в месте с тремя окнами и украденным ключом. Вывезти — выбрать дорогу, которую противник мог подготовить.

— Мы не решаем без него, — сказал Аскар.

— Знаю.

Эля взяла схему дежурств. Весса отправилась поднимать стражу. Лерсу велели остаться до записи показаний и показать порез Эрене. Харен должен был предупредить Ковена: если его люди не связаны с отрядом, агенту выгодно подтвердить это публично.

Предупреждать не пришлось. Ковен пришёл сам: дозор заставы отправил вторую копию сообщения к его лагерю у южной стены.

Он вошёл без стола и охраны, только в дорожном кафтане. Изучил восковой слепок, прочитал показание Лерса и попросил повторить точную фразу про рану.

— Это не мои люди, — сказал он.

— Удобно, — отозвался Харен.

Ковен не посмотрел на него.

— Мои полномочия требуют сохранить Нарела и доставить на экспертизу. Любая попытка вывоза после решения меры уничтожит обжалование. Любая рана создаст ответственность конторы.

— Они тоже хотят сохранить тело, — сказала Эля.

— Но назвали его сосудом. В долговой палате такого назначения нет.

— В книге Сухого Канала было «лёгкий лечебный».

Ковен впервые увидел связь между этой строкой и вооружённым отрядом не как аргумент слушания, а как угрозу собственной процедуре.

— Дайте мне копию слепка, — сказал он. — Имена моих восьми гвардейцев можете проверить по караульной книге. Никто не покидал лагерь после заката.

— Проверим.

— Двоих отправлю к лечебнице под командование города.

— Зачем?

— Если Нарела заберут неизвестные, я потеряю предмет спора и человека, чьё показание способно очистить или уничтожить моё дело.

Причина оставалась холодной, но проверяемой.

— Без ключей и права входа, — сказала Эля.

— Согласен.

Ковен поставил знак под собственным отрицанием связи с отрядом. Одна копия ушла в меру, другая осталась у него. Теперь, если выяснится обратное, агент потеряет не только доверие, но и лицензию.

Они вышли из дома вместе. На улицах Серого Брода горели обычные ночные фонари. У лечебницы стояли два стражника, как и час назад. В окне задней палаты двигалась тень помощницы Эрены — человеческая, занятая сменой воды.

Аскар проверил переулок и крышу. Эля — двери и лица.

Нарел не спал. Услышав отчёт, он не попросил спрятать его и не согласился уехать сразу.

— Какие у меня варианты? — спросил он.

Эля положила карту на одеяло.

— К утру будут настоящие. Сейчас мы усилим охрану и не изменим ничего без твоего решения.

Нарел прочитал три отметки расходящихся следов.

— Они назвали меня сосудом?

— Да.
Золотой импульс прошёл под его кожей, но не повторился.
— Тогда они вернутся, — сказал он.
— Поэтому утром выберем между лечебницей и Кремнёвой Заставой, — сказал Аскар.
— Есть ещё храмовый приют, но у него один выход и чужие склады.
Нарел посмотрел на Элю.
— Вы хотели оставить меня здесь?
— Я хотела сохранить публичную защиту. Аскар — вывести из места, где уже украли лекарство. Мы договорились сначала спросить тебя.
— Застава закрывается на ночь?
— Да.
Его пальцы сжались на карте.
— Тогда дверь моей комнаты остаётся открытой.
— Останется.
— Никакой закрытой повозки.
— Сделаем навес с открытыми боками, — сказал Аскар. — Защитит от стрел сверху, но ты будешь видеть дорогу.
— Эрена едет со мной.
— Если согласится.
Из соседней комнаты раздался голос лекаря:
— Я всё слышу и не согласна, пока не осмотрю его утром.
Нарел впервые за вечер почти улыбнулся.
— Значит, это условие уже записано.
Лиссы рядом не было, поэтому Эля сама взяла дощечку. Записала: открытая повозка; незапертая комната; Эрена или выбранный ею лекарь; остановка по требованию Нарела; никаких препаратов без названия и согласия; копия решения меры едет отдельно от оригинала.
— И оружие, — добавил Нарел.
— Тебе?
— Нож. Не для драки. Чтобы разрезать ремень, если кто-то снова решит, что знает лучше.
Эля вынула запасной нож из сапога и положила на одеяло в ножнах.
— Этот открывается одной рукой.
Нарел проверил застёжку и положил оружие рядом, не под подушку. Маленький выбор не превращал его в бойца. Просто оставлял способ отказаться, если слова перестанут работать.
Эрена вошла с чистой повязкой через плечо и перечнем на обороте старой расходной ведомости.
— Раз уж вы превратили мою палату в заседание, — сказала она, — впишите ещё одну вещь. Перед выездом я запечатаю лекарства сама. Один ящик, одна опись, две подписи. Если по дороге появится хоть один флакон сверх списка, повозка останавливается.
— И если лекарь скажет, что остановка опасна? — спросил Нарел.
Эрена не обиделась. Села у изножья и подумала прежде, чем ответить.
— Тогда он обязан объяснить почему так, чтобы понял ты, а не только другой лекарь. Если времени на объяснение действительно нет, рядом будут двое свидетелей. После они запишут, что сделали и зачем.
— Двое из ваших?
— Один от города. Второго выберешь сам из тех, кому доверяешь.
Нарел посмотрел на Аскара. Не вопросительно — скорее проверяя, выдержит ли тот вес уже данного обещания.
— Я могу ехать рядом, — сказал Аскар. — Но подпись поставит Лисса. Она ведёт списки лучше меня и заметит, если кто-нибудь поменяет бумагу.

— Ей тринадцать.

— Поэтому взрослые при ней особенно стараются выглядеть честными. Иногда даже получается.

У Нарела всё-таки дрогнули губы. Эля добавила к условиям имя Лиссы и отдельную строку для печати лекарственного ящика. Получался не идеальный заслон. Просто цепочка людей, каждый из которых мог заметить чужую руку до того, как она затянет ремень.

Аскар забрал карту с одеяла и отметил на ней два места, где дорога к заставе выходила из-под стен. Одно просматривалось с башни, другое проходило между старыми известковыми ямами.

— Поедем через башню, — сказал он. — Дольше на четверть часа, зато скрыться негде.

— Если следы у заставы были приманкой? — спросила Эля.

— Тогда им придётся выбрать: нападать там, где их считают, или потерять нас из виду.

Оба ответа что-нибудь скажут.

— Утром решу окончательно, — сказал он. — Не сейчас, пока они пытаются напугать меня выбором.

— Правильно, — ответил Аскар.

Эля поставила свой знак под условиями. Не как владелец и не как держатель. Как свидетель того, что решение ещё принадлежит Нарелу.

За северной стеной ударил тревожный колокол. Один раз — сбор дозора, не нападение.

Колокол требовал людей на стену.

Глава 10. Северная застава

Тревожный колокол умолк прежде, чем Эля успела застегнуть пояс.

Это оказалось хуже настоящего нападения. Нападение хотя бы оставляло врага перед глазами.

У северной стены кто-то поджёг пустую сенную клетку, дождался, пока дозор стянется к дыму, и перерезал верёвку на запасной калитке. В город не вошли. Из города тоже ничего не вынесли. Караульный нашёл только свежую царапину на засове и два следа сапог, нарочно вдавленных в грязь рядом с порогом.

Весса вернулась в лечебницу перед рассветом. От волос пахло гарью, на плаще лежала серая труха.

— Проверяли, сколько людей мы снимем с улиц, — сказала она. — Или сколько времени понадобится, чтобы поднять город.

— Узнали? — спросил Аскар.

— Узнали, что мы медленные и злые.

— Полезное знание.

Весса бросила на него взгляд.

— Ты не спал?

— Я лежал с закрытыми глазами и очень убедительно мешал Эле спать.

— Он храпел, — сказала Эля.

— Это была охрана слухом.

Нарел, слушавший их из-за открытой двери, тихо фыркнул. Вчера у него дрогнули только губы. Сегодня звук всё-таки получился, короткий и болезненный, будто смех приходилось возвращать через ту же рану, через которую в него влили Свет.

Эрена немедленно велела ему не тратить дыхание на глупости. Потом поставила перед Вессой кружку настоя и спросила, не видела ли та вооружённых людей у южных ворот. Так продолжалось до рассвета: город проверял замки, имена, чердаки и чужие сапоги, а в лечебнице готовили переезд, который ещё не был решён.

Нарел решил после осмотра.

Он сам сел, сам прочитал записанные ночью условия и потребовал добавить ещё одно: в Кремнёвой Заставе его не передают никакому прибывшему эксперту, пока тот не назовёт себя при свидетелях и не покажет два независимых полномочия.

— Вы собирались отправить меня дальше, — сказал он. — Значит, кто-то уже знает, куда.

— Эксперта ещё выбирают, — ответил Харен. — Застава нужна как защищённое место и как узел казённой связи. Оттуда письмо до Лейра уйдёт с военной почтой.

— Тогда я еду до заставы. Дальше решу снова.

Харен записал это слово в слово. Лисса, пришедшая с двумя караульными и мешком еды, перечитала запись, нашла пропущенную запятую и поставила рядом свой знак.

— Запятая защищает меня? — спросил Нарел.

— Нет. Но если вас украдут, они хотя бы украдут правильно составленный документ.

— Лисса.

— Что? Я стараюсь не обещать невозможного.

Она не выглядела ребёнком-талисманом, которого взрослые взяли с собой ради храбрости. Под её надзором опечатали лекарственный ящик, сверили имена восьми стражников и внесли в отдельную ведомость каждое оружие. Двоих людей Ковена Весса действительно приняла под городское командование. Они сдали агентские жетоны ей на хранение и получили серые перевязи дозора.

Ковен присутствовал при этом молча. Возразил только однажды, когда Лисса записала его людей как «прикреплённых без доверия».

— Без самостоятельных полномочий, — поправил он.

— Длиннее.

— Зато точнее.

Лисса вздохнула и переписала.

Открытую повозку собрали из низкого грузового возка. Над лежанкой укрепили плоский щит из двух дверей, снятых с пустого склада: он закрывал от стрел сверху и не мешал Нарелу видеть обе стороны дороги. Передний и задний борта убрали. Ремней не было вовсе. Вместо них Эрена велела натянуть широкую ткань поперёк лежанки так, чтобы Нарел мог сам сбросить её одной рукой.

Последним в ящик лёг накопитель.

На первый взгляд он был похож на небольшую стеклянную лампу без масла: толстая прозрачная колба, три медных ребра, глиняная пятка и узкое горло, запаянное мутным серебром. Внутри висела голубоватая капля, не касаясь стенок.

— Это тоже лекарство? — спросила Лисса.

— Нет, — ответила Эрена. — Это способ понять, когда лекарство пора выбросить.

Она поставила накопитель на стол рядом с чистым флаконом Сольвейнов. Голубая капля слегка вытянулась к стеклу.

— Бог открывает ману живому проводнику. Ремесленник не может посадить бога в банку, сколько бы ни взял за работу. Но он может сделать форму, которая удержит часть уже проведённой силы. Медь задаёт путь, стекло отделяет, глина принимает излишек. Серебряное горло не даёт заряду выйти сразу.

— А если сделать плохо? — спросил Нарел.

— Тогда получишь дорогой осколок и очень быстрый ожог.

Эрена не заряжала устройство. Она подвинула его к запечатанному лекарственному ящику, затем к груди Нарела. Голубая капля стала длиннее и качнулась в его сторону.

— Он чувствует ману? — спросила Эля.

— Не чувствует. Принимает то, что выходит наружу. Как сухая ткань принимает воду. Только воды в человеке много, а в этот сосуд входит совсем мало.

— Насколько мало?

— Три лечебных шва. Четыре, если мастер не соврал на клейме.

На глиняной пятке стояла печать мастерской Серого Брода: раскрытая ладонь над прямой чертой. Рядом были две ремонтные насечки, одна медная, другая тёмная, почти чёрная. Эля провела ногтем по последней.

— Это местная работа?

— Колба и глина — местные. Серебряное горло меняли в Морвее лет десять назад. Нижнее ребро — позже. Накопители чинят тем, что подходит по размеру. Поэтому я не люблю старые.

— Но берёшь его.

— Потому что другого у города нет. Если поток в Нареле усилится, капля поднимется к горлу раньше, чем его тело начнёт рвать само себя. Тогда мы остановимся.

Нарел посмотрел на устройство дольше остальных.

— Оно заберёт силу из меня?

— Только ту, что уже выходит. И только пока стоит рядом. Внутренний поток оно не перекроет.

— Поставьте так, чтобы я видел.

Эрена обернула колбу шерстью, уложила в отдельную деревянную клетку и закрепила у головы Нарела. Крышка клетки открывалась наружу. Лисса записала клеймо, две насечки и цвет капли до выезда.

Утро оказалось слишком ясным для засады. Небо над Серым Бродом вымыло ночным ветром, крыши блестели, а на северной дороге каждый куст отбрасывал честную короткую тень. Эля не доверяла ясным дорогам. На них человек начинал верить, что видит всё.

Впереди шли двое дозорных. За ними — Весса и Аскар, проверявший развилки. Повозку вели медленно; по обе стороны держались по трое стражников, включая людей Ковена. Эля шла у заднего колеса. Эрена сидела рядом с Нарелом, Лисса — впереди у возницы с ведомостями под плащом.

— Ты остаёшься в городе, — сказала Эля ещё во дворе.

— Тогда кто сверит лекарства на заставе?

— Писарь Харена.

— Он вчера перепутал две печати и сказал, что они просто похожи.

— Лисса.

— Я еду до заставы, сижу внутри стены и не выхожу, если стреляют. Это мой участок работы. Мера согласовал.

Харен действительно согласовал. Он отправил с ними и взрослого писаря, но доверил Лиссе вторую копию: не потому, что тринадцатилетняя девочка была неуязвима, а потому, что она уже знала документы и могла заметить замену. Эля всё равно злилась. Злость была легче страха и требовала меньше честности.

За северной башней дорога поднималась вдоль старой стены. Справа лежали известковые ямы, заросшие низкой травой; слева тянулся сухой водоотвод. Место просматривалось на полмили. Ночью они выбрали его именно поэтому.

Аскар поднял руку.

Отряд остановился.

— Что? — спросила Весса.

Он смотрел не на дорогу, а на камни у её края.

— Здесь слишком легко идти.

— Для этого и строят дороги.

— Не настолько.

Аскар спустился в водоотвод, присел и коснулся ладонью сухой земли. Его дар нельзя было увидеть. Эля знала только внешние признаки: плечи переставали двигаться, взгляд расфокусировался, большой палец медленно находил на указательном старый порез.

— От башни к заставе есть три обычных пути, — сказал он. — Дорога, водоотвод и пастушья тропа по гребню. Сейчас Порог предлагает только дорогу. Слишком громко.

— Ложный знак? — спросила Лисса.

— Нет. Я бы почувствовал чашу или узел. Здесь сами следы уложили так, чтобы человек выбрал середину.

Весса послала дозорного проверить гребень, но Эля остановила его.

— Пешком не поднимайся. Если там натяжка, первым её и снимешь.

Она достала из сумки тонкий метательный нож, обвязала рукоять верёвкой и бросила в траву поперёк подъёма. Лезвие прошло между стеблями. Верёвка натянулась на невидимую леску.

Сверху щёлкнуло.

Три тяжёлых болта ударили в пустой склон там, где должен был оказаться дозорный.

— Назад к башне! — крикнула Весса.

Повозка развернуться не успела. За ней из водоотвода поднялась цепь, натянутая между двумя вбитыми штырями. Заднее колесо ударилось в металл. Лошадь дёрнулась, возница удер-

жал поводья, но дорога уже закрылась с обеих сторон: впереди из известковой ямы выкатили низкую телегу с камнем.

Людей Эля насчитала одиннадцать.

Они не прятали оружие, но и не стреляли. Четверо держали короткие луки опущенными. Остальные шли с щитами и крюками, которыми удобно стаскивать человека, не прорезая ему живот.

Старший был в сером плаще без знаков. Левый сапог поскрипывал при каждом втором шаге.

— Отдайте пациента, — сказал он. — Остальные уйдут без вреда.

— Назови лечебницу, — потребовала Весса.

— Приказ достаточен.

— Не для нашей запятой, — сказала Лисса из-под щита.

Старший повернул голову на её голос. Эля сместилась так, чтобы оказаться между ним и передком повозки.

— Живым, — напомнил один из лучников.

Не ей. Своим.

Эля увидела, как старший раздражённо дёрнул подбородком. Это было первым настоящим приказом.

Лучники подняли оружие.

Стреляли они не в повозку.

Первый залп пришёлся по дозорным у колёс. Весса успела поднять щит; два болта вошли в дерево, третий скользнул по железному ободу и распорол рукав одному из людей Ковена. Четвёртый ударил лошадь в упряжную дугу, не задев тела. Животное взвилось, возница повис на поводьях.

Эля метнула нож.

Не в лучника — расстояние было слишком велико и слишком удобно для красивой ошибки. Лезвие перерезало ремень на его колчане. Стрелы высыпались в известковую пыль. Лучник инстинктивно нагнулся, и Весса успела выстроить людей полукругом у заднего колеса.

— Под щит! — крикнула Эрена.

— Уже! — отозвалась Лисса.

Она лежала на дне передка, прижав к груди сумку с копиями. Нарел сам сбросил ткань с лежанки и перекатился ближе к деревянному борту клетки с накопителем. Дверной навес над ним дрожал от ударов, но держался.

Наёмники пошли вперёд сразу с двух сторон.

Двое с крюками цепляли щиты защитников и тянули вниз. Третий бил тупой стороной топора по рукам. Они действительно старались не прорваться клинком к повозке. Их работа была рассчитана на то, чтобы разомкнуть строй, оглушить, связать и забрать груз почти целым.

Почти.

Эля шагнула в промежуток прежде, чем Весса успела его закрыть. Крюк прошёл у неё перед лицом. Она поймала древко под локоть, потянула на себя и одновременно ударила ногой по колену владельца. Тот упал на один бок, но не выпустил оружия. Хороший наёмник. Плохая привычка.

Эля провернула древко. Металл вырвал ему два пальца из строя, а рукоять её короткого клинка легла под подбородок. Один удар мог закончить спор. Вместо него она толкнула человека на следующего нападавшего и выиграла полшага.

Полшага хватило, чтобы Весса снова сомкнула щиты.

— Цепь! — крикнула Эля Аскару. — Освободи колесо!

Он уже был в водоотводе. Не бросился к штырю по прямой, где его ждал лучник, а скользнул вдоль каменной стенки, прячась ниже края дороги. Порог вёл его не быстрее обычного

человека. Просто показывал, где движение уже оставило возможность: продавленная ливнем ложбина, выступ, сухой корень, место, с которого стрелок дважды переставлял ногу.

Аскар поднял с земли камень и бросил в противоположную сторону.

Лучник повернул лук на звук. Аскар выбил штырь рукоятью ножа.

Цепь ослабла.

Возница хлестнул поводья, но повозка не двинулась. Переднее колесо застряло в канаве, которую под сухой пылью закрывали тонкие доски. Лошадь тянула, хрипела, железный обод резал дерево всё глубже.

— Не рви! — крикнула Эрена. — Перевернёшь его!

Старший в сером плаще это тоже понял.

— Возницу снять! Колёса не ломать!

Один из лучников сменил цель. Болт прошёл над плечом Эли и вошёл вознице в бедро. Мужчина вскрикнул, выпустил левую вожжу. Повозка накренилась.

Нарел ударился плечом о лежанку. Голубая капля в накопителе рванулась к серебряному горлу и опала. Эрена одной рукой удерживала его, второй прижимала ткань к ране возницы.

— Ящик цел? — спросил Нарел сквозь зубы.

— Ты сейчас серьёзно?

— Это было условие.

— Цел. И ты пока тоже.

Лисса вынырнула из-под передка ровно настолько, чтобы подхватить выпавшую вожжу. Она не пыталась управлять лошадью. Прodela ремень вокруг крюка на борту и затянула, не давая животному развернуть повозку поперёк дороги.

— Лечь! — рявкнула Эля.

Лисса легла прежде, чем новый болт стукнул в край борта.

Эля увидела лучника. Тот стоял за низкой каменной кладкой, оставшейся от военного ограждения. Достать его с дороги было нельзя. Достать стену — можно.

Она подхватила с земли крюк раненого наёмника, зацепила верхний камень и потянула. Кладка не рухнула красиво. Один камень сдвинулся, другой прижал тетиву к краю, третий свалился лучнику на ступню. Он выругался и отступил.

Весса использовала паузу.

— Первая тройка — вперёд! Вторая — к колесу!

Дозорные перестроились. Двое подняли ось рычагами, человек Ковена выдернул сломанную доску из канавы. Его раненая рука быстро темнела от крови, но он не оставил место.

С другой стороны дороги старший послал троих по пастушьей тропе.

Аскар увидел это раньше Эли.

— Они уходят на гребень! — крикнул дозорный.

— Нет, — сказал Аскар. — Это не отход.

Он стоял на колене у выбитого штыря, ладонью касаясь цепи. Железо не несло магии, зато к нему сходились человеческие решения: люди протащили его из ямы, выбрали места для креплений, оставили свободный проход к гребню. Аскар смотрел по нему, как по строке, написанной слишком крупно.

— Верхняя тропа возвращается к дороге за башней, — сказал он. — Они хотят, чтобы мы погнались. Внизу есть второй проход.

Эля заметила среди травы узкую полосу извести. Не естественную. По ней можно было пройти вдоль края ямы и выйти прямо к повозке со стороны, где щиты развернули к гребню.

— Весса, троих вниз! — крикнула она. — Гребень оставить!

Поздно.

Из известковой ямы поднялись ещё двое. Один нёс мокрое полотно, второй — глиняный горшок, от которого шёл сладковатый дым. Не яд, иначе они рисковали Нарелом. Сонная

смесь. Достаточно слабая, чтобы не убить, и достаточно сильная, чтобы руки перестали держать меч.

Эля сорвала с шеи платок, прижала к лицу и прыгнула с дороги в яму.

Высота ударила в колени. Пыль взвилась вокруг сапог. Человек с горшком отступил, защищая сосуд телом. Эля бросила второй нож в его руку. Лезвие вошло неглубоко, но пальцы разжались. Горшок упал.

Она подхватила его носком сапога до удара о камень и пнула обратно в проход.

Глина разбилась под ногами наёмников. Белый дым наполнил узкую щель. Один закашлялся, второй попытался выйти вверх и столкнулся со своим же товарищем.

Эля выбралась по осыпи на дорогу. Старший уже был там.

Его меч выглядел обычным, без знака дома и дорогой насечки. Держал он его двумя руками, чуть ниже привычного, оставляя возможность ударить плашмя. Даже против неё приказ требовал целого тела: возможно, не из милосердия, а потому, что никто не знал, насколько близко она связана с нужным им источником.

— Отойди, полукровка, — сказал он.

— Ты даже имя моё знаешь не полностью.

Он атаковал без ответа.

Первый удар был проверкой. Второй — настоящим. Эля приняла его у гарды, позволила силе увести свой клинок вниз и шагнула внутрь размаха. Локоть старшего встретил её плечо. Боль прошла до шеи. Она ударила навершием в ребро и услышала выдох, но человек не отступил.

Он был тяжелее. Эля — быстрее, пока дорога оставалась сухой и под ногами не лежали люди.

Третий обмен загнал её к колесу. Старший намеренно давил туда, где она не могла уклониться, не открыв Нарела. За его спиной двое с крюками снова тянули щиты Вессы. Возница бледнел. Эрена кричала кому-то держать ткань. Накопитель в деревянной клетке мигал голубым.

Эля вытащила из-за пояса короткий ремень.

Старший увидел левую руку и ожидал нож. Ремень обвился вокруг его гарды. Эля не пыталась вырвать меч. Резко потянула вниз, заставив кончик войти в землю, и наступила на плоскость клинка.

Её собственный меч остановился у его горла.

За спиной старшего щёлкнул взведённый лук.

Аскар ударил лучника цепью по запястью. Болт ушёл в небо.

— Не люблю прямые дороги, — сказал он, тяжело дыша.

Старший отпустил меч и бросился на Элю голыми руками. Она отступила, пропустила его мимо и ударила рукоятью под ухом. Он упал на колено, но остался в сознании.

— Стоять! — крикнула Весса.

С заставы ответил рог.

Один длинный звук, два коротких. Подкрепление увидело перегороженную дорогу.

Наёмники отступили не беспорядочно. Двое подняли раненого с крюком, лучники прикрыли проход к известковым ямам. Человек на гребне махнул серой тканью. Через несколько вдохов отряд распался на три группы: одна ушла по видимой пастушьей тропе, вторая нырнула в ямы, третья побежала обратно к башне.

Дозорные рванулись за ближайшими.

— Не туда! — Аскар перехватил Вессу за край щита. — Видимый след заканчивается у осыпи. Там лошади для нас и верёвка для них. Настоящий выход по дну ям.

— Догоним снизу.

— Если бросим повозку.

Весса посмотрела на уходящих, затем на возницу и Нарела. Заставский отряд был ещё в четверти мили. Старший наёмник стоял на колене у ног Эли; его можно было взять. Погоня давала шанс на остальных и почти наверняка оставляла защиту без половины людей.

— Остаёмся, — сказала она.

Это решение стоило им восьми беглецов.

Эля знала цену сразу. Видела серые спины, исчезающие в осыпи. Могла представить, как один из них приводит к заказчику, к книгам, к четырнадцати пленникам. Тело уже собиралось бежать прежде, чем разум закончил счёт.

Старший посмотрел на неё снизу. В его лице не было просьбы. Только готовность воспользоваться первым движением.

Эля убрала меч от его горла и ударом сапога откинула оружие в сторону.

— Связать, — сказала она.

Он улыбнулся разбитой губой.

— Пожалеешь.

— Возможно. Но ты доживёшь и узнаешь.

Подкрепление прибыло через семь минут. Эля считала их по ударам собственного сердца, потому что руки требовали дела, а дел было больше, чем людей.

Возница потерял много крови. Болт вошёл сбоку, прошёл через мышцу и застрял в деревянной перекладине сиденья, пришив мужчину к повозке. Эрена запретила вытаскивать его на дороге. Перерезала древко, оставила железо внутри и велела Эле держать ткань выше раны.

— Свет? — спросила Эля.

— Один шов. Не лечи. Только прижми сосуд до ворот.

Эля сняла перчатку. Ожог на ладони уже не был открытым, но кожа оставалась красной и тонкой. Она нашла под пальцами пульс возницы, отделила его от чужого золотого биения Нарела и попросила Лиарис не спасать человека целиком.

Только эту точку. Только на тридцать вдохов.

Свет собрался узкой полосой под тканью. Не закрыл прокол, не вытолкнул железо, не заставил мясо расти поверх грязи. Просто удержал края сосуда вместе, пока Эрена затягивала повязку.

На двадцать седьмом вдохе Эля оборвала форму.

Кровь не хлынула.

— Достаточно, — сказала Эрена.

Похвала в её голосе отсутствовала. Для Эли это значило больше похвалы: лекарь приняла результат как работу, которую можно использовать.

Раненому человеку Ковена перевязали руку обычной тканью. Наёмнику с повреждёнными пальцами — тоже. Старший назвался Варсом Нейлом только после того, как Весса объяснила, что без имени его запишут как неизвестного вооружённого нарушителя и все бумаги всё равно составят. Разбитая губа, ушиб рёбер и шишка под ухом не мешали ему идти. Руки связали впереди, чтобы не дать оснований утверждать, будто пленного намеренно калечили.

— Очень заботливо, — сказал Варс.

— Мне нравятся свидетели с целыми пальцами, — ответила Лисса, не поднимая головы от ведомости.

— У того уже не целые.

— Это до оформления.

Она записала и это.

На дороге собрали семь болтов, глиняные осколки, остаток сонной смеси, серую ткань и три медных пластинки, найденные у Варса. Две были обычной платой северных трактиров. Третья не имела чеканки: белая эмаль покрывала одну сторону, а по краю шли четыре глубокие насечки и одна половинная.

— Не моя, — сказал Варс прежде, чем его спросили.

— Тогда тебе не повезло с карманом, — заметил Аскар.

Пластинку опечатали отдельно.

Аскар осмотрел настоящий выход по дну ям только после того, как заставский отряд принял повозку в кольцо. Следы подтверждали его чтение: восемь человек ушли вниз, где за осыпью ждали три лошади и верёвочные петли для подъёма. Видимая пастушья тропа заканчивалась у рыхлого края. Первый тяжёлый преследователь провалился бы по колено; второй сбил бы его вниз.

— Они готовили отход так же тщательно, как захват, — сказала Весса.

— Потому и ушли, — ответил Аскар.

Он говорил ровно, но дважды повернулся не в ту сторону, когда возвращался к повозке. Дар снова отозвался перегрузкой. Эля не стала брать его под руку при всех. Просто пошла с той стороны, куда нужно было повернуть.

Кремнёвая Застава стояла на невысоком каменном уступе. Две старые башни соединяла стена, достроенная после перемирия более светлым камнем. Внутри помещались казарма, конюшня, связанная комната и двор, где северные грузы раскрывали под открытым небом. Никаких тайных коридоров. Никаких складов, к которым имел доступ один человек. Харен выбрал место именно за эту неудобную публичность.

Ворота закрыли за повозкой. Лисса потребовала, чтобы засов поставили при Нареле и сразу показали ему внутреннюю калитку.

— Открывается изнутри? — спросил он.

Начальница заставы, широкоплечая женщина по имени Мейра Осс, молча отодвинула задвижку и толкнула створку наружу.

— Без ключа, — сказала она. — Но за ней двадцать шагов голого склона и ров. Если решишь уйти, скажи сначала, я дам верёвку.

Нарел кивнул.

Его разместили не в каземате, а в бывшей счётной комнате рядом с двором. Дверь сняли с верхней петли, чтобы она не закрывалась сама. Окно имело решётку, но выходило на дорогу и башню. Эрена пересчитала лекарства. Лисса сверила печати. Один флакон с уксусом треснул во время засады; его внесли в обе копии и вылили в землю при свидетелях.

Накопитель выглядел целым. Голубая капля поднялась выше середины колбы и не опускалась.

— Это от дороги? — спросил Нарел.

Эрена повернула клетку, проверяя каждое медное ребро.

— Часть потока вышла, когда повозка накренилась. Сосуд принял. Пока предел далеко.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому он стоит там, где мы оба его видим.

Пока Эрена устраивала Нарела, Эля и Аскар отнесли собранные на дороге вещи в связанную комнату. Мейра выделила им каменный стол, два таза и сундук с шестью разными замками. Каждый предмет сначала отмывали от известковой пыли над решетом, сушили на ткани, затем называли писарю. Болт. Ременная застёжка. Осколок горшка. Серая ткань. Белая пластинка.

После последнего слова Эля обнаружила, что всё ещё сжимает в пальцах мокрый край решета.

— Восемь ушли, — сказала она.

Аскар не стал отвечать, будто речь шла только о цифре.

— Да.

— Один из них знал, куда несут второй знак. Другой мог видеть посредника. Третий наверняка знает, где они ночевали.

— И если бы Весса отправила половину людей вниз, повозка осталась бы с ранеными и четырьмя защитниками.

— Подкрепление было близко.

— Мы услышали рог после решения.

— На несколько вдохов.

— Несколько вдохов — это как раз то, чем обычно измеряют чужую смерть.

Эля отпустила решето. По камню потекла грязная вода.

Аскар сел на край стола и начал разматывать цепь с правого предплечья. Металл оставил красную полосу. Он поймал лучника удачно только снаружи: внутренний край звена всё-таки рассёк кожу.

— Дай руку, — сказала Эля.

— Это царапина.

— Тогда переживёшь унижение.

Она промыла порез и обвязала обычной тканью. Света не потребовалось. Аскар смотрел поверх её плеча на дверь, потом внезапно спросил:

— Где север?

Эля подняла голову.

Он не шутил.

В комнате имелось одно окно. По положению солнца ответ был очевиден любому, кто прожил на дорогах хотя бы неделю. Аскар видел солнце и всё равно не мог соединить его с направлением.

Эля повернула его ладонь и большим пальцем провела линию от старого пореза к основанию указательного.

— Окно. Потом двор. Потом ворота. Север там.

— Знаю.

— Ты спросил.

— Я знаю словами. Не чувствую.

Порог снова взял с него больше, чем имел право. Не память о дороге и не имя стороны света — связь между ними. В прошлый раз ощущение начало возвращаться через два дня. Теперь Аскар перегрузил Искру меньше, но второй раз случился прежде, чем тело восстановилось после первого.

— На допросе сядешь так, чтобы видеть окно, — сказала Эля.

— Мне не нужно нянчиться.

— Мне тоже. Поэтому мы называем это подготовкой рабочего места.

Он усмехнулся и позволил ей завязать ткань зубами.

— Ты хотела погнаться, — сказал он.

— Хотела.

— Почему осталась?

— Потому что Нарел выбрал заставу, а не стать приманкой для нашего расследования.

— Только поэтому?

Эля затянула узел сильнее, чем требовалось. Аскар поморщился, но руку не отнял.

— Потому что ты был прав насчёт ложного отхода. Потому что Весса уже решила. Потому что я видела лучника у повозки. Выбирай ответ, который меньше раздражает.

— Мне нравится последний. Он честнее.

— Он не последний.

— Тогда какой?

Она могла сказать: потому что устала измерять правильность решения числом людей, которых удалось догнать. Могла вспомнить, сколько раз в первом пути продолжала погоню только потому, что остановка оставляла её наедине с теми, кого уже не вернуть. Но Варс ждал

за стеной, Нарел — через двор, а Аскару не нужен был весь её внутренний архив каждый раз, когда он задавал простой вопрос.

— Потому что ты остался, — сказала Эля.

Аскар на мгновение перестал смотреть на окно.

— Это опасный способ принимать решения.

— Ты начал первым.

Он коснулся её запястья перевязанной рукой. Не потянул ближе и не превратил разговор в поцелуй. Просто удержал один вдох, пока Эля не перестала слышать бегущие по осыпи шаги.

В дверях появилась Лисса с мокрой дощечкой.

— Если вы закончили выяснять, кто кого героически не бросил, у нас не сходится количество болтов.

Аскар отпустил Элю.

— Сколько не хватает?

— Один лишний.

Они вернулись к решетку. Лишний болт оказался не вражеским: на древке сохранилась серая краска городской оружейной, а наконечник был сплюснен о железный обод. Его выпустил дозорный во время второго обмена и не помнил, куда попал. Лисса перенесла предмет в другую строку.

Мелочь не вела к заказчику. Зато не позволяла через неделю превратить городской болт в доказательство присутствия двенадцатого нападавшего.

Только после этого Эля поставила подпись под описью.

Варса допрашивали после полудня в связной комнате напротив. Нарел мог слышать голоса через двор, но не видеть пленного. Эля предложила закрыть ставню. Он отказался.

— Если они пришли за мной, я должен знать, что вы спрашиваете.

— Услышишь и то, что может быть сказано для тебя, — предупредила Эля.

— Раньше мне не оставляли даже этого выбора.

В связной комнате присутствовали Мейра, Весса, городской писарь, человек Ковена и лекарь. Эрена настояла на последнем не ради Варса, а ради доказательства: показание, полученное у человека с сотрясением или под угрозой боли, легко объявить бессмысленным.

Варсу дали воду. Развязали руки и закрепили одну мягкой петлёй к кольцу в столе. Перед ним положили белую пластинку, серую ткань и слепок печати с лечебного письма.

— Узнаёшь? — спросила Мейра.

— Пластинка нашлась у меня. Остальное могло лежать на дороге.

— Письмо было у твоих людей ночью.

— Я не видел письма.

— Зато спрашивал Нарела Эста по имени.

Варс поднял взгляд на Элю. Он понял, что часовой выжил и успел дать показание.

— Имя дали вместе с работой.

— Кто?

— Посредник.

— Имя.

— Не было имени.

Весса положила рядом запись Лерса. Не подвинула к пленному, только показала две подписи свидетелей и время.

— Твой человек назвал Нарела сосудом.

— У моего человека длинный язык.

— Откуда он взял слово?

— Из приказа.

Первое признание было маленьким. Писарь повторил его вслух и записал. Варс не возразил.

— Как звучал приказ? — спросила Эля.

— Вернуть груз.

— Пациента.

— Заказчик не обязан знать слова, которые нравятся вашей мере.

— Заказчик знает, что у Нарела повреждено ребро, что ему нельзя вскрывать рану и что он живой сосуд. Он не покупатель долгового служащего вслепую.

Варс пожал плечами и поморщился из-за ушиба.

— Богатые покупатели всегда знают о товаре больше тех, кто его несёт.

— Значит, это покупатель?

— Значит, мне так сказали.

Эля не стала спорить с формулировкой. Ошибочное объяснение тоже могло быть честным, если человек действительно жил только на нижней ступени цепи.

Мейра взяла белую пластинку щипцами.

— Четыре насечки и половина. Сколько это?

— Не деньги.

— Тогда зачем носишь?

— Чтобы получить деньги.

— Где?

Варс промолчал.

Человек Ковена развернул на столе справочник дорожных расчётов. На полях были изображены жетоны долговых контор, складов и частных охранных артелей. Белой пластинки среди них не нашлось.

— Ни одна лицензированная палата Морвея не использует половинные насечки, — сказал он. — Доля должна быть исчислима до выдачи.

— Поэтому вы плохо нанимаете людей, — ответил Варс.

— Поэтому тот, кто нанял тебя, не хотел оставлять книгу.

Мейра положила рядом четыре медные монеты. Затем ещё половину, разрубленную на вес.

— Четыре с половиной доли?

Варс усмехнулся.

— Четыре человека и повозка. Половина — за лекаря, если согласится. Не согласится — оставляем.

Эрена, стоявшая у стены, скрестила руки.

— Я тронута оценкой.

— Ты была нужна живой. Это повышает цену.

— До половины человека?

— Не я считал.

Писарь записал схему. Пластинка перестала быть просто странным предметом: насечки соответствовали обещанным долям. Финансовое подтверждение не называло заказчика, но показывало, что нападение оплачивали не случайные спасители.

— Где меняют жетон? — снова спросила Мейра.

— В любой палате, которой покажут второй знак.

— Какой?

— Его приносит посредник после работы.

— Ты уже работал на него?

— Нет.

— Тогда почему доверился?

Варс посмотрел на белую эмаль.

— Потому что аванс пришёл настоящим серебром через три разных конторы. Ни одна не знала всей суммы. Потому что посредник назвал имена моих людей и долги двух из них. Потому что те, кто отказывается от такой работы, иногда перестают получать другую.

— Название, — сказала Эля. — Ты должен был как-то назвать заказ, когда собирал отряд.

Пауза изменилась. Раньше Варс выбирал, сколько сказать. Теперь решал, какое из уже известных им слов опаснее произнести.

— Белый счёт, — произнёс он наконец.

Во дворе что-то стукнуло.

Эля повернула голову к открытому окну. Нарел сидел на лежанке, обеими руками сжав край. Он слышал.

— Это имя человека? — спросила Мейра.

— Имя работы. Может, покупателя. Может, книги. Нам не объясняют.

— Кто произнёс его первым?

— Посредник в дорожной часовне за Ровелем. Лицо закрыто от пыли, голос обычный. На руке перчатка. Сказал: «Белый счёт возвращает свой сосуд. Платим за целого». Я спросил, чей счёт. Он ответил: «Того, кто всегда сводится».

Из комнаты Нарела донёсся звон.

Не громкий. Такой издаёт стакан, когда по краю проводят ногтем.

Эрена первой пересекла двор. Эля оказалась рядом через два шага.

Нарел сидел там же, но его губы беззвучно повторяли последнее слово Варса. Сосуд. Возвращает. Целого. Не фразу полностью — отдельные части, будто тело узнавало порядок раньше памяти.

— Я не хочу это говорить, — выдохнул он.

— Тогда не говори, — сказала Эля.

— Оно уже говорит.

Под кожей у ключицы вспыхнула золотая линия. Вторая прошла вдоль руки к запястью. Ритм был знакомым: короткий толчок, длинный, короткий. Только теперь между ними не оставалось тишины. Чужая мана заполняла паузы и искала, куда выйти.

Эля не потянулась к Свету. Родственная сила могла принять её помощь за ещё один открытый путь. Вместо этого она встала между Нарелом и дверью, заставляя его смотреть на настоящее помещение, а не на белую комнату из обрывков памяти.

— Каменная стена, — сказала она. — Окно на север. Эрена справа. Дверь открыта. Ты на заставе и ничего не обязан возвращать.

Нарел повторил только последнее:

— Не обязан.

Голубая капля внутри накопителя поднялась к серебряному горлу. Теперь она была не голубой, а золотой по краям и серой в середине. Медные рёбра нагрелись; шерсть под клеткой дымилась.

— Отнесите его! — сказал Нарел.

Эрена потянулась к деревянной ручке.

На нижнем ребре появилась тонкая белая линия.

Эля успела увидеть, как линия повернула у чужой ремонтной насечки, словно именно там колба перестала быть одним ремесленным изделием.

Треск прошёл по колбе сверху вниз.

Глава 11. Перелив

Колба не разбилась.

На один вдох это показалось удачей.

Потом из трещины выступила капля Света.

Она была густой, золотой и медленной, как расплавленное стекло. Скользнула по медному ребру, упала на деревянную клетку и исчезла внутри волокон. Доска вздулась. Сухой сучок раскрылся зелёным глазком, выпустил два бледных листа и продолжил расти.

— Не трогать! — крикнула Эрена.

Она схватила шерстяную подкладку за холодный край и потянула клетку от лежанки. Дерево уже приросло к полу тонкими белыми корнями. Один обвил ножку кровати, другой пополз к стене.

Нарел согнулся. Золотые линии под его кожей вспыхнули одновременно.

— Оно тянет, — сказал он.

— Накопитель? — спросила Эля.

— Нет. Через него.

Трещина расширилась на толщину волоса.

Свет вырвался беззвучно.

Не ударом и не пламенем. Комната просто перестала оставаться мёртвой. Мох между плитами поднялся мягкой зелёной щетиной. Дверная доска набухла, выталкивая старые гвозди. В бинтах Эрены проросли семена льна, пережившие варку и годы хранения. На руке Эли зачесался почти закрывшийся ожог.

Она посмотрела — и увидела, как новая кожа ползёт поверх старой, запирая под собой грязь и тонкую нить ткани.

Эля сорвала повязку зубами.

— Во двор! — распорядилась Эрена. — Всех раненых от стен, никакого дерева рядом!

Мейра уже бежала к ним из связной комнаты. За ней Весса тащила Варса, всё ещё прикованного мягкой петлёй. Человек Ковена поднялся слишком резко; порез на его руке затянулся мгновенно, вместе с краем окровавленного рукава. Он вскрикнул и попытался содрать ткань.

— Не рви! — Эрена перехватила его кисть. — Намочи сначала!

Во дворе закричал возница.

Болт всё ещё находился в его бедре. Ткань вокруг железа вспухла, мышцы сокращались и нарастали поверх наконечника, толкая его глубже. Двое стражников держали мужчину за плечи. Третий пытался вытащить древко.

— Не вытаскивать! — крикнула Эля.

Она не знала, слышали ли её. Золотой свет уже стекал по порогу комнаты тонкими ручьями и уходил в щели двора. Там, где касался сорной травы, стебли становились толщиной с палец. Корни поднимали плиты.

Нарел не мог встать.

Эрена обхватила его под плечи. Эля взяла ноги. Они перенесли его на середину двора, на голый круг утрамбованной глины, где обычно разворачивали телеги. Аскар подхватил деревянную клетку, но корни удержали её.

— Оставь! — сказала Эля.

— Если она останется в комнате, мы не увидим швы.

Он достал нож и начал резать молодые корни. Каждый разрез затягивался прежде, чем клинок выходил полностью. Тогда Аскар перестал резать живое. Подсунул под клетку железный крюк, оторвал вместе с двумя половицами и вынес во двор.

Колба зазвенела громче.

- Сколько в ней было? — спросила Мейра.
- Меньше четырёх швов, — ответила Эрена.
- Это не четыре шва.
- Потому что теперь она не только отдаёт своё.

Нарел лежал на глине, выгнувшись так, будто невидимая нить тянула его грудь к накопителю. Свет шёл от него к трещине и возвращался обратно уже усиленным. Устройство перестало быть сосудом. Оно стало коротким кругом, в котором чужая мана каждый раз проходила через живое тело и не находила причины остановиться.

- Унести дальше от него, — приказала Мейра.
- Нельзя, — сказал Нарел.
- Почему?
- Тянет сильнее.

Аскар сделал один шаг с клеткой. Нарел захлебнулся воздухом. Золотая линия под ключицей разошлась по шее.

- Назад, — сказала Эля.

Аскар вернул накопитель на прежнее расстояние. Дыхание Нарела выровнялось, но корни под клеткой уже искали землю.

— Связь замкнулась, — сказала Эрена. — Если оторвём быстро, поток пройдёт через него целиком.

- Если оставим?
- Он будет переливаться, пока не разрушится слабейшая часть.
- Колба?

Лекарь посмотрела на Нарела.

- Не обязательно.

Свет добрался до стен казармы. Старые балки начали выпускать побеги. На крыше зашуршала сухая солома, оживая одновременно. Лошади в конюшне забили копытами: царапины под сбруей затягивались вместе с волосом и грязью. У одного стражника исчез белый шрам на лице, но глаз под ним начал слезиться кровью — ткань века выросла неровно.

Мейра отдала приказ вывести всех без ран и больных за внутренние ворота, раненых собрать на голой земле. Никто не понимал, почему здоровых нужно спасать от исцеления, пока молодой дозорный не упал у колодца. Его старый перелом голени решил срастись заново, не спросив, правильно ли стояла кость.

Крик объяснил быстрее приказа.

Эля опустилась рядом с Нарелом.

- Слышишь меня?

— Да.

— Белая комната?

— Здесь.

— Что здесь?

— Двор. Глина. Ты. Эрена. Аскар злится на банку.

— Я не злюсь, — сказал Аскар, разглядывая клетку. — Я ищу, куда её ударить.

— Значит, злишься правильно.

Нарел попытался улыбнуться. Свет под кожей повторил движение и затянул трещины на губах так быстро, что уголок прирос к сухой крови. Эрена намочила ткань и осторожно освободила его.

— Не давайте ему терять сознание, — сказала она. — Пока он удерживает себя, поток хоть немного различает границы тела.

— Он не управляет маной, — напомнила Эля.

— Но знает, где заканчивается Нарел. Сейчас этого больше, чем есть у силы.

Эля положила ладонь рядом с его рукой, не касаясь золотых линий.

— Назови пять вещей, которые тебе не принадлежат.

Он моргнул.

— Что?

— Всё вокруг пытается стать частью тебя. Откажись.

Нарел посмотрел на клетку.

— Накопитель. Стена. Твоя рука. Колокол. Варс.

— Особенно Варс, — сказал Аскар.

Пленный сидел у противоположной стены под охраной двух людей. Ушиб на его лице исчезал на глазах, зато разбитая губа срасталась неровным валиком. Он впервые выглядел испуганным не за свободу.

— Мы не знали, — сказал он.

— Запишем рядом с остальным, — ответила Лисса.

Она сидела на перевёрнутом железном корыте. Мейра пыталась отправить её за внешние ворота, но путь туда уже пересекали корни. Теперь Лисса держала ведомость на коленях и вслух отмечала время каждого нового проявления: рост досок, закрытие ран, деформация старого перелома, изменение цвета капли. Голос дрожал только на цифрах.

Эля обратилась к Лиарис.

Свет открылся сразу. Слишком охотно.

Чужой поток узнал родственную ману и потянулся к ней. В ладони Эли возникло тепло, затем давление. Она представила не исцеление, а стену между накопителем и Нарелом.

Форма вышла широкой.

Золотая дуга поднялась над глиной. На мгновение поток замедлился. Потом ударил в преграду, впитал её и стал ярче. Трава у края двора выбросила цветы, прожила лето за несколько вдохов и осыпалась семенами.

Эля закрыла доступ.

Слишком поздно. Кожа на ладони снова покраснела, а чужая мана получила ещё один глоток.

— Не ставь стену, — сказал Аскар. — Она становится частью дороги.

— Тогда что?

Он указал на трещину.

— Один Порог. Не между ними. Внутри самой связи.

Эля посмотрела внимательнее. Поток не шёл прямой линией от Нарела к колбе. Он входил через серебряное горло, проходил по трём медным рёбрам и возвращался к человеку через нижнюю тёмную насечку. Каждый круг усиливал приказ расти.

— Нужно разомкнуть ребро, — сказала она.

— Если просто сломаем, весь заряд выйдет сразу, — ответила Эрена.

— Поэтому сначала удержим одну точку.

— Чем?

Эля показала два пальца, между которыми когда-то держала световой шов раны.

— Не стеной. Швом, который не даёт пути расшириться.

Эрена поняла первой.

— Ты не остановишь ману. Только заставишь её проходить через прежнее отверстие.

— На сколько?

— Пока не сгорит ладонь или контроль.

— Очень медицинский ответ.

— Другого у меня нет.

Аскар опустил у клетки. Медные рёбра были горячими. Он обернул руки мокрой тканью и начал изучать крепления, не касаясь самой колбы.

— Здесь три мастерские, — сказал он. — Верхнее серебро держится на элирийской резьбе. Медь местная. Нижняя пластина не подходит ни к одному пазу, её вдавили и залили чем-то чёрным.

— Сможешь снять?

— Если пойму, что именно держит давление.

— У тебя минута, — сказала Эрена.

— Почему минута?

В ответ над казармой треснула балка. Молодая ветвь пробила черепицу и развернула листья к солнцу.

— Потому что потом у нас не будет заставы.

Эля положила указательный и средний пальцы по обе стороны тёмной насечки. К колбе не прикоснулась. Жар проходил через воздух, будто ладонь держали над кузнечным горном.

— Нарел, смотри на меня.

— Смотрю.

— Сейчас сила попытается пройти через мою руку. Это не значит, что я забираю её у тебя.

— А если заберёшь?

— Тогда Эрена ударит меня первой.

— Уже выбрала чем, — подтвердила лекарь.

Нарел кивнул. Согласие прозвучало не как выученная формула. Просто как решение человека, которому объяснили риск и оставили право бояться.

Эля открыла Нить.

Не к Лиарис целиком. К одному участку между ребром и чёрной заливкой. Представила игольное ушко, через которое проходит нить, не становясь толще от желания ткани закрыться. Свет появился под её пальцами тонкой белой дугой.

Чужая мана ударила в неё.

Первая волна принесла желание исцелить ладонь. Вторая нашла ушиб на плече. Третья потянулась глубже, к старым рубцам, к местам, где тело когда-то было сломано и научилось жить иначе. Эля удерживала форму не силой, а отказом. Не это. Не сейчас. Не больше отверстия.

Белая дуга дрожала, но не расширялась.

— Есть, — сказал Аскар.

Он просунул тонкое лезвие под нижнюю пластину. Чёрная заливка держалась не как смола: сопротивлялась неравномерно, будто внутри были отдельные металлические усики.

— Нужен зажим.

Мейра бросила ему кузнечные клещи. Аскар поймал одной рукой, второй не отпуская нож. Эрена полила крепление уксусом из последнего целого флакона. Чёрный материал зашипел и стал матовым.

— Это не припой, — сказала она.

— Знаю.

— Откуда?

— Припой не пытается затянуть порез.

На краю заливки действительно исчезал след ножа. Не быстро, как плоть под Светом, но заметно. Материал проводил приказ восстановления и возвращал себе прежнюю форму.

— Режь не заливку, — сказала Эля сквозь зубы. — Крепление под ней.

— Я его не вижу.

— Путь идёт вправо, потом вниз.

Аскар посмотрел на неё.

— Ты видишь?

— Чувствую, куда бьёт.

Он изменил угол. Лезвие скользнуло вдоль невидимого паза. Внутри щёлкнуло первое крепление.

Световой круг дёрнулся. Во дворе одновременно раскрылись все старые раны.

Не кровью — ростом. На лице Варса исчезла опухоль, но под кожей проступил край когда-то сломанной скулы. У Мейры побелели костяшки: давний вывих пальца выправлялся, не спрашивая, как держать меч. Эля почувствовала, как ушиб плеча наливается новой тканью вокруг старой боли.

Она сузила шов ещё сильнее.

Мир собрался до двух пальцев, белой дуги и голоса Нарела.

— Стена, — говорил он. — Окно. Глина. Ты. Дверь открыта.

— Хорошо.

— Варс всё ещё не мой.

— Особенно это.

Второе крепление не поддавалось. Аскар сменил нож на узкую отвёртку из лекарского ящика. Эрена держала клещами медное ребро. Металл раскалился докрасна, мокрая ткань на её руках высохла и начала дымиться.

— Отпусти, — сказал Аскар.

— Тогда ребро встанет обратно.

— Обожжёшься.

— Я лекарь. Потом буду недовольна собой профессионально.

Лисса продолжала считать вслух.

— Тридцать вдохов. Тридцать один. Тридцать два.

— Не считай меня, — сказала Эля.

— Я считаю не тебя. Я считаю, когда Эрена обещала остановить.

— Я ничего не обещала, — отозвалась та.

— Поэтому записываю сама.

На сороковом вдохе из-под пластины показалась серебряная проволока. Она не шла к горлу. Уходила наружу, делала петлю вокруг тёмной насечки и возвращалась внутрь колбы. Ремонт не укреплял накопитель. Он добавлял второй круг.

— Вот зачем перелив усиливается, — сказал Аскар. — Оно должно было возвращать заряд.

— В обычный сосуд? — спросила Мейра.

— Или в то, что стоит рядом.

Нарел закрыл глаза.

— Не называй меня этим.

— Не называю.

Аскар просунул отвёртку под петлю.

Серебро натянулось. Трещина в колбе разошлась ещё на ладонь. Из неё хлынула новая капля, потом вторая. Корни под клеткой сплелись в толстый узел.

— Сейчас! — крикнула Эрена.

Аскар дёрнул.

Проволока лопнула.

Связь не разомкнулась. Она перескочила на ближайший проводник.

На Элю.

Свет вошёл через пальцы до локтя. Перед глазами стало бело. Она почувствовала каждую рану во дворе: железо в бедре возницы, кривой перелом дозорного, ожоги Эрены, разбитую губу Варса, порез Аскара. Все они предлагали одинаковое простое решение. Закрыть. Зарастить. Вернуть ткань туда, где она была до боли.

Человеческое тело не было книгой, которую можно восстановить по чистому экземпляру. У каждого повреждения уже появились грязь, время, выбор и последствия.

— Эля! — голос Аскара пришёл издалека. — Один Порог!

Она нашла не раны.

Нашла связь между колбой и Нарелом, теперь проходившую через её руку. Узкую, ослепительно прямую и неправильную. Вместо того чтобы закрывать, Эля удержала её открытой на прежнюю толщину. Не позволила расшириться к остальным людям.

— Снимайте пластину, — сказала она.

Собственный голос прозвучал чужим от напряжения.

Эрена опустила рядом с клеткой. Вместе с Аскаротом они вытащили серебряную петлю. Под ней обнаружили четыре тонких пластины, сложенные внахлест. Медная, белая, чёрная и красноватая. Каждая имела собственную насечку, но ни одна не совпадала с местным клеймом на глине.

— Это уже не ремонт, — сказала Эрена.

— Забирай целиком, — приказала Мейра. — Потом разберём.

Аскар попробовал поднять пакет пластин.

Они не вышли. Изнутри колбы их держал стержень, уходивший прямо в золотую каплю.

— Если выдерну, сосуд откроется снизу.

— Сколько выйдет?

— Всё.

Эрена посмотрела на Нарела. Золотые линии дошли до его лица. Белки глаз начали мутнеть светом.

— У нас нет потом, — сказала она. — Либо разбиваем сейчас и отводим выброс, либо сохраняем прибор и теряем его.

Мейра сжала челюсть.

— Это единственная целая вещь, связывающая разные мастерские.

— Уже не целая, — сказал Аскар.

— Целее, чем будет.

Эля слышала спор через свет. Слова распадалась на намерения. Сохранить улику. Сохранить заставу. Сохранить человека. Вся сила вокруг предлагала сохранить всё сразу и именно поэтому разрушала всё, к чему прикасалась.

— Ломайте, — сказала она.

Мейра посмотрела на Нарела и кивнула.

Решение записывали после. Сейчас Аскар взял кузнечный молот. Эрена набросила на колбу мокрое одеяло, оставив открытым серебряное горло. Мейра приказала всем способным отойти к стене и лечь лицом вниз.

Лисса не легла.

— Дощечку под корыто и вниз! — крикнула Эля.

На этот раз девочка не спорила. Спрятала запись и закрыла голову руками.

Аскар поднял молот.

— Куда?

Эля видела четыре слабых места. Трещину. Серебряное горло. Местную глиняную пятку. Чужую нижнюю пластину. Если разбить трещину, заряд расплеснётся во все стороны. Если горло — ударит вверх, в крышу и людей у стены. Глина могла принять часть, но корни уже связали её с землёй.

— По чужой насечке, — сказала она. — Не по колбе. Вгони пластину внутрь.

— Тогда стержень войдёт в заряд.

— И разорвёт второй круг раньше первого.

Аскар не спросил, уверена ли она.

Ударил.

Первый удар согнул пластину. Второй расколол чёрную заливку. На третьем стержень ушёл внутрь.

Накопитель взорвался Светом.

Одеяло удержало стекло, но не ману.

Золотой столб ударил в мокрую ткань, расплющился под ней и ушёл вниз, по вбитой пластине к глиняной пятке. Корни под клеткой вспыхнули белым. Земля вздрогнула. Через двор прошла волна роста: трава поднялась до колен, ветви из стен раскрылись разом, а потом вся сила устремилась к самому крупному живому проводнику.

К Нарелу.

Эля стояла на пути.

Свет вошёл в её удерживаемый шов и попытался раздвинуть его до ширины тела. Она не могла остановить поток. Не могла принять его — её Нить сгорела бы раньше, чем прошла десятая часть. Оставалось изменить форму выхода.

Не исцелять. Не возвращать. Проводить наружу то, что уже не помещалось внутри.

Эля представила рану, которую нельзя закрыть, пока из неё не ушла грязь. Представила трубку Эрены в боку Нарела, удерживавшую края раздельно. Световой шов между пальцами разомкнулся в середине и стал двумя узкими краями.

Поток нашёл выход.

Он пошёл не в Нарела и не в её тело, а между ними, по голой глине двора. Земля лопнула прямой золотой бороздой. Из неё мгновенно выросли белые корни, переплелись, подняли комья почвы и потянулись к колодцу.

— Воду закрыть! — крикнула Мейра.

Двое стражников опустили крышку и навалились сверху. Корни обвили каменный венец, но не добрались до воды.

Эля удерживала края выхода. Кожа на пальцах покрылась пузырями. Чужая сила всё ещё пыталась сделать полезное: закрыть ожог, вернуть плечу целость, заполнить пустоты, о которых она сама не знала. Каждое предложение звучало ласково и было приказом.

— Не моё, — сказал Нарел рядом.

Он повторял её упражнение, но теперь отказывался от самой маны.

— Двор не мой. Застава не моя. Боль Варса не моя. Твоя рука не моя.

— Хорошо.

— Свет тоже не мой.

На этих словах золотые линии под его кожей дрогнули.

Впервые поток встретил не чужое согласие и не телесный страх, а прямой отказ человека, которого использовал как дорогу. Отказ не закрыл канал. Нарел не имел такого контроля. Но перестал удерживать силу внутри собственной границы.

По золотой борозде прошёл последний толчок.

Белые корни поднялись выше Эли, распустили прозрачные листья и рассыпались пеплом прежде, чем ветер успел их согнуть. Колба под одеялом лопнула с сухим хрустом. Свет погас.

Тишина продержалась меньше секунды.

Потом застава заговорила всеми повреждениями сразу.

С крыши падала черепица. Лошади били в двери. Возница стонал, человек Ковена ругался, дозорный со старым переломом требовал отрезать ему ногу. Варс кашлял под стеной. Где-то внутри казармы лилась вода из разорванного кувшина.

Эля убрала пальцы от пустого воздуха.

Ладонь не слушалась.

— Нарел?

Он лежал на боку, глаза закрыты. Золотых линий не было. Эля приложила пальцы к шее и не почувствовала ничего — ни пульса, ни кожи, только собственный ожог.

Эрена оттолкнула её руку, проверила сама.

— Жив. Дышит плохо. На спину не класть.

Она распоролла рубаху Нарела. Старая рана на боку закрылась, но под кожей росло давление: чужой Свет снова запечатал выход, который лекарь столько дней удерживала открытым.

— Трубка ушла внутрь, — сказала Эрена. — Мне нужны щипцы, чистая вода и двое, которые не упадут в обморок.

— Я, — сказал Аскар.

— У тебя рука.

— Вторая целая.

Мейра назначила второго стражника. Эля попыталась подняться, но Эрена остановила её одним взглядом.

— Ты уже не видишь собственных пальцев.

— Вижу.

— Сколько?

Эля посмотрела. Пальцы двоились.

— Достаточно.

— Лисса!

Девочка выбралась из-под корыта, белая от пыли, с целой дощечкой в руках.

— Отведи её к стене. Не позволяй колдовать, держать меч и говорить, что всё нормально.

— Это три разных задания.

— Справишься.

Лисса взяла Элю за здоровую руку. Не потянула, просто встала рядом и ждала, пока та сделает первый шаг сама.

Они дошли до стены. Там трава проросла сквозь сапог Варса и обвила подошву. Пленный сидел неподвижно, хотя мягкая петля на запястье лопнула от разбухшего кольца.

— Ты свободен от стола, — сказала Лисса. — Не от ареста.

— Я понял.

Он смотрел на место, где лежал Нарел.

— Посредник не сказал, что случится.

— Ты это уже говорил.

— Я думал, сосуд — слово для дорогой живой вещи.

Эля прислонилась затылком к камню.

— Так и есть. Только вещь оказался человек, а дорогим — то, что из него выжимают.

Варс отвернулся.

Это не было раскаянием. Возможно, всего лишь страхом оказаться следующим. Эля не стала выбирать за него лучшую причину.

Операцию провели прямо на глине. Эрена разрежала слишком быстро закрывшуюся ткань, нашла трубку и выпустила кровь с прозрачной золотистой жидкостью. Аскар держал Нарела за плечи и вслух называл дороги, которые тот прошёл сам: Ильмарский двор, ярмарка Ровеля, северная телега, Серый Брод, Кремнёвая Застава. Не белую комнату. Не чужие приказы.

На третьем названии Нарел открыл глаза.

— Ямы, — прошептал он.

— Уже позади.

— Восемь ушли.

— И один остался.

— Ты всегда так считаешь?

— Только когда боюсь.

Нарел дышал. Этого пока хватало.

Возницу оперировали следующим. Световой рост пришлось разрезать вокруг наконечника, вынимать железо и заново очищать рану. Узкий шов Эли сохранил ему кровь на дороге, но теперь не избавлял от лихорадки, боли и недель без опоры на ногу. Человеку Ковена отмачивали приросший рукав. Дозорному со старым переломом наложили шины и объяснили, что нога останется целой, если он перестанет требовать топор.

Никто не вышел из перелива чудесно исцелённым. У двоих исчезли мелкие шрамы, у троих появились новые проблемы поверх старых. Мейра получила прямые пальцы и больше не могла привычно держать меч: сухожилия изменили натяжение. Эрена обожгла обе ладони и продолжала работать чужими инструментами, зажимая их тканью.

К вечеру застава пахла уксусом, мокрой золой и свежей листвой.

Мейра запретила убирать двор до окончания осмотра. Приказ оказался труднее исполнить, чем отдать. Молодые ветви продолжали давить на стены, белый пепел забивал водосток, а корни под плитами удерживали двери открытыми. Стражники прорубали только проходы для носилок. Каждый срез отмечали мелом и заносили в схему, чтобы позднее никто не выдал обычный топор за след магического взрыва.

Лисса переписала уцелевшие записи начисто. Первая дощечка треснула под корытом, но буквы сохранились. Вторая копия появилась у городского писаря. Третью Мейра продиктовала связисту и отправила в Серый Брод до наступления темноты.

— Там не поверят, — сказал Варс.

Он снова был связан, теперь обычной верёвкой и дальше от живых стен.

— Поэтому получают не просьбу поверить, — ответила Лисса. — Получат время, имена и то, что каждый видел сам.

— Ты всегда такая?

— Только когда взрослые сначала всё ломают, а потом спрашивают, как доказать, что оно было целым.

Эля сидела у колодца, опустив обожжённую руку в таз с прохладной водой. Пальцы уже не двоились, зато каждый сгиб отзывался болью. Эрена запретила Свет и наложила мазь из воска, уксуса и горькой травы. На этот раз ожог был глубже прежних. Не потому, что Лиарис потребовала цену, а потому, что человеческая проводимость имела предел и Эля снова подошла к нему слишком близко.

Аскар сел рядом не с северной, а с восточной стороны. Понял это только после того, как посмотрел на тень колодца.

— Не говори, — попросил он.

— Я ничего.

— Именно этим голосом ты обычно ничего и говоришь.

Эля пододвинула к нему кружку. Он взял её перевязанной рукой и едва не поставил обратно в таз вместо камня.

— На несколько дней никаких Порогов, — сказала она.

— На несколько дней никаких световых взрывов.

— Я не взрывала.

— Конечно. Ты убедительно помогла взорваться другому предмету.

Они сидели плечом к плечу, наблюдая, как стражники обходят золотую борозду. Никто не произнёс, насколько близко связь подошла к Эле. Не нужно было. Аскар видел её руку. Она видела, как он ищет ворота взглядом каждый раз, когда кто-то называл дорогу.

— Ты сказал ему наши дороги, — произнесла Эля.

— Те, которые он выбрал сам.

— Ильмар он не выбирал.

— Выбрал работать там. Остальное сделали с ним после.

Разница была маленькой, но Нарелу, возможно, требовалась именно она: его жизнь не начиналась с белой комнаты и не сводилась к тому, что в него поместили.

— Хорошо придумал, — сказала Эля.

Аскар отпил воды.

— Запиши. В следующий раз предъявлю как доказательство полезности.

К осколкам подошли только после заката.

Эрена проверила каждый железной иглой. Если возле стекла оставалась мана, на кончике появлялся золотой блеск. Девять фрагментов пришлось оставить под мокрым пеплом. Остальные разложили на белой ткани в том порядке, в каком они лежали под одеялом.

От колбы сохранилось семнадцать крупных частей. Глиняная пятка раскололась на три. Верхнее серебряное горло сплющилось, но резьбу можно было прочесть. Нижний пакет пластин вышел вместе со стержнем и частью чёрной заливки.

— Не чистить, — сказал Аскар.

— Я знаю, — ответила Эрена.

— Ты уже тянешься к щётке.

— Я лекарь. Грязь оскорбляет меня лично.

Она убрала руку.

Мейра поставила вокруг ткани четыре масляные лампы. Пригласила кузнеца заставы, стекольщика из обозной артели и человека Ковена, знавшего торговые клейма. Каждый осматривал детали отдельно и говорил до того, как услышит остальных.

Кузнец узнал местную медь, но не способ её протяжки.

— Ребро вырезали у нас, — сказал он. — Потом растянули холодным. Так делают на юге, где экономят уголь и не боятся трещин.

Стекольщик подтвердил колбу Серого Брода по пузырям и зелёному краю, но указал на внутреннюю полировку.

— Наши сосуды не полируют изнутри после обжига. Горло слишком узкое. Это сделали до того, как приделали серебро, значит, прибор разбирали полностью.

Человек Ковена нашёл на серебряной резьбе старый Морвейский налоговый надрез. Рядом стоял более свежий знак элирийской лечебной проверки. Ни один не покрывал нижнюю пластину.

Три эксперта не смогли назвать одну мастерскую. Именно это и было выводом.

Накопитель не старел случайными ремонтами. Его разбирали, добавляли внутреннюю полировку, обратную петлю и пакет проводников, а затем возвращали внешний вид дешёвого городского прибора.

— Могли собирать постепенно, — сказал человек Ковена. — Один владелец чинит вещь в разных землях.

— Могли, — согласилась Эля. — Поэтому пока записываем только несовместимость работ, не умысел.

Варс наблюдал из-за круга стражников.

— Белый счёт дал его вам?

— Он был нашим, — ответила Эрена.

— Тогда при чём здесь заказ?

Вопрос был правильным и неприятным. Накопитель хранился в лечебнице Серого Брода много лет. Если сеть заранее изменила именно его, ей требовался доступ к городскому имуществу задолго до появления Нарела. Если не изменяла, обычный старый ремонт случайно оказался способен замкнуть внешний поток.

— Пока ни при чём, — сказала Эля. — Пока это отдельная улика.

Она не позволила удобству соединить их раньше доказательств.

Лисса внесла рядом две версии.

Первая: устройство изменили намеренно для работы с живыми проводниками и каким-то способом вернули в лечебницу.

Вторая: разнородные детали стали опасны только из-за необычного состояния Нарела, а связь с нападением возникла случайно во времени.

— Вторая скучная, — сказала Лисса.

— Зато обязана прожить, пока мы её не убьём фактами, — ответила Эля.

Самой трудной оказалась чёрная заливка. После исчезновения маны она больше не затягивала порезы. Под лупой в ней виднелись металлические зёрна трёх цветов. Кузнец снял тонкий слой и обнаружил край белой пластины, которую сначала приняли за часть пакета.

Она была тоньше ногтя и не проводила к стержню. Лежала внутри заливки скрыто, без ремесленной функции.

— Метка владельца? — предположила Мейра.

— Мастерскую так не ставят, — сказал кузнец. — Клеймо должно отвечать за работу. Это спрятали.

Пластину не стали вынимать. Сначала обвели положение на схеме, измерили расстояние до каждого крепления и вызвали двух новых свидетелей из гарнизона. Только затем Эрена размягчила остаток заливки уксусом, а Аскар поднял металл деревянной лопаточкой.

На белой поверхности проступил знак.

Раскрытая ладонь над половиной солнечного диска. Обычный символ Лиарис — почти обычный. Но линия большого пальца уходила внутрь ладони и превращалась в три крошечных луча у запястья. Знак был нанесён не ударом. Металл изменил цвет по самой линии, словно ману провели через него при изготовлении.

Эрена перестала дышать на один удар сердца.

— Ты знаешь его, — сказала Эля.

— Я видела похожий.

— Где?

— Давно. И недостаточно близко, чтобы клясться.

Лекарь училась в Элирии и когда-то работала рядом с людьми, чьи имена в Сером Броде произносили только по праздникам. Эля не стала давить. Ошибка Эрены превратила бы настоящее доказательство в слух.

— Даже если знак настоящий, — сказала Эрена, — он не отвечает на главный вопрос.

— Как попал внутрь?

— И когда. Личная печать может лежать на старом благословлённом инструменте двадцать лет. Её могут украсть, срезать, переплавить или скопировать вместе с куском металла. Это не письмо, которое человек подписал вчера.

Человек Ковена кивнул с неожиданной готовностью.

— В долговых делах личный знак подтверждает участие только вместе с датой и непрерывной передачей. Сам по себе он доказывает происхождение предмета, не приказ владельца.

— Значит, пока у нас происхождение, — сказала Эля. — Если подтвердится.

— И свежая мана, — напомнила Лисса.

— Свежая в Нареле. Не обязательно в пластине.

Девочка недовольно прикусила конец пера, но вычеркнула слишком сильный вывод. Рядом записала три вопроса: несёт ли сама пластина остаток действующего канала; можно ли определить возраст проведённой через неё маны; является ли линия подлинной личной печатью или точной копией.

Обычная игла Эрены ничего не показала. Золотой блеск появлялся возле стекла и медных рёбер, но белая пластина оставалась холодной. Это могло означать, что она никогда не

проводила силу. Или что умела удерживать её лучше дешёвого измерителя. Или что взрыв выжиг след.

— Три ответа, каждый удобен разному человеку, — сказала Мейра.

— Поэтому нужен тот, кто знает знак и способ его нанесения, — ответила Эля.

До прихода такого свидетеля они разделили осколки не по материалу, а по месту находки. Части горла легли в один железный ящик, нижнего узла — во второй, стекло и глиняная пятка — в третий. Белая пластина осталась под прозрачной миской на столе, чтобы никто не мог потом утверждать, будто знак обнаружили уже после упаковки.

Каждый ящик получил три полосы воска: заставы, меры и дорожной конторы. Эля возразила против последней.

— Ковен всё ещё требует Нарела.

— Поэтому его печать полезна, — сказала Мейра. — Если он откажется, позднее скажет, что мы подменили содержимое. Если согласится, не сможет забрать ящик один.

Человек Ковена запросил письменное разрешение агента. Гонец встретил самого Ковена на дороге: тот ехал к заставе после первого сообщения о засаде. Прибыл через час, увидел разрушенный двор и долго ничего не говорил.

— Это сделали мои бумаги? — спросил он наконец.

— Ваши бумаги помогли выбрать Нарела, — ответила Эля. — Накопитель был городским. Нападавшие пришли за тем же человеком. Связь между этими вещами ещё устанавливаем.

Ковен осмотрел Варса, белый расчётный знак и три ящика. Не пытался смягчить формулировку «живой сосуд» в показании.

— Моя контора не пользуется Белым счётом, — сказал он.

— Подпишите?

— Подпишу, что не знаю такого расчётного обозначения и не выдавал заказ. За все конторы Морвея отвечать не стану.

Он поставил печать на ящиках именно в этих пределах. Отдельно потребовал копию слов Варса о трёх палатах, через которые прошёл аванс. Это не делало его союзником. Просто чужая сеть использовала долговую систему так, что теперь угрожала её лицензированной части.

— Утром отправлю запросы во все три города, — сказал Ковен. — Если серебро выдали по настоящим счетам, останутся номера.

— Если палаты согласятся отвечать.

— Они ответят мне быстрее, чем вам. Иногда неприятный человек полезен тем, что знает других неприятных людей.

Аскар, сидевший у стены, поднял кружку в знак признания.

После опечатывания два ящика оставили в связной комнате под круглосуточной сменой. Третий Мейра велела перенести в старую пороховую нишу, где никогда не хранили пороха и потому не было дерева. Ключи разделили между ней, Ковеном и Лиссой.

— Почему мной? — спросила девочка.

— Потому что ты не принадлежишь ни заставе, ни конторе, — ответила Мейра. — И потому что уже доказала, что умеешь не путать предмет с выводом.

Лисса спрятала ключ в отдельный мешочек на шее. Выглядела гордой ровно один вдох, затем спросила, кто будет держать запасной, если её убьют.

— Запасного нет, — сказала Мейра. — Если с тобой что-то случится, вскрыем замок при свидетелях и запишем повреждение.

Ответ Лиссу устроил больше любого обещания безопасности.

Мейра послала человека за служителем Лиарис из дорожного святилища. Тот прибыл ночью, запыхавшийся и недовольный тем, что его подняли с молитвы, пока не увидел двор.

Служителя звали Орен Таль. Он был невысоким седым мужчиной с солнечным диском на воротнике и чернилами на двух пальцах. Сначала осмотрел Нарела, выслушал Эренино описание перелива и только потом подошёл к пластине.

— Не касайтесь, — предупредила Мейра.

— Я пока дорожу руками.

Орен наклонился над знаком. Недовольство исчезло. Он попросил переставить правую лампу, затем левую. Проверил три луча через стекло и прочитал вслух запись времени извлечения.

— Кто уже называл имя? — спросил он.

— Никто, — ответила Эля.

— Эрена?

— Сказала, что видела похожий.

Орен выпрямился.

— Правильно сказала.

— Вы узнаете знак?

— Да.

Одно слово изменило комнату сильнее длинной проповеди.

— Чей? — спросила Мейра.

Служитель посмотрел на писаря, двух стражников, людей Ковена и Варса за их спинами. Потом на закрытый сундук, в котором уже лежали остальные осколки.

— Если я назову сейчас, завтра половина Элирии скажет, что дорожный жрец испугался сломанной лампы и оклеветал человека выше собственного сана. Вторая половина пришлёт людей забрать пластину до рассвета.

— Нам нужны не политические удобства, — сказала Эля.

— Именно поэтому я не дам вам удобного имени без обряда проверки.

— Вы уверены или нет?

Орен снова посмотрел на три луча у запястья.

— Я уверен достаточно, чтобы бояться ошибки. Запечатайте пластину тремя печатями. На рассвете нужны представитель меры, независимый жрец и свидетель, знающий личные знаки наместников. Тогда я произнесу имя и отвечу за него перед Лиарис.

Из соседней комнаты донёсся голос Нарела:

— А если до рассвета придут за ней?

Орен побледнел: он не знал, что пациент слышит.

Мейра закрыла белую пластину стеклянной крышкой. Поставила первую печать. Эля — вторую как свидетель расследования. Третью Орен держал над воском несколько секунд, прежде чем прижать знак дорожного святилища.

— Тогда им придётся войти через всю заставу, — сказал он.

— Сегодня уже пытались, — ответил Нарел.

Орен всё-таки поставил печать.

Мейра распределила ночные смены так, чтобы ни один отряд, служитель или человек Ковена не оставался у улики без представителя двух других сторон. Варса перевели в каменную комнату с открытым смотровым окном. Нарелу оставили тот же выход во двор и поставили рядом не новый накопитель, а обычную лампу.

Лисса проверила три печати ещё раз. Аскар, не доверяя направлению, привязал от двери Нарела до связной комнаты светлую верёвку. Эля хотела сказать, что это лишнее внутри маленькой заставы, но промолчала. Сегодня дорога уже дважды притворялась проще, чем была.

— На рассвете имя не изменит того, что случилось, — сказал Нарел.

— Нет, — ответила Эля. — Но изменит, куда мы пойдём дальше.

Имя осталось произнесённым.
Рассвет должен был дать ему направление.
Пока.

Глава 12. Печать наместницы

К рассвету у стеклянной крышки стояли семь человек и ни один не доверял остальным достаточно, чтобы назвать это согласием.

Мейра представляла заставу. Харен прибыл из Серого Брода от меры. Орен Таль — дорожное святилище Лиарис. Вместе с ним приехала служительница соседнего лечебного дома, Вела Рин, которая прежде никогда не видела осколков и не слышала предполагаемого имени. Ковен присутствовал как сторона долгового спора. Эрена — как лекарь и свидетель извлечения. Седьмой была Эля.

Лисса сидела за отдельным столом с тремя копиями протокола. Аскар держался у окна, откуда видел северную дорогу и мог не спрашивать, где она. Нарел остался в открытой комнате через двор. Его участие в проверке не требовалось, но право слушать никто не отнял.

Орен начал не с молитвы.

— Печати целы?

Каждый назвал свою. Воск меры не треснул. Знак заставы не сместился. Оттиск святилища сохранил тонкую царапину на верхнем луче — Орен сделал её перед запечатыванием и не записал место вслух.

— Крышку открывает Харен, — сказал он. — Я не касаюсь пластины. Вела не смотрит на мои записи, пока не даст собственное описание.

Харен срезал три восковые полосы. Поднял стекло. Белая пластина лежала на чёрной ткани так же, как ночью: раскрытая ладонь, половина солнечного диска и три малых луча у запястья.

Вела наклонилась над знаком.

— Общий символ Лиарис изменён личной линией, — сказала она. — Большой палец замыкается внутрь ладони. Три луча выходят из запястья, средний короче боковых. Металл изменён проведённым Светом, не резцом.

Лисса записала описание. Только после этого Орен развернул свою ночную запись. Формулировки различались, признаки совпадали.

— С кем связан знак? — спросил Харен.

Вела не ответила сразу. Попросила принести храмовый реестр.

Это была не книга с оригинальными печатями наместников. Такие хранили в Элирии. Дорожным святилищам выдавали металлические контрольные листы: изображения без действующей маны, заверенные двумя храмами и обновляемые при смене земного проводника.

Орен открыл ящик двумя ключами. Достал девять тонких листов, каждый в отдельной ткани. Передал их Веле лицом вниз.

Она нашла нужный на шестой попытке.

Контрольный знак был меньше и тусклее. Большой палец уходил внутрь. У запястья лежали три луча, средний короче боковых.

— Личная печать Саэлы Норвейн, — сказала Вела. — Действующей наместницы Лиарис.

Орен повторил имя.

Харен повторил вывод для протокола.

Слова прошли через двор и достигли комнаты Нарела. Накопителя рядом с ним больше не было. Всё равно Эля увидела, как он сжал край одеяла.

Свет под кожей не вспыхнул.

Это было первым облегчением утра и ещё ничего не доказывало.

Ковен нарушил тишину первым.

— Наместница могла благословить деталь до того, как она попала в накопитель.

— Могла, — ответил Орен.

— Печать могли украсть.

— Могли.

— Значит, имя не связывает её с нападением или долговыми делами.

— Не связывает.

Лисса подняла голову от протокола, явно ожидая спора. Орен не спорил. Он сел напротив пластины и положил ладони на стол так, чтобы все видели пустые пальцы.

— Проверка установила одну вещь, — сказал он. — Эта линия воспроизводит личный знак Саэлы Норвейн способом, который использует Свет. Всё остальное требует отдельного доказательства.

— Тогда зачем вы боялись назвать имя? — спросила Мейра.

— Потому что наместник — не богатый жрец с красивой печатью. Одно его имя заставляет людей принимать происхождение за приказ бога.

Он попросил принести чистую воду и неглазурованную чашу. Не для обряда, а чтобы объяснить на вещах.

— Лиарис открывает ману многим, — сказал Орен, наливая воду тонкой струёй. — Каждому столько, сколько пожелает открыть, и не всегда по понятной нам причине. Наместник один. Не воплощение богини, не её тело и не голос, который никогда не ошибается. Живой человек, получивший постоянный широкий доступ и право представлять культ на земле.

Он поставил чашу под струю. Вода быстро поднялась до края.

— Источник обильнее обычного, но сосуд остаётся человеческим. Саэла устает. Может ошибиться. Может отказаться. Может принять плохое решение. Если её убить, Лиарис со временем выберет другого проводника. Если заставить силой сделать то, на что она не согласна, доступ должен закрыться или исказиться.

— Должен? — переспросила Эля.

— Боги видят волю не так, как судья видит подпись. Мы знаем правило по последствиям, не по разговору с Лиарис за завтраком.

Перед Элей был служитель, вода и правило, которым люди пытались описать силу больше собственных учреждений.

Орен убрал кувшин. Чаша перестала переполняться.

— Друг бога получает поток без обычного истощения источника, — продолжил он. — Но тело всё равно ограничивает форму. Наместник не может бесконечно лечить города, не спать год и не находиться в двух местах. Поэтому личные проводники и накопители готовят заранее, а каждое крупное благословение записывают.

— Записи Саэлы доступны? — спросил Харен.

— Центральный храм хранит реестр. Дорожное святилище получает только контрольные знаки и список официальных поездок.

— Где она сейчас?

Орен взглянул на Велу.

— По последнему уведомлению — в длительном уединении. Официальные приёмы отменены. Переписка идёт через Дом Сольвейн и храмовый совет.

— Как давно?

— Около года.

Эля почувствовала, как Харен перестал писать. Не потому, что срок доказывал преступление. Потому что Нарела наполняли Светом в пределах этого же года, а подлинный сосуд Сольвейнов украли совсем недавно.

— Уединение наместницы законно? — спросила она.

— Наместница не заключённая собственного сана. Она имеет право исчезнуть от советов, паломников и людей, которые считают любое исцеление личным долгом перед ними.

— И передавать доступ через дом?

— Передавать доступ нельзя. Можно заранее благословить предмет, открыть поток конкретному служителю или позволить храму использовать подготовленную форму. Но мана всё равно проходит от Лиарис через живого проводника.

— Значит, если след в Нареле свежий...

— Значит, кто-то с действующим доступом провёл его недавно. Это могла быть Саэла. Мог быть другой маг Света. Могла сохраниться заряженная вещь, которую мы пока не нашли.

Орен не давал им удобного прыжка. Эля была благодарна и раздражена одновременно.

Вела провела вторую проверку. Пластину поместили под пустой стеклянный колпак, рядом поставили контрольный лист Саэлы и обычный храмовый знак. Вела открыла собственную Искру Света и коснулась каждого одинаковой узкой формой.

Обычный знак лишь нагрелся. Контрольный лист отозвался ровным белым отблеском. Скрытая пластина сначала осталась холодной, затем на трёх лучах выступил золотой свет.

Он мигнул коротко, длинно, коротко.

В комнате Нарела кровать скрипнула.

Эля уже была во дворе, когда он сказал:

— То же самое.

Золотая линия появилась у запястья и погасла. Не перелив. Отклик.

Орен и Вела подошли следом. Пластину не вынесли из комнаты, поэтому расстояние между ней и Нарелом оставалось больше двадцати шагов и каменная стена.

— Повтори проверку, — сказала Эля.

— Сначала его согласие, — ответила Вела.

Нарел посмотрел на неё настороженно.

— Что случится?

— Я снова проведу малую Искру через знак. Если твоё тело откликнется, прекращу сразу. Это может причинить боль. Может не сделать ничего. Отказ не повлияет на лечение и защиту.

Он попросил дать ему минуту. Никто не заполнял тишину убеждением.

— Делайте, — сказал Нарел. — Один раз.

Лисса записала условие и время.

Вела вернулась к пластине. Орен остался у Нарела, пальцы держал на его пульсе, не открывая собственный Свет.

Вторая проверка дала тот же ритм.

Нарел вздрогнул. Губы произнесли раньше сознания:

— Я согласен принять.

Он тут же зажал рот рукой.

— Это не моё.

— Записали, — сказал Харен из дверей. — И первое, и второе.

Вела закрыла доступ. Свет на пластине исчез. Под кожей Нарела отклик прекратился через два удара сердца.

Теперь между вещами существовала связь: знак отзывался на малую ману в том же ритме, который жил в Нареле, и тело повторяло формулу согласия. Но связь всё ещё не говорила, кто создал форму и при каких обстоятельствах.

— Пластина могла настроить накопитель на заранее благословлённые предметы Саэлы, — сказал Ковен.

— Могла, — согласилась Вела.

— Тогда наместница вообще не обязана знать о Нареле.

— Не обязана.

— А могла участвовать добровольно, — сказала Мейра.

Орен медленно кивнул.

— Могла считать, что лечит людей через удалённую форму. Могла согласиться на испытание живого проводника. Могла дать знак одному человеку, который изменил назначение. Есть и худшие версии.

— Назовите, — потребовала Эля.

— Не как вывод. Как направление проверки.

— Назовите.

Орен посмотрел на Нарела.

— Доступ закрывается при прямом принуждении, если проводник осознаёт принуждение. Но если человеку подменить память о собственном решении, бог может увидеть согласие там, где свободной воли уже нет.

Никто не произнёс слово «плен».

Оно всё равно вошло в комнату.

Нарел первым отказался от него.

— Нет, — сказал он. — Не записывайте то, чего я не помню.

Харен остановил перо.

— Мы записываем версию Орена.

— Тогда рядом напишите, что я не видел женщину, не слышал её имени и не знаю, кто говорил со мной в белой комнате.

— Напишем.

— И что согласие повторял мой рот. Не я.

Орен сел на край лежанки, оставив между ними расстояние.

— Это важно.

— Тогда почему вы сразу придумали за неё целую судьбу?

Служитель принял удар без защиты саном.

— Потому что знаю обряды, которыми память можно убедить в неслучившемся. Но знание способа не доказывает, что его применили здесь.

— Хорошо. Запишите и это.

Лисса записала. Эля смотрела, как Нарел возвращает себе дело строка за строкой. Вчера его называли сосудом люди с крюками. Сегодня даже союзники почти превратили его в удобное подтверждение чужого плена. Разница в намерениях не отменяла привычки решать за него.

— Проверку больше не повторяем, — сказала Эля.

Вела убрала контрольные листы.

— Не потребуется. Ритм установлен дважды.

— Свежесть можете установить без Нарела?

— Попробуем.

Для этого понадобилась пластина, два пустых накопителя из дорожного святилища и солнечный двор. Орен принёс устройства утром: новые, одинаковые, с одним клеймом Орилейнской стекольной артели. Ни одно не было заряжено.

Пластину поместили между ними. В первый накопитель Вела провела ровно одну Искру через обычный храмовый знак. Голубая капля появилась и медленно осела на дно. Во второй — ту же форму через личную печать Саэлы.

Капля возникла золотой. Коротко вытянулась, вернулась, затем снова вытянулась дольше и дрогнула в третий раз.

— Она не просто хранит старый заряд, — сказала Вела.

— Почему? — спросила Мейра.

— Потому что я дала одинаковую ману обоим знакам. Обычный пропустил мою форму. Личный добавил свой ритм.

— Старый рисунок может сохранять форму годами, — возразил Ковен.

— Может. Поэтому ждём.

Оба накопителя поставили под стеклянные колпаки. Никто к ним не прикасался. Через четверть часа голубая капля в первом осталась прежней. Золотая во втором выросла на толщину волоса.

Ещё через четверть часа — снова.

— Подпитывается, — сказал Аскар.

Орен кивнул.

— Слабо. Через дальнюю связь или остаточный канал. Заранее благословлённый предмет отдаёт то, что получил. Этот принимает новое.

— От Саэлы?

— От источника, на который настроена её личная форма. Лиарис не подписывает каждую каплю именем проводника.

— Но знак Саэлы.

— Да.

Сочетание стало тяжелее каждой отдельной части. Личная печать. Свежая подпитка. Ритм ложного согласия. Годовое уединение. Ни одно не доказывало плен. Вместе они делали версию о старой украденной детали всё менее достаточной.

Харен составил четыре колонки.

В первой лежали факты: знак подлинный; пластина встроена без ремесленной функции; она добавляет ритм к чужой мане; связь подпитывается после разрушения накопителя; тот же ритм вызывает у Нарела формулу согласия.

Во второй — подтверждённые источники: два служителя, контрольный лист, два одинаковых новых накопителя, записи Лиссы и мера времени заставы.

В третьей — версии: заранее благословлённая деталь; украденная личная печать; добровольное участие Саэлы; использование доступа через подменённую память.

Четвёртую Лисса назвала «что сломает версию».

Для старой детали — доказательство продолжающейся подпитки. Для случайной кражи — другие устройства с тем же контуром. Для добровольного участия — несоответствия в письмах и официальных поездках Саэлы. Для подмены воли — законная экспертиза памяти, которую в Серой Марке провести было некому.

— Эту колонку нужно заводить для каждого обвинения, — сказала она.

Харен посмотрел на исписанный лист.

— Ты хочешь удвоить работу меры.

— Я хочу, чтобы после суда не выяснялось, что мы три недели доказывали удобную мысль.

— Это и есть удвоить работу меры.

Он всё равно переписал заголовок.

К полудню пришёл ответ из Серого Брода. Южный приют Сольвейнов подтверждал, что партия семьдесят четыре была освящена обычным храмовым кругом, без личной печати наместницы. Центральный номер проверки в местной книге отсутствовал: его требовалось запросить в Элирии. Сестра Терина добровольно приложила имена трёх служителей, принявших партию, и просила не уничтожать оставшиеся флаконы сравнительными опытами.

— Она защищает дом, — сказала Мейра.

— И доказательства, — ответила Эля. — Пока эти вещи совпадают.

Второй ответ принёс человек Ковена. Одна из трёх контор признала выдачу части аванса Варсу по обычному дорожному поручению. Платательщик проходил под номером фонда, имя было закрыто Морвейской банковской тайной. Две другие ещё молчали.

— Запрос совета домов откроет номер, — сказал Ковен. — Или приказ суда Морвея через месяц.

— У нас нет месяца.

— Тогда вам нужен великий дом.

Эля поняла, к чему он ведёт, прежде чем Ковен назвал направление.

— Вейры.

— Вы имеете право обратиться к деду.

Слово прозвучало непривычно. Аэлиан Вейр был фактическим дедом Эли, отцом Эльвиры, человеком, который считал дочь и внучку погибшими. В первом томе эта дорога осталась не пройдена. Теперь она лежала перед Элей не как семейное возвращение, а как политическая необходимость, что делало её одновременно проще и хуже.

— Я не имею права говорить от его имени, — сказала она.

— Но имеете право попросить защиты и разбирательства.

— Он может отказать.

— Может, — ответил Ковен. — Тогда отказ тоже станет фактом.

Аскар стоял у карты заставы. Север находился справа от него, и он уже дважды проверил это по окну.

— Если идти в Элирию, — сказал он, — мы не можем нести единственный знак с собой.

— Почему? — спросил Харен.

— Потому что нападение уже заставило нас перевезти Нарела туда, где они подготовили засаду. Следующий очевидный шаг — Элирия. Значит, его тоже ждут.

— Оставим оригинал здесь?

— Оставим часть улики здесь, часть в Сером Броде, а везти будем то, что можно проверить заново.

Орен возразил:

— Личную печать должны увидеть в центральном храме.

— Увидят, когда три независимых письма дойдут раньше нас, — сказал Аскар. — Если мы пропадём с пластиной, храм хотя бы узнает, что искать.

План занял остаток дня.

Оригинальную белую пластину запечатали в каменной нише заставы вместе с нижним узлом. Один из новых накопителей, показавший подпитку, отправляли в Серый Брод под охраной меры. Второй должен был ехать в Элирию с Элей, но заряд снимали и повторяли опыт при новых свидетелях на каждой крупной остановке.

Сделали восемь точных прорисовок знака. Три сопровождалась протоколом храмовой проверки. Две — показаниями Нарела. Одна уходила в Дом Вейр. Одна — в независимый храм Лиарис в Лиарене. Последнюю Харен спрятал в городском архиве под делом о сгоревшей сенной клетке, чтобы поиск по имени Саэлы её не нашёл.

— Это незаконно? — спросила Лисса.

— Нет, — ответил Харен. — Но очень невежливо по отношению к будущему архивисту.

— Я оставлю пометку после суда.

— Если будет суд.

— Тогда после того, что будет вместо него.

До выбора дороги Харен провёл ещё одно слушание прямо во дворе заставы.

Крыша над весовой площадкой была пробита ветвью, поэтому стол поставили под открытым небом. На нём лежали не сами улики, а заверенные описи: нападение, показание Варса, белая расчётная пластинка, разбор накопителя, храмовая проверка и два опыта со свежей подпиткой.

— Мы не решаем судьбу Саэлы Норвейн, — начал Харен. — Не обвиняем Дом Сольвейн, храм Лиарис, Морвейские конторы или Наместницу. Решаем, достаточно ли установленных рисков для продолжения защиты Нарела Эста и передачи дела другой юрисдикции.

Ковен поднялся как держатель внешнего требования.

— Семь венов долга не исчезли.

— Не исчезли, — согласился Харен.

— Нарел добровольно едет в сторону государства, где одна из заинтересованных сторон имеет власть. Это создаёт риск уклонения.

— Я еду лечиться, — сказал Нарел из открытой комнаты.

— Я обязан назвать юридический риск, не приписываю вам намерение.

Ковен говорил сухо, но после засады перестал прятать человека внутри слова «имущество».

— Какое решение вы предлагаете? — спросил Харен.

— Заморозить взыскание на тридцать дней. Нарел сохраняет долг, но не подлежит передаче ни моей конторе, ни другому держателю до независимого осмотра. Я получаю копии останков маршрута и право направить наблюдателя без командования охраной.

— Почему тридцать?

— Достаточно, чтобы добраться до Лиарена и зарегистрировать спор. Недостаточно, чтобы дело исчезло в архивах великого дома.

Эля ожидала ловушки. Нашла только интерес конторы сохранить законность там, где неизвестный заказчик использовал её бумаги как часть охоты.

— Наблюдателя выбирает мера, — сказала она. — И Нарел может потребовать его замены на любой остановке с письменной причиной.

Ковен подумал.

— Согласен, если замена не останавливает срок.

— Согласен, — сказал Нарел.

Орен взял на себя храмовую часть. Дорожное святилище признавало личный знак подлинным по контрольному листу и сообщало центральному храму о продолжающейся подпитке. При этом в формулировке запрещалось слово «плен», пока не появится доказательство местонахождения или несвободной воли Саэлы.

— А если храм скроет сообщение? — спросила Лисса.

— Тогда две внешние копии покажут, что он его получил, — ответил Орен. — Одну хранит мера. Вторую я отдам Веле, а не своему начальнику.

Мейра продлила защиту Нарела на территории Серой Марки до самой границы и выделила четверых стражников на первые три дня. Дальше их должны были сменить люди Вейров или независимая дорожная охрана.

— Если никто не встретит? — спросила Эля.

— Двое пойдут до Лиарена за счёт заставы, — сказала Мейра. — Потом пришло счёт Дому Вейр. Если они великие, переживут.

Харен свёл решения в один лист. Каждая сторона подписала только собственную обязанность. Никто не получил право отменить остальные одной печатью.

Лисса добавила четвёртую копию для Нарела.

— Зачем мне? — спросил он.

— Чтобы в Элирии вам не объяснили ваше же решение другими словами.

Он сложил лист и спрятал рядом с ножом.

Только после этого защита перестала быть обещанием нескольких уставших людей. Она стала неудобной конструкцией из сроков, копий и взаимного недоверия. Именно такие конструкции иногда держались дольше добрых намерений.

Решение о людях оказалось сложнее решения о бумагах.

Нарел мог остаться в Кремнёвой Заставе под гарнизонной защитой. Мог вернуться в Серый Брод, где мера уже признала его свободным свидетелем. Мог ехать в Элирию для независимой экспертизы собственного состояния и связи с печатью.

Харен перечислил варианты без рекомендации.

— Где меньше шанс, что меня снова запрут? — спросил Нарел.

— На заставе легче защищать стены, — ответила Мейра. — Но одна дорога, один колодец и сорок человек. Если перекроют снабжение, мы станем клеткой вместе с тобой.

— В Сером Броде есть мера, — сказал Харен. — И те, кто уже поджёг архив, украл лекарство и проверил калитку.

— В Элирии есть люди, чей знак нашли в приборе, — добавил Ковен.

Нарел посмотрел на Эреныны обожжённые ладони.

— А лечение?

— Тебе нужен лекарь, умеющий работать с большим световым каналом, — сказала она.

— Я умею не дать тебе умереть на дороге. Закрывать внешний поток здесь не могу.

— В Элирии могут?

— Могут знать больше. Это не обещание.

Он попросил карту. Аскар разложил её на полу комнаты, потому что стол заняли лекарства. От Кремнёвой Заставы до первых элирийских ворот дорога шла на северо-запад, затем через Долину Астереля к Лиарену. Не самый короткий путь к столице, зато через города, где Дом Вейр имел постоянные дворы и людей.

— Сколько? — спросил Нарел.

— Если ты выдержишь повозку — около двух недель до Лиарена с остановками, — ответил Аскар. — Дольше, если дорога после дождей размоется. До первого дома Вейров меньше.

— Открытая повозка остаётся.

— Остаётся.

— Я решаю на каждой заставе, еду дальше или нет.

— Запишем.

— И Варс?

Мейра ответила:

— Останется под арестом. Его показание уйдёт тремя копиями. Везти человека, за которым могут вернуться его же наниматели, рядом с тобой неразумно.

— Он знает посредника.

— Знает часовню и голос. Это проверят отдельным отрядом.

Нарел долго смотрел на линию дороги.

— Тогда еду. Не ради печати. Ради того, чтобы кто-то наконец научился выключать это во мне.

Харен записал причину. Не «согласился на экспертизу», а именно его слова.

Эрена ехала тоже. Объявила это так, будто речь шла о смене комнаты:

— Никто другой не знает, какие ткани уже вскрывали и что Свет успел закрыть. Передам тебя из рук в руки, потом решу, кому доверить обучение Эли.

— Я думала, вы и есть обучение, — сказала Эля.

— Я учу тебя не убивать пациента. Магию придётся учить у человека, который умеет больше двух форм и не ругается во время каждой.

— Таких не бывает.

— В Элирии утверждают обратное. Проверим ещё один миф.

Харен назначил Лиссу хранителем городских копий. Она согласилась слишком быстро.

Эля ждала спора о дороге, самостоятельности и праве довести собственную работу до конца. Вместо этого девочка спросила, сколько писем будет приходить с каждой остановки.

— По одному в Серый Брод, — ответил Харен. — Даже если ничего не случилось.

— Тогда установим срок. Если письмо опаздывает на три дня, я открываю запасную копию маршрута и отправляю предупреждение Вейрам, мере и Орону.

— Ты не хочешь ехать? — спросила Эля.

Лисса посмотрела на неё так, словно вопрос был несправедлив именно своей простотой.

— Хочу. Но если поедут все, кто знает бумаги, здесь останутся люди, которым можно объяснить пожар любой случайностью. И кто-то должен продолжить искать четырнадцать узлов со склада.

Она достала список личных вещей из Сухого Канала. За последние дни мера установила три имени. Один узел принадлежал девушке из Северных Вольниц, второй — рабочему из Далена, третий пока узнавали по деревянной пуговице. Семьи ещё не знали, живы ли пропавшие.

— Это не менее важно, чем наместница, — сказала Лисса.

— Важнее для тех, кто их ждёт, — ответила Эля.

— Вот именно.

Тринадцать лет не делали решение лёгким. Только настоящим. Эля сняла с пояса маленькую латунную коробку для печатного воска и отдала Лиссе.

— Это не оружие, — сказала девочка.

— Ты им опаснее пользуешься.

Лисса открыла коробку, проверила нож для воска и закрыла.

— Вернёшься — заберёшь.

— Если понадобится раньше, присылай счёт.

Они не обнялись. Лисса была на работе, вокруг стояли писари и стража. Позже, когда никто не видел, девочка всё-таки прижалась лбом к плечу Эли на один короткий вдох.

— Не дай им сделать из тебя наследницу раньше, чем ты поймёшь, что это значит, — сказала она.

— Кто тебе рассказал?

— У тебя ужасное лицо каждый раз, когда говорят «Вейр».

— У меня обычное лицо.

— Вот это и ужасно.

Ночевать Эля и Аскар вернулись не в казарму, а в пустую комнату над конюшней. Внизу лошади успокоились после того, как им сменили сбрую и выстригли неправильно сросшуюся шерсть. Потолок пах новым соком: ветвь пробила одну доску и застыла, когда Свет погас. Мейра запретила её срубить до осмотра, поэтому кровать пришлось отодвинуть к стене.

Аскар сел на пол с картой. Повернул её дважды, сверился с окном и только потом отметил путь.

— Чувство возвращается? — спросила Эля.

— Иногда. Потом я поворачиваю голову, и оно опять исчезает.

— Значит, завтра едешь в повозке.

— Рядом с Нарелом?

— Рядом с возницей. Будешь говорить ему, куда не сворачивать, основываясь на чистой уверенности.

— Наконец-то обычная мужская работа.

Эля легла поверх покрывала. Обожжённую руку держала на животе, пальцы не сгибались полностью. Аскар закончил рисовать первые три остановки и положил карту рядом.

— Что напишешь Вейру?

— Факты.

— Это я понял.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что первое слово тоже будет фактом.

На черновике лежало три начала.

«Главе Дома Вейр» звучало как официальное обращение человека, который не хотел признавать родство.

«Аэлиану Вейру» — как вызов равному, которым Эля пока не была ни по власти, ни по возрасту.

«Деду» не помещало между ними ничего, кроме крови, о которой он мог не захотеть знать.

— Моя мать была его единственной дочерью, — сказала Эля. — Он считал её погибшей. Возможно, меня тоже.

— А ты знаешь, что он сделает, когда узнает обратное?

— Нет.

— Тогда не пиши за него ответ.

— Очень просто.

— Нет. Просто было бы написать «дорогой дедушка» и надеяться, что родство победит политику. Я предлагаю дать ему шанс разочаровать тебя собственным способом.

Эля повернула голову.

— Умеешь поддержать.

— Я вырос в трущобах. Там поддержка обычно означает, что тебя держат, пока второй человек бьёт. Я стараюсь расширять ремесло.

Она засмеялась тихо, чтобы не разбудить людей внизу. Смех не требовал разрешения у прошлого. Всё ещё иногда казалось, что должен.

Аскар лёг рядом, не касаясь её повреждённой руки.

— Напиши оба имени, — сказал он. — «Аэлиану Вейру, главе дома и отцу Эльвиры». Не называй его дедом раньше, чем захочешь. Но не скрывай, чья ты дочь.

— Элирийцы услышат в этом требование наследства.

— Элирийцы услышат требование наследства, если ты попросишь соль за столом. Это их любимая музыка.

— А ты?

— Я услышу, что нам нужна защита доказательств, лекарь для Нарела и доступ к реестру Саэлы.

— Не боишься ехать к дому, где тебя сочтут Ноктаром из трущоб?

— Сочтут правильно по двум пунктам из трёх.

— Какой неверный?

— Я не «из» трущоб. Я вырос в них. Они не род.

Эля запомнила различие. Аскару не требовалось тайное происхождение, чтобы объяснить, почему он умеет читать людей, замки и голод. Его мать была пленницей или рабыней и умерла вскоре после его рождения. За этим не прятался великий дом, который однажды явится и сделает прошлое благороднее.

— Если Вейр потребует, чтобы я вошла одна? — спросила она.

— Войдёшь, если сама решишь.

— А ты?

— Найду кухню, украду достойный ужин и буду оскорблять родовые традиции снаружи.

— То есть обидишься.

Аскар не ответил шуткой.

— Если ты спрячешь меня, чтобы им было проще принять половину тебя, да. Если тебе понадобится разговор с человеком, которого ты впервые называешь семьёй, нет.

Честность легла между ними тяжело и спокойно. Не угроза расставанием. Граница человека, который больше не хотел быть удобным отсутствием рядом с Элей.

Она повернулась к нему и коснулась губами его виска.

— Я не буду делать вид, что приехала одна.

— Хорошо.

— Но ужин всё равно украдёшь.

— Это уже вопрос принципа.

Они уснули без новых обещаний. Ветвь над кроватью иногда поскрипывала от ветра, и Эля просыпалась, проверяя не растёт ли снова. Аскар каждый раз называл окно, дверь и лестницу, хотя теперь ориентиры требовались скорее ему.

Перед рассветом Эля дописала письмо.

«Аэлиану Вейру, главе Дома Вейр и отцу Эльвиры.

Меня зовут Элинализ. Я дочь Эльвиры Вейр и Барахура из Дома Кхар-Рах. Я не прошу признать это на основании одного письма. Вместе с ним идут сведения, по которым вы сможете проверить моё имя отдельно от дела, ради которого я обращаюсь».

Дальше следовали Нарел, партия семьдесят четыре, Белый счёт, накопитель и личная печать Саэлы. Ни слова о плене. Ни обвинения Сольвейнов. Только просьбы сохранить копии, открыть реестр благословений и предоставить независимую защиту свидетелю до разбирательства.

В конце Эля написала:

«Если родство подтвердится, я прошу не привилегии, а возможности войти в Элирию под своим полным именем. Ответ передайте тремя путями. Мы уже в дороге».

Она поставила знак, которым пользовалась в Сером Броде, и рядом написала имя полностью.

Элинализ Вейр.

Не Кхар-Рах. Не потому, что отказывалась от Ноктарской крови. Дом отца оставил ей рану, имя матери — ещё не проверенную дверь. В письме она выбирала, в какую постучать первой.

Аскар прочитал только то, что Эля сама подвинула к нему. Исправил расстояние до Лиарена в приложенной схеме и не изменил ни одного личного слова.

Утром три письма покинули заставу.

Первое Орен отправил храмовой почтой через Долину Астереля. Его вёз служитель, не знавший содержания внутреннего пакета.

Второе ушло с военным связным Серой Марки к ближайшему посту Вейров. Копию зашили между двумя слоями обычной ведомости о повреждении заставы.

Третье Ковен включил в Морвейскую банковскую депешу. На внешнем листе значился запрос о происхождении четырёх с половиной расчётных долей. Имя Эли лежало внутри под отдельной печатью меры.

Маршруты не пересекались до Элирии.

Перед отъездом Лисса принесла Нарелу тонкую тетрадь в серой коже. На первых страницах стояли даты, когда он просыпался, давал показания, соглашался на проверки или отказывался. Дальше шли пустые листы с пятью одинаковыми вопросами: где находится; кто рядом; что сделали с его телом; на что он согласился; чего не разрешал.

— Это ещё один протокол? — спросил он.

— Ваш. Остальные пишут, что увидели в вас. Здесь будете писать, что происходило с вами.

— Я плохо пишу.

— Тогда диктуйте тому, кого выберете, и ставьте свой знак под каждой записью. Если не можете говорить — отмечайте строку ножом. Один надрез означает «не согласен», два — «не помню», три — «меня не спросили».

Нарел провёл пальцем по пустым листам.

— А если всё нормально?

— Тогда так и пишите. Нормальное тоже нужно доказывать, иначе взрослые считают его состоянием по умолчанию.

Он спрятал тетрадь во внутренний карман.

— Вернусь и принесу заполненной.

— Лучше наполовину пустой.

— Почему?

— Значит, у вас было время жить, а не только записывать, что с вами делают.

Нарел протянул руку. Лисса пожала её серьёзно, как служащая меры, затем быстро отвернулась проверять последнюю печать на лекарственном ящике.

Лисса вернулась в Серый Брод с одним из новых накопителей, копиями показаний и ключом от каменной ниши на шее. Харен ехал с ней. Варс оставался на заставе до передачи судье и отдельного выхода к часовне за Ровелем.

Эрена готовила открытую повозку. Нарел сам проверил ткань, дверь лекарственного ящика и нож, который Эля дала ему ночью перед засадой.

Наблюдателем Ковена выбрали не одного из раненых гвардейцев, а женщину-счётовода по имени Рема Тасс. Она приехала с утренней почтой, показала лицензию, позволила Лиссе переписать все особые полномочия и без спора сдала единственный ключ от дорожного сундука Мейре.

— Я слежу за сроком заморозки долга и целостью копий, — сказала Рема Нарелу. — Не команду вашей охраной, не выбираю лечение и не имею права отделять вас от отряда.

— А если Ковен прикажет другое?

— Потребую приказ письменно, покажу вам и мере, затем откажусь выполнять, если он выходит за лицензию. За это меня могут уволить. Не могут задним числом сделать приказ законным.

Нарел внёс её имя в тетрадь Лиссы и написал первую собственную строку: «Рема объяснила полномочия до выезда». Буквы вышли неровными, зато принадлежали ему.

К ним присоединились четверо стражников Мейры и взрослый писарь меры. Получался не скрытный отряд, а маленькое движущееся слушание. Засаду это не исключало. Зато лишало противника удобства одного исчезнувшего свидетеля.

— Верну, когда доедем, — сказал он.

— Когда перестанет быть нужен.

— Это дольше.

— Поэтому и не тороплю.

Мейра открыла северо-западные ворота. За ними дорога спускалась с уступа, огибала повреждённую золотую борозду и расходилась у старого каменного столба. Один путь возвращал к Серому Броду. Второй уходил к Ровелю. Третий поднимался к элирийской границе.

Аскар посмотрел на развилку. На этот раз показал правильно.

— Туда.

Эля не спросила, чувствует он или помнит карту.

Повозка тронулась к Элирии раньше, чем любой из трёх ответов мог их догнать.

На воротах писарь отметил время, погоду и число людей. Мейра проверила открытый борт, Эрена — пульс Нарела, Рема — печати. Эля дождалась, пока каждый закончит собственную часть, и только потом шагнула за ворота. Теперь дорога держалась не на одном обещании и не на одном имени.

И потому могла выдержать чужое недоверие.

Глава 13. Дорога в Элирию

Первый элирийский пост встретил их дождём и требованием назвать кровь.

Не имя. Не цель поездки. Кровь.

Пограничный писарь сидел под белым навесом, защищавшим книги лучше людей. Перед ним стояли три чаши для жетонов: Элирия, союзные земли, остальные. У четвёртой не было надписи. Туда складывали документы полукровок, спорных наследников и тех, чья принадлежность требовала отдельного решения.

Эля положила на стол временное свидетельство Серой Марки.

— Элирийская кровь по матери. Ноктарская по отцу.

Писарь поднял глаза. Сначала посмотрел на её уши, затем на перевязанные пальцы, оружие и только после — на имя.

— Элинализ Вейр?

— Так написано.

— Право на имя дома подтверждено?

— Лично — нет. Запрос идёт к Аэлиану Вейру.

Перо зависло над четвёртой чашей.

— Тогда до ответа вы въезжаете без домашнего права. Оружие опечатывается. Ночёвка только в общих дворах. Доступ к внутренним дорогам ограничен.

— У нас защищённый свидетель и медицинская перевозка, — сказала Рема Тасс.

Она подала временное решение, лицензию наблюдателя и список печатей. Писарь прочитал каждую строку, не изменившись в лице.

— Серая Марка может защищать свидетеля на своей территории.

— Серый мир признаёт непрерывность защиты до передачи другой власти, — возразил взрослый писарь меры, ехавший с ними. Его звали Илвен Тар; за два дня Эля запомнила, что он храпит, боится лошадей и никогда не произносит статью закона без номера.

— Статья тридцать девятая, часть вторая, — добавил он.

— Принимающая власть должна согласиться.

— Для этого мы здесь.

Дождь стекал с края навеса за ворот писарю. Тот не вытирал шею, пока не дочитал приложение о Нареле.

— Живой магический риск, — произнёс он.

Нарел лежал в открытой повозке в десяти шагах и всё слышал.

— Человек, — сказал он.

Писарь посмотрел на него.

— С потенциально опасным каналом.

— Это уже лучше. Запишите оба слова.

Илвен открыл личную тетрадь Нарела на чистой странице. Пограничник заметил.

— Частные записи не имеют силы протокола.

— Пока не подтверждены свидетелями, — ответил Илвен. — Нас здесь девять.

Четверо стражников Мейры стояли под дождём и не вмешивались. Их серые плащи темнели от воды. Эрена держала ладони под шерстяными повязками. Аскар изучал столб у дороги, на котором направления обозначали не стрелками, а цветными полосами: белая вела к Лиарену, зелёная к Долине Астереля, чёрная обратно в Серую Марку.

Эля видела, как он пересчитывает их третий раз.

Пограничник потребовал врача поста. Потом начальницу смены. Потом храмового служителя, способного измерить утечку маны. Каждый получил отдельную копию. Нарела осмат-

ривали с открытой двери повозки, не касаясь без спроса. Это было медленно, унижительно и всё же лучше тех дорог, где решение принимали крюки.

Служительница поднесла к его груди полоску чистого стекла. По краю выступил золотой налёт.

— Канал действующий.

— Мы это указали, — сказала Эрена.

— Я обязана проверить.

— Проверяйте. Не изображайте обнаружение.

Служительница покраснела, но внесла в строку: «подтверждено по ранее заявленному признаку».

Через два часа начальница поста вынесла временное решение. Защиту Нарела признавали до первого дома Вейров. Оружие Эли не опечатывали как часть охраны свидетеля, но каждую единицу внесли в список. Аскар получил дорожный жетон «чужеземный спутник без службы».

Он прочитал надпись.

— Редкая честь. Обычно я спутник с подозрительными намерениями.

— Здесь для этого отдельная пошлина, — сказала Эля.

Писарь не понял, шутят ли они, и на всякий случай записал номер его ножа.

Самым трудным оказался вопрос комнаты.

Первый элирийский постоялый двор находился в четырёх часах пути. По правилам медицинская повозка требовала отдельного помещения для пациента и лекаря. Чужеземный мужчина без службы должен был спать в общем крыле. Женщина с неподтверждённым именем великого дома — в закрытой гостевой части.

— Мы можем снять обычную комнату вместе, — сказала Эля.

Пограничный писарь посмотрел в список правил так, будто надеялся найти запрет на очевидное.

— Смешанное размещение допускается для супругов, близких родственников или нанятеля со слугой.

Аскар опёрся локтями о стол.

— Какая из трёх форм стоит дешевле?

— Это не вопрос стоимости.

— Тогда слугой не записывайте.

Писарь перевёл взгляд на Элю.

— Родственник?

— Нет.

— Супруг?

Слово легло слишком близко к тому, чего они оба избегали.

— Спутник, — сказала Эля.

— Такая категория не даёт права смешанного размещения.

— Тогда оставьте строку пустой, — предложил Аскар.

— Пустая строка недопустима.

— Удивительная страна. Даже отсутствие у вас должно иметь должность.

Начальница смены прервала спор. Выдала им общий дорожный жетон охраны свидетеля, который позволял отряду самому распределять комнаты до передачи дому. Не из сочувствия. Потому что ещё два обоза ждали под дождём, а вопрос отношений двух полукровок не стоил закрытых ворот.

Когда створки наконец открылись, Эля убрала свидетельство во внутренний карман. Четвёртая чаша осталась пустой. Писарь не забрал её имя на отдельное решение.

Это была маленькая победа над посудой.

За границей дорога не стала белее.

Она стала ровнее, шире и дороже. По обеим сторонам тянулись дренажные канавы, каменные столбы стояли через каждую тысячу шагов, а у мостов висели дощечки с именами дома, оплатившего ремонт. Вейры встречались чаще остальных. Сольвейны — у колодцев и лечебных навесов. Малые дома оставляли знаки на скамьях, садах и общественных печях.

Эля ожидала увидеть чистоту как цвет. Вместо этого увидела труд, которым её поддерживали: женщины вычерпывали ил из канав, дорожные артели заменяли расколотые плиты, мальчик в белой накидке собирал навоз в тележку и ругался совсем не возвышенно.

— Разочарована? — спросил Аскар.

— Чем?

— Эфирцы не моют дорогу Светом каждое утро.

— Подожди до столицы. Возможно, там моют людей перед входом.

Рема ехала рядом и услышала.

— Только обувь. Людей сортируют по одежде уже внутри.

Она сказала это слишком сухо, чтобы понять, была ли шутка.

Дождь усилился после полудня. Плоский навес над Нарелом защищал от стрел сверху, но вода летела с боков и собиралась под лежанкой. Закрыть повозку означало нарушить его условие. Оставить всё как есть — довести до лихорадки ещё до первого двора.

Эрена потребовала остановиться под дорожным навесом.

— Мне не нужна победа над ремнями, после которой он умрёт от простуды.

— Я не соглашусь на закрытый короб, — сказал Нарел.

— Никто не предлагает короб.

— Вы уже смотрите на брезент.

Эля сняла с грузового тюка два промасленных полотна. Вместо стен их натянули косо от крыши к внешним шестам, оставив между краями широкий проход. Вода стекала в канаву. Изнутри Нарел видел дорогу впереди, людей по обе стороны и мог одной рукой сбросить каждое полотно, выдернув деревянную чеку.

— Проверь, — сказала Эля.

Он дёрнул правую чеку. Полотно упало в грязь.

— Работает.

— Теперь подними обратно, — сказала Эрена. — Мы все восхищены твоей свободой и насквозь мокрые.

Нарел поднял вместе с одним из стражников. В личной тетради написал: «Боковые полотна открыты снизу и снимаются изнутри. Согласился на дождь». Потом зачеркнул последнее слово и заменил: «на защиту от дождя».

— Разница? — спросил Илвен.

— На дождь я не соглашался.

Писарь одобрительно кивнул.

Пока возились с полотнами, Аскар ушёл к развилке. Белая полоса на столбе почти смылась, зелёная была свежей. На карте путь к первому двору шёл белым направлением до каменного сада, затем соединялся с зелёным.

— Куда? — спросила Эля, подходя.

Он показал налево.

На камне под мхом сохранилась половина белой полосы. Правильно.

— Почувствовал?

— Увидел водосток.

— И?

— Левая дорога выше. Если к Лиарену возят тяжёлые телеги, её должны были поднять над дождём. Правая идёт к низине и садам.

Он говорил немного громче обычного, будто объяснял не ей, а собственному телу. Путь больше не появлялся внутренней уверенностью. Его приходилось собирать из уклона, следов колёс, возраста ремонта и направления воды.

— Хорошо, — сказала Эля.

— Не смотри так довольной. Я всегда умел читать дорогу без Вейдора.

— Просто теперь не можешь лениться.

— Дар был не ленью. Он был изящным сокращением ненужного труда.

— Скажи это канаве.

Аскар посмотрел на воду, переполнявшую правый водосток.

— Она настроена враждебно.

Они вернулись к повозке. Эля заметила, что он не спросил, с какой стороны остался пост. Восстановление было маленьким и ненадёжным, но настоящим.

На каменном саду их остановила вторая проверка. Здесь не было стены, только белая беседка, весы и четыре служителя дороги. Каждый входящий в Долину Астереля обоз обязан был назвать источник воды, количество животных и наличие магически активных предметов.

— Один накопитель без заряда, — сказала Рема.

Золотая капля внутри устройства была почти невидимой. После утреннего опыта её сняли в святилище, но тонкий ритм успел появиться снова.

Служитель заметил.

— Это не пустой.

— Запишите величину, — ответила Эрена. — И сравните через час. Не пытайтесь очистить.

— Почему?

— Потому что прошлый, который пытался принять больше, разобрал половину заставы.

Служитель отдёргнул руку.

Эля подала ему протокол. Проверка заняла ещё час. Золотая капля выросла настолько мало, что спорили о толщине линии на мерном стекле. В конце записали диапазон, а не точное число. Это раздражало писаря поста, зато не превращало неточный глаз в удобную уверенность.

Нарел подтвердил продолжение пути второй собственной записью.

— Сколько постов до Лиарена? — спросил он.

— Если каждый будет измерять час — мы состаримся раньше, — ответила Эрена.

— Свет исправит.

Она посмотрела на него.

— Плохая шутка.

— Учусь у вас.

— Тогда у тебя нет оправдания.

Нарел улыбнулся. Сил на смех пока не хватало, но улыбка больше не трескалась у края губ.

Первый двор Вейров назывался Белая Ива, хотя ива у ворот давно высохла и была обмотана медной лентой, чтобы не развалилась на постояльцев. Под знаком дома стояла меньшая дощечка: «Вода бесплатно. Конюшня по весу корма. Лечение по возможности».

Управляющая встретила их с готовым списком.

— Нарел Эст, отдельная нижняя комната, две двери, открываемые изнутри. Эрена Летар рядом. Рема Тасс и писарь меры — через коридор. Четверо стражников в общем крыле. Элинализ Вейр...

Она запнулась только на долю вдоха.

— Комната наследного гостя на втором этаже.

— Я не наследный гость, — сказала Эля.

- Так указано во временном приказе.
- Кто подписал?
- Управляющий дорогами Дома Вейр.
- Аскар?

В списке осталась пустая строка.

Не случайность. Чернила вокруг неё высохли. Кто-то получил письмо, подготовил комнаты для каждого человека и не решил, как назвать мужчину рядом с возможной наследницей.

- Для него свободно место в охранном крыле, — сказала управляющая.
- Он не охрана дома.
- Тогда гостевая комната требует статуса приглашённого.
- Приглашаю, — сказала Эля.
- Ваше право приглашать от имени Вейров не подтверждено.

Аскар поставил дорожный мешок на пол.

- У вас есть обычная платная комната без права великого дома решать, кто в ней дышит?
- На чердаке.
- Беру.

Эля посмотрела на лестницу. Второй этаж для неё, чердак для него, нижний для Нарела. Дом распределял людей по вертикали быстрее, чем Совет успевал признать родство.

- Берём одну на чердаке, — сказала она.

Управляющая явно хотела возразить, но приказ не запрещал наследному гостю спать хуже предложенного.

- Там одна кровать.
- Это не новая проблема, — ответил Аскар.

Рема кашлянула в кулак. Илвен внезапно заинтересовался номером конюшенной квитанции.

Комната оказалась низкой, с косым потолком и окном на крышу кухни. Кровать занимала почти всё пространство. В углу стоял таз, на стене висел крючок и перечень штрафов: за свечу после полуночи, кровь на белье, повреждение балки и вызов служителя без причины.

— Наконец-то место, где наше положение описано точно, — сказал Аскар. — Одна кровать и штраф за кровь.

Эля сняла мокрый плащ. Пальцы плохо слушались, поэтому застёжку пришлось открыть зубами. Аскар помог только после того, как она дважды не справилась.

- Руки хуже? — спросил он.
- Дождь.
- Эрена велела показывать ей повязку вечером.
- Ты теперь её ученик?
- Нет. Я её система доносов.

Он размотал ткань осторожно. Пузыри не вскрылись, но кожа вокруг большого пальца побелела. Эля смотрела не на ожог, а в окно. С крыши стекала вода, за двором тянулись аккуратные элирийские поля. Где-то дальше жил человек, который мог назвать её внучкой и наследницей или попросить убрать имя Вейр из письма.

- Пустая строка тебя задела, — сказала она.

Аскар сменил повязку.

- Она удобная. В неё можно вписать что угодно.
- Это не ответ.
- Задела.
- Почему не сказал внизу?
- Потому что управляющая не придумала устройство Элирии. И потому что я не хочу заставить тебя назвать нас перед чужим столом только ради комнаты.

Эля почувствовала облегчение и стыд за него одновременно. Он снова оставлял ей время. Время всё чаще имело цену, которую платил он.

— Я не скрываю тебя.

— Пока нет.

— Аскар.

— Мы договорились быть честными. Мне не нравится, что дом уже приготовил тебе этаж, а для меня оставил пустоту. Это не значит, что я уйду или потребую клятву до ужина.

— После ужина?

— Зависит от мяса.

Эля коснулась лбом его плеча. Он завязал последний узел и поцеловал её в волосы. Близость не решила строку, но не позволила ей стать стеной комнаты.

Внизу Нарел отказался есть отдельно. Его стол вынесли в общий зал и поставили у двери, чтобы он видел выход. Открытое пространство привлекало взгляды. Люди замечали следы на его руках, золотистую бледность кожи и охрану.

Один торговец спросил управляющую, не заразен ли больной.

Нарел ответил сам:

— Только для старых накопителей и людей с крюками.

Торговец пересел подальше. Рема записала вопрос и ответ, потому что частные слухи иногда доезжали до Совета быстрее официальных писем.

Еда была простой: ячменная каша, тушёная репа, куски баранины и яблоки, сваренные с мёдом. Эля впервые за три дня ела не в седле и не рядом с операцией. Эрена заставила Нарела закончить бульон, Аскара — держать чашку правой рукой для проверки пореза, Элю — не касаться горячей кружки.

— А вы? — спросила Эля.

— Я лекарь. Наши нарушения полезны для науки.

— Ваши ладони тоже обожжены.

— Поэтому науку сегодня кормят ложкой.

Нарел поднёс ей ложку бульона с торжественностью храмового служителя. Эрена хотела отказаться, затем открыла рот. За столом стало тихо, а потом Илвен засмеялся так громко, что подавился кашей.

Вечер мог бы остаться обычным.

У ворот ударил дорожный колокольчик.

В зал вошёл всадник в мокром бело-зелёном плаще Вейров. Не снял перчаток, пока управляющая не проверила его жетон. Потом попросил Элинализ Вейр, Нарела Эста и представителя меры присутствовать при вскрытии пакета.

— От Аэлиана? — спросила Эля.

— От его первого управляющего. Личный ответ главы следует отдельно.

Пакет имел четыре печати. Дом Вейр подтверждал получение двух из трёх писем. Приказывал всем своим дворам предоставить отряду кров, сменных лошадей и защиту, не изымая оригиналы улик и не меняя условия Нарела. Любое медицинское вмешательство требовало его согласия и подписи Эрены до передачи независимой комиссии.

Строка об Эле была короче:

«Элинализ, назвавшая себя дочерью Эльвиры Вейр, принимается под защиту дома до личного решения Аэлиана Вейра. Её оружие, спутники и выбранное имя не подлежат изменению на дороге».

Аскар перечитал слово «спутники».

— Множественное число. Очень предусмотрительно.

— Тебя всё ещё не назвали.

— Зато запретили менять. Пустота получила защиту.

Эля хотела улыбнуться, но всадник достал второй лист.

На нём стоял список комнат, которые требовалось готовить на следующих дворах: Нарелу, Эрене, Реме, писарю, стражникам, Элинализ.

И одна строка без имени.

«Место рядом с Элинализ. Статус не определять до её решения».

Эля прочитала строку трижды.

— Это написал первый управляющий? — спросила она.

— Формулировка продиктована главой дома, — ответил всадник. — При мне.

Аэлиан ещё не признал внучку. Зато человек, которого Эля знала только по имени и войне, уже отказался определять за неё, кем считать Аскара. Возможно, это была политика. Возможно, осторожность. Возможно, Эльвира когда-то научила отца хотя бы одной вещи, которую он не забыл.

— Передайте, что приказ получен, — сказала Эля.

— Личный ответ догонит вас у Долины Астереля.

Всадник уехал после смены лошади. Управляющая Белой Ивы молча взяла список комнат, перечеркнула «чердак» и предложила им вторую гостевую комнату рядом с Нарелом.

— На чердаке уже уплачено, — сказал Аскар.

— Дом вернёт деньги.

— Тогда останемся. Мне нравится балка.

Управляющая не стала спорить с защищённым правом человека спать хуже.

Следующие три дня дорога проверяла приказ Вейров на прочность мелочами.

В Сольном Лугу смотритель двора попытался забрать накопитель в храмовое хранилище на ночь. Рема показала запрет изъятия. Он потребовал местный обряд безопасности. Эрена согласилась на измерение снаружи комнаты, но не на перенос прибора. В итоге храмовый служитель спал на табурете у открытой двери и каждую половину часа записывал размер золотой капли.

Она росла.

Медленно, одинаково, без Нарела рядом. Это укрепляло связь с личной пластиной и ослабляло версию случайного остатка после перелива. Илвен отправил новую таблицу обратно в Серый Брод.

В Каменном Саду поменяли лошадей. Управляющий Вейров предоставил лучших бесплатно, но потребовал расписку за каждую подкову. Один из стражников Мейры возмутился. Рема объяснила, что бесплатная дорога без учёта превращается в личную милость, которую позже можно потребовать оплатить политически.

— Даже корм здесь умеет стать долгом, — сказал Нарел.

— Поэтому мы записываем, что это обязанность дома по приказу, — ответила она. — Не подарок.

Он внёс в тетрадь собственную строку: «Лошадей сменили без изменения моего решения».

На четвёртый день повязки Эли сняли. Новая кожа оставалась розовой, два пальца сгибались только наполовину. Эрена дала ей деревянные кольца разного размера и велела перекачивать между ладонями.

— Меч когда? — спросила Эля.

— Носить можешь сейчас. Пользоваться — когда не будешь ронять кольцо.

— Я могу держать левой.

— Тогда правой будешь делать вид, что не ранена, и сорвёшь кожу на первом блоке.

— Вы плохо думаете обо мне.

— Я думаю о тебе по опыту.

Аскар забрал один набор колец и превратил упражнение в игру: перекачивал своё быстрее, отвлекал вопросами, заставлял ловить на слух. Эля проиграла первые семь раз. На восьмой ударила его кольцом в лоб.

— Это считается метательным оружием, — сказала она.

— Эрена запретила меч, не дерево. Юридически безупречно.

Нарел наблюдал из повозки.

— Вы всегда соревнуетесь в том, кто хуже соблюдает лечение?

— Нет, — ответил Аскар. — Иногда мы едим.

Дорога вошла в Долину Астереля на пятый день. Горы здесь не поднимались стеной, а расходились длинными зелёными склонами. По дну шла река, разделённая на оросительные каналы. Белые мосты соединяли поля, сады и небольшие святилища. На каждом перекрёстке стояли фонари с отражающими пластинами: ночью один огонь давал свет на четыре дороги.

Эля видела устройство Элирии лучше, чем на карте. Великие дома не просто владели землями. Они связывали воду, дороги, лечебницы, суды и право называться жителем. Отказ дома мог закрыть человеку не одну дверь, а всю последовательность привычных вещей.

Полукровок это касалось особенно. На постоянных дворах их бумаги проверяли дольше. Служители спрашивали, к какому культу обращаться при смерти. Дорожные стражники не оскорбляли открыто, но всегда стояли ближе к оружию.

Никто не принял Аскара за Ноктара полностью. Его человеческие черты мешали удобной категории. Поэтому в книгах появлялись разные определения: «смешанный чужеземец», «пограничный мужчина», «спутник без дома», однажды — «неустановленный народ».

— Последнее мне нравится, — сказал он. — Могу основать себя и сразу стать большинством.

Эля не смеялась.

— Тебя это правда не задевает?

— Задевает. Просто если я буду объяснять себя каждому писарю, мы доедем к твоей свадьбе с архивом.

Слово «свадьба» прозвучало случайно и слишком близко к будущему, которого они пока не называли. Аскар тоже это понял.

— С архивом, — повторил он. — Не со мной. Архивы надёжнее и требуют меньше места в кровати.

— Поздно исправлять.

— Я не исправляю. Я уточняю предмет угрозы.

Эля бросила в него деревянное кольцо. На этот раз он поймал.

На шестой день Аскар впервые проснулся и назвал север до того, как посмотрел в окно. Не поверил себе. Проверил мох на стене, ход солнца и течение канала.

— Правильно, — сказала Эля.

— Возможно, совпало.

— Тогда завтра совпадёт снова.

Дар не вернулся целиком. На развилках Аскар чувствовал только слабое давление, как память о запахе после дождя. Он не пытался открыть Искру. Шёл по карте, считал мосты и просил возниц объяснять местные сокращения. Возвращал не магию, а доверие к собственному решению.

Это Эля понимала слишком хорошо.

Личный ответ Аэлиана догнал их у Трёх Фонарей.

Курьер приехал один, на серой кобыле без домовой попоны. Показал жетон Вейров управляющему двора, затем попросил Элю выбрать двух свидетелей для проверки печати. Она выбрала Рему и Нарела. Не Аскара: письмо касалось семьи, но не должно было превращать его в подтверждение, которому потом не поверят из-за близости.

Печать оказалась не официальной. В тёмно-зелёном воске стояла маленькая птица над волной.

— Это личный знак? — спросила Эля.

Курьер кивнул.

— Аэлиан Вейр использует его только для домашних писем. Совет не признаёт этот оттиск приказом.

— Тогда почему вы приехали по нему?

— Потому что я служу человеку, а не только должности.

Рема записала ответ. Нарел проверил, что конверт не вскрывался. После этого они оставили Элю одну — насколько можно было остаться одной в общем зале, где двадцать людей делали вид, будто не смотрят.

Письмо занимало один лист.

«Элинализ.

Я получил твоё имя раньше доказательств и потому не стану отвечать так, будто доказательства уже заменили встречу. Если ты дочь Эльвиры, ни один Совет не заставит меня отказаться от тебя из-за крови отца. Если нет, Дом Вейр всё равно обязан защитить свидетеля и расследовать использование печати Наместницы.

Твоя мать в детстве называла птицу на моём знаке мокрой курицей и каждый раз дорисовывала ей корону. Этого не было в семейных книгах. Я пишу не для проверки тебя, а чтобы дать тебе возможность проверить меня.

Я не прошу назвать меня дедом до встречи. Не прошу приехать одной. Человек рядом с тобой войдёт через те же ворота, если ты этого хочешь.

Езжай медленно. Я уже ждал больше двадцати лет и переживу ещё несколько дней.

Аэлиан».

Эля дочитала и не сразу поняла, почему буквы стали расплываться. Дождь закончился. Крыша не текла. Обожжённая ладонь не болела сильнее обычного.

Она сложила лист по прежним линиям.

Эльвира не рассказывала о мокрой курице. Или рассказывала когда-то, слишком рано, когда Эля ещё не умела сохранять чужие детские тайны. Память матери состояла из больших вещей: запах волос, руки на рукояти, голос перед казнью. Маленькие подробности уходили первыми, как будто любовь обязана была храниться только трагедией.

Письмо вернуло одну смешную птицу, которой Эля никогда не знала.

Аскар ждал во дворе у водяной бочки. Не спросил, что написал Аэлиан. Взял у неё пустое ведро, хотя она могла нести его левой рукой.

— Он велел пустить тебя через те же ворота, — сказала Эля.

— Разумный человек. Через стену я лезу шумно.

Она протянула письмо. Аскар прочитал только абзац о себе, затем вернул.

— Остальное не моё.

— Я дала.

— Дашь ещё раз, когда захочешь, чтобы я знал. Сейчас ты проверяла одну строку.

Эля кивнула. Слова застревали между горлом и грудью, и она не хотела вытаскивать их силой.

Аскар поставил ведро. Обнял её осторожно, оставляя повреждённую руку снаружи. Не говорил, что всё будет хорошо. Аэлиан ещё мог оказаться человеком, который умел писать правильное, чем жить. Но письмо существовало. Несло личный знак, семейную нелепость и разрешение не торопиться.

— Несколько дней, — сказала Эля ему в плечо.

— Ужасно короткий срок, чтобы придумать достойное оскорбление великого дома.

— Начни с мокрой курицы.

— Уже люблю вашу геральдику.

Оставшуюся дорогу они действительно ехали медленнее.

Стражники Мейры повернули назад на восьмой день, когда их сменили шестеро людей Вейров и двое независимых дорожных служителей. Перед передачей Нарел прочитал новый список имён, проверил оружие и написал: «Согласился продолжить. Охрана сменилась при мне».

Рема осталась. Илвен тоже. Эрена отказалась от быстрой храмовой повозки и продолжила рядом с Нарелом.

На девятый день золотая капля в накопителе выросла до первой мерной риски. Её проверили в святилище, записали и не очистили. На десятый пришёл ответ от Сольного Луга: контрольный опыт без личной пластины не показывал роста. Ещё одно независимое сравнение уходило в общий пакет.

На одиннадцатый день у Нарела поднялась температура. Не магический перелив — обычное воспаление вокруг повторно вскрытой раны. Эрена остановила отряд в маленьком селении Листвяной Ключ. Два дня она промывала рану, меняла отвар и запрещала двигаться.

Никто не пытался заменить его решение медицинской необходимостью. Нарел сам написал: «Останавливаюсь до разрешения Эрены. Дорогу не отменяю».

Эля помогала на кухне двора, потому что меч держать ещё не могла, а безделье превращало ожидание в угрозу. Чистила коренья левой рукой, сушила бинты, носила воду маленькими вёдрами. Аскар ремонтировал протекающий желоб и каждый раз спускался не с той стороны крыши, пока направление окончательно не вернулось на второй день стоянки.

На кухне работала девушка по имени Сария. Светлые волосы она прятала под платком, но человеческие уши спрятать было труднее. Родилась в Листвяном Ключе, говорила на Элирийском без акцента и всё равно носила медный жетон «союзной крови», потому что отец пришёл из Северных Вольниц.

Она узнала имя Эли из дорожного списка.

— Правда, что глава Вейров пустит вас через Белые ворота? — спросила Сария, когда они остались у печи вдвоём.

— Так написал.

— С оружием?

— Если рука начнёт сгибаться.

Сария не улыбнулась.

— Мой отец прожил здесь тридцать лет. После его смерти мне не дали продолжить двор, пока местный дом не подпишет поручительство. Сказали, человеческая половина может увести хозяйство из долины.

— Увела?

— Куда? Печь тяжёлая.

Она перевернула хлебы и только потом продолжила:

— Дом подписал. Теперь каждый год я отдаю им шестую часть прибыли за доверие к тому, что родилась здесь.

Эля положила очищенный корень в миску.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ничего. Хочу понять, что они скажут после вашего признания.

— Если оно будет.

— Будет. Великий дом не вывешивает имя у ворот, если собирается от него отказаться. Скажут: смотрите, полукровка может стать наследницей. Значит, Сария платит шестую часть не из-за крови, а потому что недостаточно старалась.

В её голосе не было просьбы спасти всех до Лиарена. Только усталость человека, которому чужое исключение заранее готовили как доказательство справедливости правила.

— Я не стану говорить, что мой случай исправляет твой, — сказала Эля.

— Этого мало.

— Знаю.

— Хорошо.

Сария подвинула ей второй нож — короче и легче для повреждённой руки.

— Тогда, когда они начнут рассказывать, какая Элирия милосердная, спросите, сколько стоит это милосердие в долях от печи.

— Шестую часть.

— Уже лучше большинства советников.

Позже Эля показала Реме медный жетон Сарии. Счётовод объяснила, что поручительство считалось защитой местной земли от внешнего наследования. Закон не называл полукровок хуже. Он просто требовал подтверждать их принадлежность каждый раз, когда для остальных она предполагалась сама собой.

— Можно обжаловать? — спросила Эля.

— Можно. Пошлина равна примерно двум годовым шестым долям. И нужен поручитель из дома.

Круг был законным, чистым и замкнутым.

Эля внесла имя Сарии в собственную дорожную тетрадь. Не как обещание решить её жизнь с высоты наследницы. Как первую вещь, о которой Совет наверняка предпочёл бы не говорить при встрече.

Он понял это посреди ночи. Разбудил Элю и сказал:

— Лиарен на северо-западе.

— Поздравляю.

— Я снова чувствую.

Она открыла глаза. Аскар улыбался в темноте не широко, но без проверки окна.

— Не пользуйся Искрой, — сказала Эля.

— Романтика в тебе умерла.

— Она спит и не любит, когда её будят ради географии.

Он поцеловал её и лёг обратно. Утром проверил направление по карте всё равно.

На тринадцатый день их встретила столичная лечебная карета Вейров. Белые стенки, мягкие рессоры, световые пластины для поддержания тепла и четыре закрывающихся окна. В другой истории такая повозка считалась бы спасением после двух недель дождя и тряски.

Нарел осмотрел её из своей открытой телеги.

— Нет.

Старший лекарь Вейров не спорил сразу.

— Внутри меньше пыли. Рессоры снизят боль. Окна можно открыть.

— Дверь снаружи запирается.

— Для безопасности на спуске.

— Нет.

Лекарь посмотрел на Элю, ожидая, что возможная наследница убедит пациента принять лучшее лечение. Она показала на Нарела.

— Ответ уже получили.

Эрена предложила снять с кареты две мягкие рессоры и переставить под открытую лежанку. Возничий заявил, что механизм не подойдёт. Аскар осмотрел крепления, нашёл одинаковую ширину оси и попросил перестать защищать устройство от пользы.

Работа заняла полдня. Люди Вейров ворчали, стражники держали ось, Нарел наблюдал за каждой гайкой. В результате закрытая карета поехала обратно пустой, а его телега перестала подбрасывать лежанку на каждом камне.

В личной тетради появилась запись: «От кареты отказался. Рессоры принял отдельно. Решение исполнили».

Эля поставила рядом знак свидетеля. Дом мог быть богатым, осторожным и уверенным в собственной правоте. Сегодня он всё же разобрал своё удобство на части, потому что один человек сказал «нет».

К Лиарену они подошли на четырнадцатый день.

Город не возник сразу. Сначала дорога разделилась на шесть полос. Потом появились лечебные сады, белые водонапорные башни и дома архивистов. Вдали над рекой поднялись Белые ворота — две высокие створки между каменными пилонами, достаточно широкие для трёх обозов одновременно.

Перед ними стояли люди Дома Вейр.

Не почётный караул. Писари, лекарь, начальник охраны и три пустые телеги для багажа и раненых. На первой телеге висел список прибывающих.

У Нарела было имя и пометка «свидетель».

У Эрены — «лекарь по его выбору».

У Ремы и Илвена — должности.

Напротив Эли стояло полное имя: Элинализ Вейр, дочь Эльвиры.

Следующая строка оставалась пустой.

Под ней от руки дописали:

«Место рядом. Входит теми же воротами».

Нарел прочитал список из повозки.

— Едем дальше? — спросил он Элю.

Вопрос принадлежал ему на каждой заставе. Здесь он отдал его ей.

Белые ворота стояли открытыми. За ними ждали Дом Вейр, имя матери, Совет, храм и люди, которые уже решили, на каком этаже должна жить возможная наследница. Эля могла потребовать остановку. Аэлиан написал, что переживёт несколько дней. Никто не имел права везти её через родство как через пропуск.

Она посмотрела на Аскара. Он не кивнул за неё. Просто стоял рядом с пустой строкой, которую отказался заполнять удобным словом.

— Едем, — сказала Эля.

Нарел открыл тетрадь и написал сначала своё решение, затем её. Две отдельные строки.

— Если передумаете у ворот? — спросил он.

— Остановимся.

— Хорошо. Тогда и я пока не передумал.

Возница поднял поводья. Люди Вейров не окружили повозку почётным строем, а заняли обычные места охраны по сторонам. Аскар пошёл у левого колеса. Эля — у правого.

Между ними оставалась открытая дорога, достаточно широкая для выбора и достаточно узкая, чтобы слышать дыхание Нарела. За четырнадцать дней отряд не стал семьёй, домом или клятвой. Он стал способом не отдавать одного человека единственной власти. Этого хватило, чтобы войти.

И Белые ворота впервые выглядели не концом, а следующим Порогом.

Глава 14. Белые ворота

Через Белые ворота одновременно входили три обоза, похоронная процессия и стадо коз. Эля ожидала хотя бы мгновения, в котором город признает важность её возвращения. Лиарен ответил козой, попытавшейся съесть край списка прибывающих.

Начальник охраны Вейров спас документ, оттеснил животное сапогом и продолжил читать, будто это входило в обычный протокол великого дома.

— Нарел Эст?

— Здесь, — ответил Нарел.

— Согласны войти под временную защиту Дома Вейр до независимого разбирательства?

— До передачи лекарю, которого выберу после осмотра. Двери не запираются. Оригинал тетради остаётся у меня.

— Указано.

Начальник не протянул руку за тетрадь. Попросил Нарела самому показать последнюю запись через открытый борт. Сверил дату, поставил знак на отдельной копии и отступил.

— Эрена Летар остаётся лекарем по вашему выбору. Рема Тасс — наблюдателем Морвейской конторы без права распоряжения. Илвен Тар — писарем Серой Марки. Все подтверждают?

Каждый подтвердил отдельно.

Только после этого воротная стража занялась вещами. Накопитель измерили, не вынимая из клетки. Оружие пересчитали. Письма сверили по наружным печатям. Три телеги Вейров остались пустыми: Нарел не захотел менять повозку у самых ворот, багаж никто не имел права отделять от владельцев без новой описи.

— Зачем тогда прислали? — спросил Аскар.

Начальник посмотрел на пустые телеги.

— Потому что дом привык предусматривать нужды до того, как человек их назовёт.

— Иногда человек называет «нет».

— Тогда телега возвращается пустой.

Ответ был почти дословным продолжением письма Аэлиана. Эля не решила, успокаивает это или показывает, насколько тщательно глава дома подготовил каждую реплику.

У её оружия проверяли только номера. Короткий меч, четыре метательных ножа, ремень, запасной клинок в сапоге. Пограничный список указывал пять ножей. Один остался у Нарела.

— Несоответствие, — сказал воротный писарь.

— Передан защищённому свидетелю с его согласия, — ответил Илвен и показал запись главы 9.

Писарь прочитал. Внёс нож отдельной строкой в имущество Нарела и не потребовал вернуть.

Элирийское право любило вещи на своих местах. Иногда достаточно было изменить место на бумаге, чтобы человек сохранил выбор в руке.

Элю попросили назвать полное имя.

— Элинализ Вейр. Дочь Эльвиры Вейр и Барахура Кхар-Рах.

На этот раз никто не потянулся к четвёртой чаше. Ворота не имели чаш. Зато писарь поднял голову на Ноктарское имя и написал его без сокращения.

— Въезд под защитой дома, родство ожидает личного подтверждения главы. Оружие при вас по приказу Аэлиана Вейра.

— Аскар, — сказала Эля.

Писарь нашёл пустую строку.

— Имя без дома?

- Просто Аскар.
- Земля рождения?
- Кассар.
- Народ?
- Смешанный.
- Какие крови?
- Ноктарская и человеческая.

Писарь ждал второго имени, рода матери, подтверждения отца. Аскар больше ничего не добавил.

— Статус при Элинализ не определён по её решению, — прочитал чиновник. — Входит теми же воротами.

— Как видите, уже почти вошёл.

Перо поставило точку.

За воротами Лиарен не был белым. Белыми оставались государственные фасады и верхние мосты, но рабочие улицы окрашивали ткани, вывески, медные крыши и глиняные стены. Вода шла по открытым каналам. Над ними висели мостки для пешеходов, грузов и храмовых процессий; разные высоты не позволяли потокам людей останавливать друг друга.

Отряд двигался медленно. Нарел видел выходы, но город всё равно окружал его плотнее любой стены. Эрена сидела рядом и называла места, где можно остановиться: лечебный навес, двор Вейров, общественный колодец, пост городской стражи. Не обещала безопасность. Давала ориентиры.

Люди узнавали зелёно-белые знаки охраны. Некоторые кланялись. Другие отходили с дороги. Несколько человек заметили Элины уши и Ноктарский крой пояса. Взгляды задерживались, но никто не выкрикнул оскорбление. Великое имя защищало быстрее, чем успевало подтвердиться.

Это раздражало сильнее открытой враждебности.

— Ты уже выглядишь так, будто хочешь подраться с архитектурой, — сказал Аскар.

— Она первая начала.

— Каналы особенно подозрительные.

На одном из мостов им пришлось остановиться ради похоронной процессии, вошедшей вместе с ними. Белые ленты несли впереди, гроб — позади, а семья шла между ними. Эля вспомнила правило Элирии: Свет благословлял жизнь, но не возвращал умерших. Мёртвого не прятали под символом чистоты. Его несли через город открыто, давая живым последнюю дорогу рядом.

Нарел снял шапку. Аскар тоже. Эля повторила.

Когда процессия ушла, повозка двинулась дальше без команды охраны.

Дом Вейр занимал не дворец, а целый квартал вокруг старой крепости. Внешние стены давно утратили военное значение, но внутри сохранились казармы, архивы, кухни, лечебница, конюшни и административные палаты. Главный вход выходил на широкую площадь. Служебный — к каналу, куда привозили грузы и пациентов.

Сопровождающий управляющий показал повозке к служебному двору.

— Там ровнее и ближе к лечебнице.

— Нарел едет туда, — сказал Аскар. — Я пойду с ним.

Управляющий сверился со списком.

— Для вас подготовлен вход со стороны охраны.

— Зачем?

— Чтобы не задерживать передачу пациента.

— Я не пациент.

— Вы сопровождающий без домашнего статуса.

Эля почувствовала, как пустая строка снова получает удобное направление. Не комнату на чердаке. Отдельную дверь.

— Он входит со мной, — сказала она.

Управляющий посмотрел на главный вход, где уже ждали представители дома и писари.

— Госпожа, процедура встречи...

— Я пока не госпожа. И процедура уже написана: теми же воротами.

Аскар коснулся её локтя.

— Нарела нельзя оставлять ради символа.

— Не оставим.

Они разделили не людей, а задачу. Эрена, Рема, Илвен и двое стражников поехали с Нарелом к лечебному двору. Двое других пошли вдоль внешней стены и сохраняли визуальную связь до поворота. Эля и Аскар направились к главному входу. Через десять минут все должны были встретиться в комнате описи, соединённой с лечебницей внутренним коридором.

— Уверен? — спросила Эля.

— Нет. Поэтому иду.

Они поднялись по белым ступеням рядом.

На верхней площадке стояли девять человек.

Трое в цветах Вейров, двое храмовых служителей, городской свидетель, распорядитель Совета и два писаря. Никто не держал цветы. Эля была благодарна хотя бы за это.

Старшая женщина в зелёном платье представилась Мирой Сален, первым управляющим внутреннего дома. Именно она составляла дорожный приказ.

— Элинализ Вейр, — сказала Мира. — Дом приветствует вас под именем, которое вы выбрали, до личного подтверждения главы.

— И Аскар, — ответила Эля.

Мира повернулась к нему.

— Аскар. Дом приветствует вас как спутника Элинализ без определения службы, родства или обязательства.

— Звучит почти по-человечески.

Распорядитель Совета нахмурился. Мира не изменилась в лице.

— Мы старались.

Она предложила Эле пройти в зал родовых свидетелей. Отдельно Нарела уже принимали в лечебной комнате, доказательства — в палате описи.

— Сначала опись, — сказала Эля.

— Семейная встреча и расследование должны быть разделены. Иначе любое решение Аэлиана по делу объявят следствием личной заинтересованности.

— Они уже связаны. Письмо к нему ушло потому, что я дочь Эльвиры.

— Связаны причиной прибытия. Не должны смешиваться в протоколе.

Мира говорила не против неё. За будущую возможность Совета признать доказательства. Эля понимала и всё равно не собиралась входить в зал, пока не увидит, куда перенесли Нарела.

— Тогда сначала я присутствую при передаче как свидетель Серой Марки. После окончания записи начнём личный разговор отдельным временем.

Городской свидетель поддержал:

— Это сохранит последовательность полномочий.

Распорядитель Совета возразил, что возможная наследница не имеет официального статуса следователя. Илвен появился из внутреннего коридора вовремя, будто услышал угрозу статье закона через стену.

— Она подписала исходные описи и является свидетелем обнаружения E04–E10, — сказал он. — Статус наследницы не нужен.

— Здесь не используют ваши обозначения E.

— Начнёте. Они удобные.

Мира решила спор одним движением руки.

— В палату описи. Семейная встреча ждёт.

Главный вход привёл их не в тронный зал, а в широкий коридор, где пахло воском, бумагой и варёной капустой из соседней кухни. Служащие прижимались к стенам, пропуская процессию. Двое пытались разглядеть Элю. Один смотрел на Аскара. Старый оруженосец у двери заметил его Ноктарский нож, но не потребовал сдать.

Палата описи находилась на первом этаже. Каменный стол занимал середину. По стенам стояли закрытые шкафы с цветными печатями разных юрисдикций. У каждого окна — внутренние ставни и решётка, которую можно было опустить на ночь.

Нарел лежал на той же открытой повозке прямо внутри комнаты. Передний борт сняли, дверь в коридор оставили распахнутой. Домашний лекарь Вейров, седой мужчина по имени Тарвен Эстел, разговаривал с Эреной, не приближаясь к пациенту.

— Осмотр только после того, как вы прочитаете полномочия комиссии, — говорил он.
— До этого я отвечаю за помещение, не за тело.

— Уже лучше, чем большинство, — сказала Эрена.

— Мне сообщили, что это высокая похвала.

Нарел увидел Элю.

— Вошли?

— Теми же воротами.

Он сделал запись.

Передачу начали заново при полном составе. Илвен назвал каждую печать. Рема подтвердила срок заморозки долга: оставалось шестнадцать дней. Мира приняла обязанность дома защищать человека, но отказалась принимать права на его перемещение или лечение.

— Формулировка странная, — сказал Нарел.

— Нам нужно записать, чем мы не владеем, — ответила Мира. — Иначе люди позже решат, что защита означала опеку.

— За последние недели это самая полезная странность.

Накопитель поставили под стеклянный колпак. Домашний маг измерил каплю, не открывая собственного доступа. Результат совпал с последней дорожной рисккой. Илвен передал копии опытов, но оригинал личной пластины оставался в Кремнёвой Заставе. Распорядитель Совета выразил недовольство.

— Без оригинала Дом Вейр просит Совет действовать по рисунку.

— Дом пока просит открыть реестры, — сказала Эля. — Рисунок подтверждён двумя храмами и дорожными измерениями.

— Личная печать наместницы относится к храмовой юрисдикции.

— Нарел относится к себе.

Распорядитель посмотрел на него как на неудобную поправку к процедуре.

— Никто не оспаривает его человечность.

— Её уже оспаривали бумагами, ремнями и словом «сосуд». Теперь придётся подтверждать действиями.

Мира Сален попросила внести эту реплику в протокол полностью.

Аскар занял место у открытой двери. Не как охранник. Просто там, где видел Нарела, Элю и коридор. Пустая строка не получила стула, поэтому он выбрал его сам.

Опись продолжалась больше часа. Проверили восемь прорисовок, три письма, копию показания Варса, белую расчётную пластинку, таблицы роста капли и временное решение. Каждая сторона оставила собственную печать. Ни один шкаф не получил все документы.

Когда Илвен дошёл до ножа Нарела, дверь снова открылась.

Человек, вошедший в палату, был выше Эли и заметно старше портретов, которые она видела на монетных листах. Серебро в волосах не смягчало лицо. Левая рука двигалась хуже правой — старая военная рана. На зелёном камзоле не было знаков Совета, только маленькая птица над волной.

Аэлиан Вейр пришёл без свиты.

Мира поднялась.

— Глава, личная встреча назначена после завершения описи.

— Я знаю.

Он не посмотрел на протокол. Не на печать Саэлы, накопитель или распорядителя Совета.

На Элю.

Его лицо не изменилось сразу. Сначала взгляд нашёл линию скулы. Потом левую бровь, где у Эли росли два светлых волоска среди тёмных. Потом руки — одну перевязанную, вторую рядом с мечом.

Аэлиан остановился в трёх шагах.

— Эльвира держала правую руку точно так же, когда не хотела, чтобы я заметил страх, — сказал он.

Эля убрала ладонь с рукояти.

— Я не она.

— Нет.

В одном слове не было разочарования. Только боль человека, который на мгновение увидел невозможное и сам заставил себя различить.

— Простите, — сказал Аэлиан. — Я пришёл раньше времени.

Он не назвал её внучкой. Не попытался обнять. Не приказал снять оружие в доме.

Повернулся к Нарелу.

— Я Аэлиан Вейр. Дом принял вашу защиту до независимого решения. Моё родство с Элинализ не даёт мне права на ваши показания.

— Хорошо, — сказал Нарел. — Тогда не забирайте нож.

Аэлиан посмотрел на строку описи.

— Не беру.

Он занял свободное место у стены и остался до конца передачи.

Присутствие главы дома изменило комнату, хотя Аэлиан ничего больше не сказал. Распорядитель Совета перестал перебивать Илвена. Домашние писари выпрямили спины. Даже Мира Сален стала выбирать паузы осторожнее.

Нарел заметил это первым.

— Если вы здесь только как свидетель, — сказал он Аэлиану, — не заставляйте остальных бояться вашей подписи.

В комнате стало ещё тише.

Аэлиан посмотрел на писарей.

— Любое решение, принятое из-за моего присутствия, внесите отдельной строкой. Если формулировка изменилась после моего входа, верните прежнюю и запишите обе.

Илвен нашёл место, где распорядитель Совета согласился на храмовый запрос быстрее, чем пять минут назад. Прочитал старую и новую формулировки. Новую отменили. Совет получал право присутствовать при проверке, но не забирать накопитель.

— Так лучше? — спросил Аэлиан Нарела.

— Проверим после вашего ухода.

— Разумно.

Передача закончилась четырьмя отдельными расписками. Дом Вейр принял защиту человека. Лечебная палата — помещение и обязанность предоставить помощь. Архив — заве-

ренные копии, но не право толковать их единолично. Советский распорядитель — уведомление о споре. Ни в одной строке не было передачи Нарела.

Затем Тарвен Эстел показал ему лечебную комнату.

Она находилась на том же этаже, выходила окнами в внутренний сад и имела две двери: в коридор и на открытую галерею. Обе открывались изнутри без ключа. Решёток не было. Вместо них окна закрывали лёгкие сетчатые ставни, которые Нарел мог снять сам.

— Почему не палата? — спросил он.

— Потому что палата предполагает общий распорядок, — ответил Тарвен. — А у вас отдельные условия и риск реакции на чужую магию.

— Здесь есть скрытый накопитель?

— Нет. Световые пластины отопления сняли до вашего приезда. Проверить можете с Эреной.

Эрена проверила стены, кровать, воду, шкаф и даже ночной горшок. Нашла только обычный медный подогреватель под умывальником и велела убрать его тоже.

— Он не магический, — заметил Тарвен.

— Тогда переживёт коридор.

Нарел записал устройство комнаты, проверил обе двери и согласился остаться на первую ночь. Нож положил на стол у кровати, не пряча.

Комиссию из трёх лекарей должны были представить утром. Один от Вейров, один из городского лечебного союза, третий по выбору Нарела из списка людей, не связанных с великими домами. До этого Эрена сохраняла последнее слово в лечении.

— И если я никого не выберу? — спросил Нарел.

— Останутся двое наблюдателей без права вмешательства, — сказал Тарвен. — Эрена продолжит.

— Дом согласен оплачивать человека, который ничего не делает?

— Совет обычно так и работает.

Аскар тихо кашлянул. Эля решила, что домашний лекарь ей нравится.

Улики разнесли по трём местам внутри квартала. Накопитель остался в палате описи под печатями Вейров, Серой Марки и Ремы. Копии писем ушли в семейный архив, где Совет не имел самостоятельного доступа. Показания Варса и финансовые знаки передали городской счётной палате в заверенных копиях. Оригиналы, оставленные на заставе и в Сером Броде, сохраняли независимость цепи.

Мира Сален провела Элю по маршруту между тремя хранилищами. Не как экскурсию по дому, а как проверку: кто держит ключ, кто имеет право открыть, сколько свидетелей требуется и куда уйдёт тревожное сообщение при попытке изъятия.

— Почему вы объясняете это мне? — спросила Эля.

— Потому что вы подписали исходные описи.

— Не потому, что считаете наследницей?

— Если глава признает вас, вы получите больше прав и больше причин вмешиваться. Я предпочитаю, чтобы вы знали границы до того, как власть начнёт казаться личной собственностью.

— Вы всем наследникам так говорите?

— Большинство растёт здесь и перестаёт слышать к пятнадцати годам. Вы прибыли поздно. Это преимущество.

Мира не улыбалась, но Эля услышала в последней фразе сухое одобрение.

Комнаты для них подготовили в жилом крыле рядом с внутренним садом. Для Эли — просторную спальню с зелёными занавесями, отдельной ванной и шкафом, в который поместилось бы всё имущество их дома у Серого Брода. На кровати лежала одежда её размера: элирийское платье, дорожный костюм, мягкие сапоги и домашний халат.

— Кто измерил? — спросила она.

— Дорожные писари передали рост, — ответила Мира.

— Они записывали оружие.

— Хороший портной умеет читать окружность плеч по длине ремня.

Эля закрыла шкаф.

Комната Аскара находилась через коридор. Меньше, но не служебная. На двери не было имени или должности. Внутри стояли кровать, стол и карта Лиарена без отмеченных запретных районов.

— Пустая строка получила стены, — сказал он.

— Можем остаться здесь вместе.

— Можем.

Мира ждала решения без пера в руке.

Эля посмотрела на две двери. Дом предложил отдельные комнаты, не запретив общую. Если она выберет Аскара сейчас, служащие к вечеру будут знать. Если разойдутся, Совет прочитает это как расстояние между наследницей и неудобным спутником.

Любой бытовой выбор уже становился заявлением.

— Спать будем у меня, — сказала Эля. — Твоя комната остаётся твоей. Для вещей, работы и права закрыть дверь, если я начну разговаривать как Совет.

Аскар провёл рукой по столу.

— А если я начну?

— Отберу карту.

— Жестоко.

Мира внесла только выдачу двух ключей. Не место сна.

Одежду Эля не надела. Сменила мокрую рубашу на свою запасную, закрепила меч и вернулась в палату описи. Аэлиан всё ещё был там.

Он стоял у окна и читал не её письмо, а временное решение о Нареле. Левая рука лежала на подоконнике, пальцы не сгибались полностью. Такая же телесная непослушность, только прожитая десятилетиями.

— Передача завершена, — сказала Мира.

— Все стороны получили копии?

— Да.

— Нарел принял комнату?

— На одну ночь по собственному решению.

Аэлиан кивнул. Только теперь позволил себе снова посмотреть на Элю.

— Значит, дело может продолжаться без нашего разговора.

— Может.

— Хорошо.

Он произнёс это с облегчением. Не потому, что разговор стал менее важным. Потому что Эля больше не должна была соглашаться ради защиты остальных.

Распорядитель Совета не разделял облегчения.

— До наступления ночи необходимо определить домашний статус прибывшей, — сказал он. — Иначе защита Вейров создаёт полномочие без признанного основания.

— Основание — приказ главы дома, — ответила Мира.

— Временный приказ. Он позволяет въезд, но не проживание во внутреннем квартале после завершения передачи.

Эля поняла устройство ловушки. Если примет домашнюю клятву сейчас, Совет скажет, что она вступила в Дом Вейр ради защиты и лишь потом предъявила родство. Если откажется, её можно вывести в гостевой двор и отделить от Нарела, архивов и Аэлиана.

— Какие варианты? — спросила она.

Распорядитель перечислил:

— Гость дома под личной ответственностью главы. Соискатель родства до проверки. Защищённый свидетель по делу. Домашний служащий. Представитель внешней стороны.

— Наследница?

— Только после признания.

— Полукровка, которой не подошли ваши списки?

— Это не статус.

— Жаль. Самый точный.

Аскар прислонился к дверному косяку. Распорядитель бросил взгляд на его пустую строку и быстро отвёл. Одного нерешённого человека процедура уже терпела плохо. Двое могли показаться заразными.

Аэлиан подошёл к столу.

— Элинализ остаётся гостем дома под моей личной ответственностью до окончания проверки родства.

— Тогда вы не можете одновременно вести проверку.

— Не буду единственным проверяющим. Пригласим независимого хранителя Совета, храмового свидетеля и человека, которого выберет Элинализ.

— Домашний гость обязан сдать оружие внутри жилого крыла.

— Обычно.

— Исключение нужно обосновать.

Аэлиан посмотрел на Элину руку, ещё не способную полностью сжать рукоять.

— Она прибыла как свидетель нападения и охрана Нарела. Её оружие внесено в непрерывную опись. Изъятие изменит доказательную цепь и нарушит мой дорожный приказ.

— Вы обосновываете семейное исключение расследованием.

— Я обосновываю сохранение факта тем, что он уже существует.

Распорядитель потребовал письменную формулировку. Мира написала, Аэлиан подписал, Эля поставила знак, что оружие остаётся у неё по её выбору, а не как дар дома.

— Аскар? — спросила она.

— Гость, приглашённый вами, если глава принимает, — ответил распорядитель.

Аэлиан не стал смотреть на Элю за подтверждением. Обратился к Аскару напрямую:

— Хотите остаться гостем Дома Вейр на собственном имени?

— Что я буду должен?

— Соблюдать закон квартала, не входить в закрытые архивы без разрешения и отвечать за причинённый ущерб. Никакой службы, клятвы или отказа от происхождения.

— Тогда останусь.

— Оружие?

— В непрерывной описи как у сопровождающего свидетеля, — сказала Мира прежде распорядителя. — Та же причина.

Аскар получил статус без определения отношений. Не пустоту. Просто своё имя и обязанности, которые можно прочесть.

После оформления Советский представитель ушёл отправлять жалобу собственному начальству. Мира пригласила всех в малую столовую. Не праздничный зал: обычную комнату для служащих внутреннего дома. За длинным столом ели писари, командиры смен, архивисты и двое дальних родственников Вейров.

Эля вошла, и разговоры стихли.

Аэлиан не посадил её по правую руку главы. Указал на свободное место рядом с Мирой, где обычно сидели люди, отвечающие за дела дня. Аскару предложил стул рядом. Сам сел напротив.

Это было менее торжественно и потому сложнее. За церемонией можно спрятаться. За миской капустного супа приходилось держать ложку и смотреть, как возможный дед режет хлеб одной плохо слушающейся рукой.

Никто не просил Элю рассказать жизнь. Мира обсуждала повреждённую заставу, архивист — прибытие писем Саэлы, командир — смену охраны Нарела. Аэлиан задавал короткие вопросы и не перебивал ответы.

Один дальний родственник, мужчина лет сорока по имени Лаэр Вейр, всё-таки не выдержал.

— Если вы действительно дочь Эльвиры, почему пришли только сейчас?

Эля положила ложку.

— Потому что до недавнего времени не знала, что здесь меня кто-то ждёт.

— Но имя матери знали?

— Знала.

— И Дом Вейр?

— Знала достаточно, чтобы ожидать вопрос именно таким тоном.

Лаэр покраснел.

Аэлиан не приказал ему замолчать.

— Что в тоне неправильно? — спросил он Элю.

— Он уже решил, что я опоздала к собственной семье и должна объяснить задержку.

Аэлиан кивнул.

— Лаэр, вы получили ответ.

— Я хотел установить...

— Родство устанавливают документами и свидетелями. Вину за двадцать лет — не за столом.

Лаэр извинился. Неискренне, но вслух. Мира внесла вопрос в список тем, запрещённых до официальной проверки. Дом превращал неловкость в процедуру с поразительной скоростью.

Аскар ел молча. Под столом его колено касалось Элиного, не прячась и не требуя ответа. Она не отодвинулась.

После ужина Мира принесла в малую рабочую комнату бумагу с водяным знаком Вейров и предложила отправить отчёт в Серый Брод домашней почтой. Эля взяла бумагу, но отказалась от готового конверта.

— Почему? — спросила Мира.

— Не хочу, чтобы единственная копия ушла через людей дома.

— Домашняя почта быстрее городской.

— Поэтому одну отправим вами. Вторую — обычной дорогой. Третью передаст Рема через Морвейскую палату.

Мира не обиделась.

— Разумно. Но городская почта потребует открыть внешний лист для проверки магических знаков.

— Там не будет секретов. Только список того, что должно дойти.

Эля начала писать Лиссе. Не «мы добрались», а по её же пяти вопросам.

Где находятся: внутренний квартал Дома Вейр, Нарел — в незапертой комнате у лечебного сада, Эля и Аскар — в жилом крыле с двумя отдельными ключами.

Кто рядом: Эрена, Рема, Илвен, лекарь Тарвен Эстел, Мира Сален, Аэлиан Вейр, представитель Совета.

Что сделали с телом Нарела: только измерили утечку через стекло, без нового доступа к Свету; осмотр перенесён до выбора независимого лекаря.

На что согласился: на одну ночь защиты и комнату; не на передачу дому.

Чего не разрешал: забирать нож, тетрадь, накопитель или проводить ночной опыт.

Отдельно Эля перечислила хранилища копий и номера шкафов. Мира продиктовала имена держателей ключей. Аскар проверил путь от лечебного двора до палаты описи по карте квартала и добавил два выхода, о которых управляющая сначала не упомянула: пожарный проход к каналу и старая лестница в казарму.

— Лестница закрыта, — сказала Мира.

— Чем?

— Железной дверью и двумя печатями.

— Тогда она всё равно существует.

Мира внесла её в схему.

На личной строке Эля написала только: «Аэлиан не признал и не отверг родство. Не потребовал сдать оружие. Разговор назначен на утро по моему согласию».

Аскар прочитал.

— Лисса спросит, где я.

— Уже написано.

— Там написано «жилое крыло».

Эля взяла перо снова.

«Аскар вошёл главным входом рядом со мной. Получил гостевой статус на собственном имени без службы дому. Спать будем в моей комнате, его ключ остаётся у него».

Мира изучала противоположную стену с достойным уважением к чужому отсутствию тайны.

— Достаточно подробно? — спросила Эля.

— Для Лиссы — возможно, — сказал Аскар. — Для архива будущего суда понадобится схема кровати.

— Нарисуешь на своей копии.

Они сделали три пакета. Домашний Мира запечатала знаком Вейров рядом со знаком Эли. Городской пакет не содержал имён Саэлы или Сольвейнов на внешнем листе; внутри лежала полная копия. Морвейский Рема включила в обычную ведомость о продлении срока долга.

Аскар вызвался отнести городской пакет лично.

— Можно отправить служащего, — сказала Мира.

— Можно. Но тогда я не узнаю, выпускают ли гостей через главный вход после ужина.

Мира выдала ему жетон возвращения и не предложила служебную дверь.

Эля пошла вместе. На главной лестнице вечерняя смена охраны сверила их имена, оружие и два ключа. У ворот Аскар вышел первым. Никто не остановил. Через площадь они дошли до общественной почтовой палаты, где стояли в очереди между торговкой краской и мужчиной с клеткой певчих птиц.

Почтовая служащая открыла внешний лист, проверила отсутствие активной магии и взвесила пакет.

— Срочно?

— Обычная, с отметкой каждой остановки, — ответила Эля.

— Дойдёт за восемь-девять дней.

Домашняя почта обещала четыре. Морвейская — шесть. Разница была частью защиты: если самая медленная копия придёт первой, Лисса узнает, какие дороги замолчали.

На обратном пути Аскар остановился посреди площади.

— Север там, — сказал он, показывая без карты.

— Ты уже проверял сегодня.

— Проверяю город. В нём Пути дают иначе.

— Ты открыл Искру?

— Нет. Просто чувствую, что под улицами старые дороги. Некоторые идут сквозь дома, которых раньше не было.

— Не трогай.

— Не трогаю.

Он взял её за здоровую руку. Так они вернулись через главный вход: два гостя, чьи имена охрана нашла в одной строке только потому, что сама Эля настояла написать их рядом.

После ужина они проверили Нарела. Температура не поднялась. Тарвен Эстел представил список независимых лекарей; Нарел выбрал пожилую женщину из городского союза, потому что напротив её имени стояла пометка «не принимает домашних пожертвований». Первый осмотр назначили утром.

Накопител под колпаком вырос ещё на одну тонкую риску. Домашний маг хотел повторить опыт немедленно. Нарел отказался присутствовать ночью. Опыт перенесли.

— Они перенесли? — переспросил он, когда маг ушёл.

— Да, — ответила Эля.

— Странно.

— Привыкай медленно.

— Не хочу. Тогда перестану проверять.

Он сделал запись: «Отказался ночью. Перенесли без спора».

Когда Эля вернулась в жилое крыло, на пороге её комнаты ждал Аэлиан. Без Мира, писарей и семейных знаков. В руках держал не архив, а два ключа.

— Один от комнаты, которую вам приготовили, — сказал он. — Второй от старой комнаты Эльвиры. Я не открывал её после получения вашего письма.

Эля не взяла второй.

— Почему?

— Потому что не знаю, имею ли право войти первым после того, как вы назвали себя её дочерью.

— Вы входили двадцать лет.

— Первые годы. Потом перестал.

Он не объяснил. Не сделал молчание просьбой о жалости.

— Я хотел бы поговорить до проверки архива, — продолжил Аэлиан. — Не как глава Совета. Как отец Эльвиры. Без свидетелей, если вы согласны.

Эля посмотрела на закрытую дверь своей комнаты. За ней лежала одежда, подобранная по ремню. Через коридор — комната Аскара с картой и пустой табличкой.

— Без Совета, — сказала она. — Без писаря. Дверь остаётся открытой.

— Хорошо.

— Аскар будет снаружи.

Аэлиан перевёл взгляд через коридор. Аскар стоял в дверях своей комнаты, достаточно близко, чтобы слышать имя, но не слова.

— Если это его выбор, — сказал Аэлиан.

— И мой.

— Тогда завтра утром. В комнате Эльвиры или в любом месте, которое выберете вы.

Он протянул оба ключа ладонью вверх.

Эля взяла только первый.

— Второй принесите завтра.

Аэлиан закрыл пальцы вокруг ключа Эльвиры.

— Принесу.

Он ушёл, не коснувшись её и не назвав внучкой.

Аскар дождался, пока шаги стихнут.

— Хочешь, чтобы я действительно стоял снаружи?

Эля посмотрела на дверь, которую завтра оставит открытой.

— Да. Но не уходи дальше коридора.

— Не уйду.

В комнате Эля положила ключ на стол и долго не снимала меч. Аскар закрыл дверь только наполовину, оставив полосу света из коридора.

— Тебе нужен свидетель? — спросил он.

— Нет. Если разговор станет доказательством, в комнате будет хранитель Совета.

— Тогда зачем открытая дверь?

Эля села на край кровати.

— Чтобы я помнила, что могу выйти. И чтобы он помнил.

— А я?

— Чтобы ты был рядом.

Аскар кивнул без обиды на различие.

— Если позовёшь, войду. Если он повысит голос, не войду без зова. Если услышишь что-то, после чего захочешь молчать, не стану вытаскивать слова.

— Ты подготовил правила?

— Учусь у Нарела. Полезно знать, на что согласился до начала.

Эля расстегнула пояс. Положила меч рядом с кроватью, не дальше вытянутой руки.

— А если я выйду и скажу, что Аэлиан оказался хорошим человеком?

— Потребую независимую проверку.

— Если плохим?

— Тоже. Один разговор не доказывает всю жизнь.

— Ненавижу, когда ты разумный.

— Поэтому делаю это редко.

Он лёг рядом. Эля повернулась к нему спиной, и Аскар обнял её так, чтобы не касаться больных пальцев. За стеной Дом Вейр продолжал работать: менялись караулы, хлопали архивные двери, кто-то нёс воду по галерее. Возможная семья не замерла в ожидании её решения. Это почему-то облегчало дыхание.

Эля уснула не сразу. Когда просыпалась, дверь оставалась приоткрытой, меч — на месте, Аскар — рядом. Ни один из этих фактов не требовал имени.

Перед рассветом она достала письмо Аэлиана. Перечитала строку о мокрой курице и сложила лист обратно. Можно было принести его на разговор, положить между ними и потребовать доказать каждое слово. Можно было оставить в комнате как единственную вещь, которую Аэлиан дал ей без протокола.

Эля оставила.

Взяла только свою дорожную тетрадь. На первой чистой странице написала три вопроса: знал ли он о её рождении; кого послал искать Эльвиру; почему перестал входить в её комнату. Ни один не проверял любовь. Любовь человек мог заявить и не суметь прожить. Ответы проверяли поступки.

Под вопросами Эля оставила место для собственных решений. Не для знака Аэлиана, Совета или хранителя. Если разговор станет слишком тяжёлым, она запишет, что вышла. Если захочет продолжить — тоже.

Аскар проснулся от скрипа пера.

— Уже судишь?

— Готовлюсь не дать судить себя.

— Тогда оставь одну пустую строку.

— Зачем?

— Для того, чего никто из вас не предусмотрел.

Эля оставила.

Ключ от комнаты Эльвиры всё ещё был у Аэлиана, и он не прислал служащего напомнить о нём до рассвета или потребовать немедленный ответ.

Утром Аэлиан должен был принести ключ от прошлого, которое ни один из них не мог открыть единолично.

Глава 15. Отец Эльвиры

Аэлиан пришёл на рассвете с ключом и тремя закрытыми коробками.

Не в парадном камзоле. На нём была тёмная рубаха, старый кожаный пояс и перчатка на левой руке, скрывавшая плохо сгибающиеся пальцы. Коробки нёс сам. Служащих в коридоре не было.

Аскар уже сидел у открытого окна напротив комнаты Эльвиры. На коленях лежала карта квартала, но он не делал вид, что пришёл ради дорог.

— Доброе утро, — сказал Аэлиан ему.

— Посмотрим.

Аэлиан принял ответ без обиды.

Эля вышла с тетрадью и мечом. Аэлиан заметил оружие, затем открытые двери обеих комнат.

— Готовы? — спросил он.

— Откройте.

Комната Эльвиры находилась в конце галереи. На двери не было имени, только выцветшая царापина в форме короны над птицей. Аэлиан провёл большим пальцем по линии.

— Она рисовала это на всём, что принадлежало мне, — сказал он. — Я запрещал портить мебель. Потом начал оставлять ей нож для дерева.

Ключ повернулся с трудом. Замок не открывали давно.

Внутри не было нетронутой детской жизни, застывшей на двадцать пять лет. Мебель накрывали чехлы. Пол оставался чистым. Книги сняли с полок и сложили в коробки, чтобы сырость не съела корешки. На стене сохранилась светлая прямоугольная тень от убранный картины.

— Вы сказали, что перестали входить, — сказала Эля.

— Перестал одиннадцать лет назад. До этого сюда приходили слуги и архивисты. Я пытался превратить комнату в память, которую можно обслуживать по расписанию.

— Почему перестали?

Первый вопрос из тетради прозвучал раньше, чем они сели.

Аэлиан поставил коробки на стол.

— Потому что однажды поймал себя на том, что помню расположение её вещей лучше, чем последний разговор. Я сохранял комнату вместо дочери.

Ответ не просил прощения. Эля записала его дословно.

— Дверь остаётся открытой, — сказала она.

— Да.

Аскар остался на стуле в коридоре. Отсюда он видел Элю, но не содержимое коробок. У него был собственный выбор не входить в чужую семью без приглашения.

Эля сняла чехол с одного стула. Аэлиан взял другой. Между ними стоял стол и три коробки.

— Знали о моём рождении? — спросила она.

— Знал о беременности Эльвиры. Получил одно письмо после родов. В нём не было имени ребёнка, только слова: «Она жива, у неё мои глаза и его упрямство».

— Почему не было имени?

— Письмо шло через фронт. Имя давало врагам больше, чем мне.

— Где оно?

Аэлиан коснулся первой коробки.

— Здесь. Оригинал. До того как вы откроете, пригласим независимого хранителя, если хотите использовать его для проверки родства.

— Сейчас не хочу.

— Тогда не открываем.

Эля ожидала, что он хотя бы предложит посмотреть личную строку. Аэлиан убрал руку.

— Кого послали искать? — спросила она.

— Всех, кого мог послать без объявления вторжения.

— Имена.

Он перечислил пятерых. Двое военных разведчиков, храмовая связная, торговец тканями и бывшая служанка Вейров, знавшая Эльвиру ребёнком. Трое вернулись. Один разведчик погиб. Торговец пропал на Ноктарской стороне.

— Когда?

— Первый отряд ушёл через девять дней после последнего письма. Второй — после слуха о казни. Третий — после окончания зимнего наступления.

— Девять дней.

— Фронт между нами был закрыт.

— Но не для всех. Служанка вышла.

Аэлиан не стал защищаться картой войны.

— Да. Она сделала то, чего не смогли мои люди.

— Почему?

— Потому что была рядом. Потому что выбрала ребёнка раньше приказа дома. Потому что война делает власть медленной именно там, где одному человеку достаточно двери и плаща.

Эля записала и это.

— Её имя?

— В донесениях его нет. Эльвира называла двух женщин, которые оставались при ней, но какая вынесла ребёнка, мы не установили. Я мог назвать одну ради удобства. Не стану.

Эля почувствовала неожиданное облегчение. Безымянная женщина не стала менее настоящей от того, что Аэлиан отказался присвоить ей чужое имя.

— Что нашли?

Он открыл вторую коробку.

Внутри лежали копии военных донесений, дорожные жетоны, карта с выцветшими линиями и маленькая детская застёжка из тёмного металла. Каждый предмет имел архивный номер. Оригиналы документов хранились отдельно; сюда Аэлиан принёс заверенные копии, чтобы семейный разговор не изменил доказательства.

— Это маршрут, который удалось восстановить, — сказал он.

Первая точка стояла у крепости Кхар-Рах в 4095 году. Потом старая снабженческая дорога, заброшенный пост, поле сожжённых обозов и человеческое поселение у границы Сарвена. Между точками зияли дни без следа.

— Откуда знаете, что с ней был младенец?

Аэлиан подал три донесения.

В первом Ноктарский земледелец описывал женщину в чужом плаще, просившую козье молоко и чистую ткань. Во втором человеческий возчик видел на старой дороге одинокую путницу с перевязанной к груди ношей. В третьем лекарь пограничного приюта записал лечение молодой женщины с обмороженными руками и ребёнка смешанной крови, имя которого не назвали.

Три свидетельства не доказывали, что ребёнком была Эля. Но совпадали по времени, направлению и деталям одежды.

— Последняя точка? — спросила она.

— Приют закрылся во время следующего наступления. Книгу вывезли в Сарвен. Женщина и ребёнок ушли до закрытия. Дальше след потерян.

— Значит, вы не знали, что я умерла.

— Не знал.

— Но считали.

— Да.

Аэлиан произнёс это без смягчения.

— Когда перестали искать?

— Через семь лет после войны.

— Война закончилась двадцать лет назад.

— Ищущие отряды — через семь лет. Частные запросы я отправлял дольше. Последний — три года назад.

— Почему прекратили?

— Потому что запросы начали причинять вред людям, похожим на вас. Дома проверяли девочек-полукровок, семьи скрывали их, посредники требовали деньги за ложные сведения. Я искал внуку и создавал охоту на чужих детей.

Эля не была готова к этому ответу.

Оставленная Аскаротом пустая строка ждала в тетради.

Эля написала: «Остановил поиск, когда он стал вредить другим детям».

Не простила. Не обвинила. Зафиксировала поступок.

— Вы сказали, что считали нас погибшими, — произнесла она.

— После седьмого года — да. До этого считал пропавшими. Потом перестал различать надежду и отказ принять смерть.

— Мать погибла.

Аэлиан замер. Он знал слух, приказ о казни и послевоенные свидетельства. Не знал от человека, который был рядом.

— Расскажите? — спросил он.

Не «как». Не «кто виноват», хотя имя Барахура было известно. Оставил право отказаться.

Эля посмотрела в коридор. Аскар не двигался. Карта лежала на коленях, его ладонь — на краю листа. Она могла выйти. Вместо этого открыла следующую страницу.

— Барахур казнил её. Не в бою. Не случайно. Она была пленницей и моей матерью. Этого оказалось достаточно.

Аэлиан закрыл глаза, но только на один вдох.

— Вы видели?

— Видела последствия и знала приказ. Остальное мне рассказывали люди, которые пережили крепость.

Она не стала заново строить сцену смерти из подробностей первого тома. В комнате было достаточно одного факта: Эльвира не исчезла в красивой неизвестности. Её убили по решению человека, с которым её связывала кровь Эли.

— Барахур был моим отцом, — сказала она. — Это не делает его поступок меньше. И не делает меня его продолжением.

— Нет.

Аэлиан ответил сразу.

— Вы не хотите спросить, что от него во мне?

— Хочу знать всё, что вы сами сочтёте важным. Но не буду искать Барахура в ваших жестах, чтобы решить, достойны ли вы Эльвиры.

— А Совет будет.

— Совет ошибётся.

Уверенность могла быть обещанием, которое легко дать в закрытой комнате. Эля не приняла её за доказательство. Но записала рядом: «Не потребовал оправдать кровь отца».

Аэлиан снял перчатку с левой руки. Старый шрам шёл от запястья к безымянному пальцу, сухожилие тянуло кожу.

— Эльвира получила такой же порез в двенадцать лет, — сказал он. — Украла тренировочный клинок, который был ей велик, и решила, что сможет остановить удар голой рукой.

— Смогла?

— Кровь остановила занятие.

— Значит, да.

Аэлиан впервые почти улыбнулся.

— Она сказала то же самое.

Он не утверждал, что Эля похожа каждым ответом. Не собирал дочь из внучки. Просто позволил одной общей нелепости остаться между ними.

Третья коробка содержала вещи Эльвиры: деревянную корону с вырезанной мокрой птицей, обломок тренировочного клинка, два письма без военных сведений и зелёную ленту. Эля не касалась их сразу.

— Почему принесли?

— Чтобы вы могли выбрать, что использовать для проверки, а что оставить личным.

— Проверки чего?

— Родства. В письмах есть семейные подробности. На ленте — кровь Эльвиры после того пореза. Храмовый лекарь может сравнить наследственные признаки, но я не позволю использовать кровь без вашего согласия.

— Кровь сравнивают магией?

— Светом можно установить близость тканей, не точную родословную. Ошибка велика. Поэтому нужны документы, свидетели и телесные признаки вместе.

— Какие признаки?

Аэлиан перечислил не цвет глаз. У Вейров в семье редко росли два светлых волоска в левой брови. Второй палец на правой ноге был длиннее первого. После сильной лихорадки у Эльвиры появлялись белые пятна на ногтях, а на холоде немел мизинец левой руки из-за узкого канала в запястье.

Эля сняла сапог.

Второй палец был длиннее.

Показала левую ладонь.

— Мизинец немеет первым.

Аэлиан не потянулся проверить. Посмотрел и отвернулся к окну, будто два маленьких телесных совпадения оказались тяжелее рассказа о казни.

— Это не доказательство, — сказала Эля.

— Нет.

— Вы хотите, чтобы было.

— Да.

Его честность не была благородной. Просто открытой. Аэлиан хотел внучку и поэтому не имел права проверять её один.

— Кто независимый хранитель? — спросила Эля.

— Совет предложит одного. Вы можете отвергнуть. Храмовый свидетель не должен принадлежать лечебным домам Сольвейнов или Вейров. Третьего выбираете вы.

— Илвен Тар.

— Писарь Серой Марки?

— Он знает мои исходные документы и не любит великие дома достаточно равномерно.

— Принимаю.

— Вы не должны принимать. Только не возражать.

Аэлиан склонил голову.

— Не возражаю.

Эля открыла первую коробку после этого решения. Не письмо о рождении. Взяла деревянную корону.

На обратной стороне неровными детскими буквами было вырезано: «Отец слишком важный. Птице нужнее».

— Сколько ей было?

— Девять.

— Уже понимала вас.

— Лучше, чем я её.

Фраза могла стать красивым самообвинением. Эля потребовала конкретнее:

— Чего вы не поняли?

Аэлиан ответил не сразу.

— Что она не просила разрешения любить мир за границей Элирии. Просила не заставлять выбирать между ним и домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.